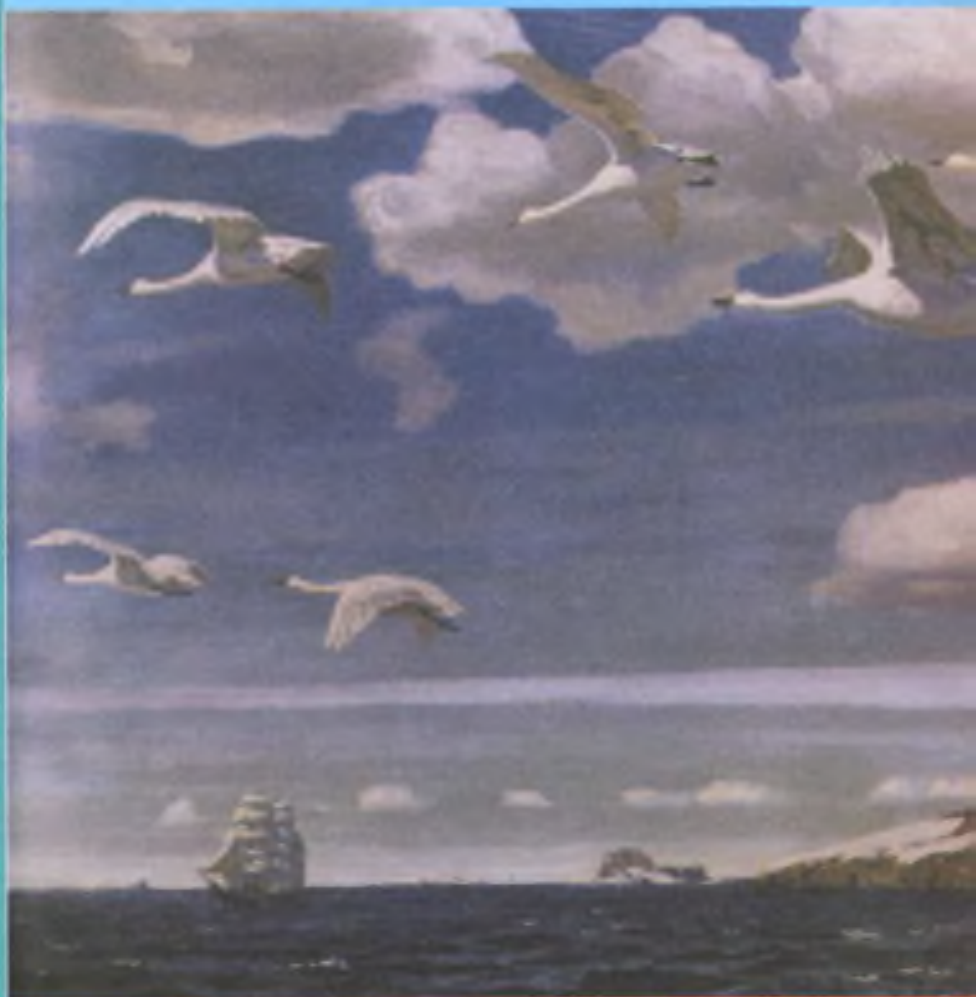

ЛИТЕРАТУРА

Часть 1

6

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

для общеобразовательных учреждений
с приложением на электронном носителе

В двух частях

Часть 1

Под редакцией В. Я. Коровиной

Рекомендовано Министерством
образования и науки
Российской Федерации

Москва «Просвещение» 2012

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83.3я72
Л64

Учебник получил положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106-5215/648 от 14.10-2011 г.) и
Российской академии образования (№ 01-5/7д-279 от 17.10.2011 г.)

Авторы: *В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлев,
В. И. Коровик*

На переплёте — репродукция картины А. А. Рылова
«В голубом просторе» (фрагмент)

Условные обозначения:

- Вопросы и задания повышенной сложности
- Проверьте себя
- Обогащайте свою речь. Развиваем свою речь.
Совершенствуйте свою речь
- Учимся читать выразительно
- Литература и другие виды искусства
- Творческое задание
- Фонохрестоматия
- Размышляем о прочитанном
- Литература и изобразительное искусство

**Литература. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с
Л64 прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 1 / [В. П. Полухина, В. Я. Ко-
ровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин]; под ред. В. Я. Коровиной. —
М.: Просвещение, 2012. — 304 с.: ил. — ISBN 978-5-09-018426-7.**

Учебник переработан в соответствии с требованиями Федерального го-
сударственного образовательного стандарта основного общего образования,
Примерных программ по учебным предметам и Рабочих программ по литературе
под ред. В. Я. Коровиной.

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83.3я72

ISBN 978-5-09-018426-7(1)
ISBN 978-5-09-020209-1(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2012
© Художественное оформление. Издательство
«Просвещение», 2012
Все права защищены

Писатели — создатели, хранители и любители книги

В ДОРОГУ ЗОВУЩИЕ

К книге надо относиться как к жизни. Её надо читать собственными глазами. Недоверчиво. Рассматривать. Выискивать в ней точное знание. И идти от книги к книге. Ведь книга — это только дорога.

Вот вы идёте по тропинке, но если хотите пересчитать деревья, узнать, какой же это лес, то надо уходить с тропинки. И вот этот переход — углубление ваших знаний, составление примечаний, проверка.

Хороших книжек, таких, которые непременно нужно прочитать, немного, а мы прочитываем их наспех, и потому у нас возникает ошибочное ощущение, что мы их уже знаем. Мы этим портим себе чтение.

Книгу должно рассматривать так же внимательно, как часовщик рассматривает часы и шофёр — машину.

Не надо пугаться, что написано уже столько книг. Всё равно, мол, не прочитаешь. Если вы верите в себя, то количество вещей, которые вы запомните, будет вам неоднократно вспоминаться. Вы будете идти всё дальше по жизни, а книги будут идти с вами вместе и будут с вами разговаривать.

Поэтому надо запастись книгами в эту дорогу.

Пушкин умер молодым. Но он много читал и всё время изменялся. И когда вы попадаете в мир Пушкина, вы удивляетесь тому большому количеству вещей, которые он знает. Широте его интересов. Его как будто иной раз странному любопытству. И именно умению читать. Серьёзному отношению к чтению.

Первое дело — не бойтесь читать много. Не бойтесь разбираться в чтении. Каждая книга пригодится.

Когда вы что-нибудь строите, шьёте, вам надо иметь материал, нитки. Если вы что-нибудь сколачиваете, нужен инструмент, гвозди, дерево. Для того чтобы жить и развиваться, надо знать необыкновенное количество книг.

У Гоголя есть изумительные записи. Он читал и составлял свои словари. Он, например, записывал посуду, какая есть в России.

Литература открывает мир! Мне говорил казахский писатель Нурпеисов: «Ну что я знал раньше? Свою деревню и на два дня конского бега кругом неё. А книги открыли мне мир».

Есть справочный аппарат к собраниям сочинений Толстого. И, просматривая его, даже трудно себе представить, какое число людей он знал и сколько читал. И держал в памяти. Он читает Жюль Верна для детей, а размышляет, что такое тяготение, что такое невесомость в космическом пространстве. Он умеет брать из книги больше, чем в ней написано. Книга для Пушкина и для Толстого — предмет для мысли, материал для мысли. Они на ней не останавливаются, она их как бы толкает вперёд и дальше. И дальше от неё уходят.

Лев Николаевич говорил, что самый важный человек — это тот человек, который с тобой говорит вот сейчас. А самое важное время — это сейчас. И книга, которую читаешь сейчас, — самая важная.

Из размышлений В. Б. Шкловского

Проверьте себя

1. Вы прочитали выдержки из статьи «В дорогу зовущие» известного русского критика, писателя Виктора Борисовича Шкловского.

Почему он называет книгу «дорогой»? Как советует рассматривать и читать книгу? Чего не надо бояться? Как относились к книге Пушкин, Гоголь, Л. Толстой?

2. Познакомьтесь с высказываниями зарубежных писателей о книге.

Андре Моруа (французский писатель, 1885—1967): «А как следует читать? Если книга нас захватывает, то в первый раз мы читаем её быстро и увлечённо. Мы просто глотаем страницы. Но в дальнейшем (а хорошую книгу читают и перечитывают много раз) нужно читать с карандашом или пером в руке.

Ничто так не формирует хороший вкус и верность суждений, как привычка выписывать понравившийся отрывок или отмечать глубокую мысль.

Нужно дать себе слово ничего не пропускать при чтении писателей, которых по-настоящему ценишь».

Сомерсет Моэм (английский писатель, 1874—1965): «Я до сих пор читаю много критики, потому что этот литературный жанр мне нравится. Интересно соглашаться с автором; интересно с ним спорить; и всегда интересно узнать, что думает умный человек о каком-нибудь писателе...»

3. Согласны ли вы с авторами этих строк?

Постарайтесь подтвердить мысли из этих высказываний примерами из ранее прочитанных книг.

Вспомните статью о книге из учебника для 5 класса.

Используйте материалы из этой статьи для подготовки собственного высказывания о книгах и чтении.

4. Что из размышлений В. Б. Шкловского вам показалось особенно важным для каждого читателя?

Подготовьте развёрнутый ответ, включив в него слова и словосочетания из статьи критика: «точное знание», «примечания», «углубление знаний», «широта интересов», «умение читать», «справочный аппарат», «книга — предмет для мысли».

5. Какую книгу Л. Толстой считал самой важной?

Творческое задание

В статье для школьной электронной газеты напишите о том, как вы выбираете книги (по совету учителя, родителей, библиотекаря, знакомых или сами читаете оглавление, вступление, аннотацию).

Устное народное творчество

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

Фольклор всегда был важной частью народного быта. Он сопровождал первую пахоту и дожинание последнего снопа в поле, молодёжные гулянья и рождественские обряды.

Обрядовые песни — это песни, которые исполнялись во время самых разных обрядов и являлись необходимой их частью. Считалось, что если не будут выполнены все обрядовые действия и исполнены сопровождающие их песни, то не будет достигнут желаемый результат.

Календарно-обрядовые песни относятся к древнейшему виду народного творчества, и получили они своё название из-за связи с народным сельскохозяйственным календарём — распорядком работ по временам года.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Колядки

Рождественско-новогодние праздники начинались колядованием¹. Так назывались праздничные обходы домов с пением колядок — песен, в которых славилась хозяйка дома и содержались пожелания богатого урожая, изобилия и т. д. Началу года придавалось особенное значение: как встретишь Новый год, таков он и весь будет. Весёлые, коротенькие колядки были песенной формой таких пожеланий.

¹ Это название происходит от латинского слова *calendae*, обозначающего первый день месяца. Есть и другие объяснения, например от слова *коло* — круг.

Коляда, коляда!
Подавай пирога,
Блин да лепёшку
В заднее окошко!

Новый год пришёл,
Старый угнал,
Себя показал!
Ходи, народ,
Солнышко встречать,
Мороз прогонять!

Масленичные песни

Масленица праздновалась на последней неделе перед Великим постом. Она отличалась весельем, гостеприимством и обильным застольем. Основная тема масленичных пе-

«Масленица». Художник В. Кустодиев. 1919 г.

сен — встреча и проводы Масленицы. В песнях она весёлая обманщица: обещанный праздник проходит слишком быстро, а впереди Великий пост с его ограничениями и запретами.

Для проводов Масленицы сооружали страшное чучело, носили его с песнями по деревне, а потом хоронили, напевая песни, или сжигали.

Как на Масленой неделе
Со стола блины летели,
И сыр и творог —
Всё летело под порог!
Как на Масленой неделе
Из печи блины летели.
Весело было нам,
Весело было нам!
Прошла Маслена,
Кончилось гулянье,
Идем теперь
На отдыханье!

Весенние песни

Обряды, связанные со встречей весны, сопровождались пением так называемых веснянок. Их не пели, а кликали (выкликали, выкрикивали), взобравшись на пригорки, крыши. В них призывали весну и расставались с зимой.

Кликанья обычно сопровождались обрядами с птичками, выпеченными из теста (жаворонки, кулики). Птичек подкидывали с высокого места или прикрепляли к шесту, крыше на нитке, чтобы они «летали» на ветру. Всё это связывали с приходом весны, весенним возрождением земли.

Весна, весна красная,
Приди, весна, с радостью,
С великой милостью,
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

Летние песни

Широко отмечался такой летний праздник, как Троица. Этот праздник был связан с расцветающей, входящей в силу природой.

На Троицу дома украшали берёзками, с берёзками ходили по деревне. Из берёзовых веток с листьями плели венки, на которых гадали. Гадания и хороводы сопровождались различными песнями.

Во поле берёзонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Ах, люли, люли, стояла,
Ах, люли, люли, стояла.

Алыми цветами расцветала,
Ах, люли, люли, расцветала.

«Хоровод». Лубок

Осенние песни

Последний календарно-обрядовый цикл был связан со сбором урожая. Обряды эти совершали в тот день, когда заканчивали уборку хлеба.

Окончив жатву, обычно «завивали бороду», то есть завязывали последнюю горсть стеблей веночком, чтобы сила земли не скудела. После этого катались по жатве, чтобы восстановить силы, потерянные в дни страды. Потом с последним снопом, распевая песни, торжественно шли домой.

Жали мы, жали,
Жали-пожинали, —
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая¹,
Постать² широкая;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

Проверьте себя

1. Какой фольклор называется обрядовым? Какие вы знаете календарно-обрядовые песни? Почему они так называются? Подготовьте исполнение одной из них.
2. Приходилось ли вам раньше слышать подобные песни? Где и при каких обстоятельствах?
3. Что такое колядки? Когда и где они исполнялись? В чем их отличие от других обрядовых песен?
4. Символом каких песен была берёзка? Когда они исполнялись?
5. Какие календарно-обрядовые песни можно назвать самыми весёлыми? Почему?

¹ Долговая — длинная.

² Постать — обработанное поле.

Обогащайте свою речь

Объясните значение слов: «жито», «толокно», «лапта», «серп», «жать».

Учитесь читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение одной из песен. Обратите внимание на её напевность, повторы, обращения, эпитеты.

Литература и другие виды искусства

Народная обрядовая поэзия привлекала многих русских писателей, композиторов и художников: А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Пришвина, С. Есенина, А. Твардовского, а также М. Глинка, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, Г. Свиридова и др. Что же всех их интересовало в русском фольклоре, русской народной обрядовой поэзии?

Фонохрестоматия (|| СЛУШАЕМ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ||)

Песни Колядки

Обряд колядования — обход дворов с праздничными пожеланиями хозяевам и получением за то подарков — существовал у всех славянских народов. Песни, которые при этом исполнялись, на Руси назывались по-разному: «колядки» (на юге страны), «овсень» (в центральных областях), «виноградье» (на севере). Традиционно такие песни начинались с поздравления с праздником, затем шли пожелания добра и здоровья хозяевам, а в конце — требование подарков.

1. Какая из прослушанных вами песен соответствует традиционной композиции поздравления и требования подарков?
2. Первая из прозвучавших песен «Коляда, ходя, бродя...» содержит пожелание добра, достатка, здоровья хозяевам двора, в который пришли колядующие. Каким образом это пожелание выражено?
3. Как вы думаете, какая из колядок могла быть записана на юге страны, а какая — в центральных областях России?
4. Какая из колядок вам понравилась больше? Почему?
5. Кто из вас слышал другие колядки? Где это было? О чём пелось в тех колядках?

Масленичные песни

Отношение к Масленице (изображаемой в виде соломенного чучела в традиционной крестьянской одежде) в песнях было различным. В песнях о встрече Масленицы она величалась, прославлялась, представлялась нарядной и красивой. Когда речь заходила о проводах Масленицы, отношение к ней резко менялось — она обманщица, неуклюжая, неопрятная, «подкургузка»; главная вина Масленицы состояла в том, что с её уходом наступит строгий пост, когда нельзя будет веселиться, наряжаться, устраивать застолья.

1. В какой из прослушанных вами песен речь идёт о завершении масленичных праздников, о проводах Масленицы? Каково отношение поющих к Масленице?
2. В какой песне речь идёт о встрече и о проводах Масленицы? Какими словами встречают Масленицу? С каким настроением её провожают? Почему Масленица то «любая моя», то «обманка»?
3. Приходилось ли вам участвовать в праздниках проводов зимы, а может быть, вы видели настоящие масленичные праздники? Расскажите о них, о ваших впечатлениях. Какие песни пелись на этих праздниках? Похожи ли они по манере исполнения на те, которые вы прослушали? Если различаются, то чем?

Подготовьте праздник календарно-обрядовых песен (от зимних рождественских колядок до осенних, связанных со сбором урожая). Продумайте оформление сцены и зала, отберите песни, выучите их, попробуйте внести элементы театрального действия в исполнение песен.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Что за роскошь, что за смысл, какой толк
в каждой поговорке нашей! Что за золото!

А. С. Пушкин

Народ создал несметное количество пословиц и поговорок, в которых мудро и точно отразилась вся его жизнь.

Пословицы и поговорки создавались многими поколениями людей. Появились они ещё в то время, когда не было письменности. В течение столетий народ совершенствовал их. Они, как правило, не имеют автора.

Пословица — это краткое мудрое изречение, содержащее законченную мысль. Например: «Век живи, век учись», «Без друга на сердце вьюга», «Глаза страшат, а руки делают».

Яркую и точную характеристику пословицам дал сам народ. Он отметил правдивость пословиц: «Пословица правду всем говорит», их мудрость: «Пень не околица, глупая речь не пословица». В пословице видели доброго советчика: «Пословица — всем делам помощница»; отмечали долголетие пословиц: «Пословица век не сломится».

Темы пословиц и поговорок бесчисленны и безграничны. Самый большой сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля, в котором более 30 000 пословиц и поговорок, содержит 180 разрядов по разным темам.

Хорошо известны пословицы о Родине: «С родной земли — умри, не сходи», «Своя земля и в горсти мила».

Много пословиц создано о труде, семье, воспитании: «Дело мастера боится», «Дерево смотри в плодах, а человека — в делах», «Что посеешь, то и пожнёшь», «Дома и стены помогают».

В пословицах народ выразил своё отношение к обязанностям и поведению человека, его взглядам на дружбу: «Человек без друзей, что дерево без корней», «Старый друг лучше новых двух».

С осуждением и презрением народ говорит о лодырях и болтунах: «Под лежащий камень вода не течёт», «На печи по дрова поехал», «Не спеши языком, торопись делом».

Почти каждая пословица имеет прямой и переносный смысл, который расширяет рамки её применения. «Большому кораблю большое плавание» — это пословица не столько о корабле, сколько о человеке и его возможностях.

Пословица кратка, в ней нет лишних слов. Она легко и быстро запоминается, потому что в ней, как в стихотворении, есть ритм и рифма:

Ни то ни сё кипело,
да и то пригорело.

Дружно — не грузно,
а врозь — хоть брось.

Поговорка — это меткое, яркое народное выражение, часть суждения без вывода, без заключения. Например: «Лёгко на помине», «Бить баклуши», «Как снег на голову», «Ни к селу ни к городу».

Отличие поговорки от пословицы сам народ видит в том, что поговорка — украшение речи (цветок), тогда как пословица — суждение полное, завершённое, зрелое (ягодка).

В живой речи поговорка часто становится пословицей, а пословица превращается в поговорку. «Чужими руками жар загребать» — это поговорка. Так говорят о любителе использовать даром чужой труд. Это выражение может стать пословицей, если мы скажем: «Легко чужими руками жар загребать». В ней есть поучительный вывод и законченность суждения.

ПОСЛОВИЦЫ

Родимая сторона — мать, а чужая — мачеха.
На чужой стороне и весна не красна.

Не мил и свет, когда друга нет.
Один в поле не воин.

Без труда не выловишь и рыбку из пруда.
К большому терпению придёт и умение.
Делу — время, потехе — час.
Маленькое дело лучше большого безделья.

Красна птица перьем, а человек ученьем.
Без наук как без рук.
Корень учения горек, да плод его сладок.

Лежебоке и солнце не в пору всходит.
Дело не медведь, в лес не уйдёт.
Говорил день до вечера, а слушать нечего.

Молодец на овец, а на молодца — сам овца.
Волков бояться, так и в лес не ходить.
Пуганая ворона куста боится.
На печи не храбрись, а в поле не трусь.

Дураков не сеют, не жнут — сами родятся.
На голове густо, а в голове пусто.
В трёх соснах заблудился.
Лоб что лопата, а ума небогато.

ПОГОВОРКИ

Лёгкок на помине.
Кота в мешке покупать.
Ума палата.
Хоть шаром покати.
Их водой не разольёшь.
Соловьём поёт.

Обогащайте свою речь

1. Прочитайте статью «Пословицы и поговорки» и ответьте на вопросы: о чём говорит народ в своих пословицах, какие темы отражены в них? Почему пословицы легко запоминаются? Что общего в пословицах и поговорках и чем они отличаются друг от друга?
2. Озаглавьте каждую группу пословиц. Если вы затрудняетесь, вот слова для справок: «трудолюбие», «глупость», «дружба», «родина», «лень», «нерадивость», «трусость».
3. Вспомните другие пословицы, объясните их смысл.
4. Часть пословиц и поговорок пришла из сказок («Битый небитого везёт», «Кому вершки, а кому корешки» и др.), некоторые пословицы вошли в народ из басен И. А. Крылова, например: «Сильнее кошки зверя нет», «А Васька слушает да ест», «У сильного всегда бессильный виноват», «Слона-то я и не приметил», «А воз и ныне там». Припомните, из каких басен эти пословицы.

Развивает свою речь

1. Определите смысл поговорок:
«Заткнуть за пояс» — победить кого-либо;
«Рвёт и мечет» —
«При царе Горохе» —
«Медведь на ухо наступил» —
Составьте предложения с этими поговорками.
2. На титульный лист своего труда «Пословицы русского народа» В. И. Даль вынес народное изречение «Пословица несудима». Как вы думаете, почему он выбрал именно эту пословицу? Объясните её смысл. Придумайте предложения с этой пословицей.
3. Как вы понимаете пословицы: «Видит око, да зуб неймёт», «Дорого, да мило, дешёво, да гнило», «Делить шкуру неубитого медведя», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Близок локоток, да не укусишь», «Мал золотник, да дорог»? Придумайте небольшой рассказ по одной из этих пословиц.

4. Какие пословицы и поговорки вы хотели бы ввести в свою речь и использовать в разговорной речи, в процессе рассказов о писателях, о героях их произведений?

5. Проверьте себя. Назовите пословицу, отгадав её по первой части:

Пень не околица

Своя земля и

Век живи —

Делу — время,

Назовите пословицу по её второй части:

....., так и в лес не ходить.

....., а слушать нечего.

..... лучше большого безделья.

Назовите пословицы полностью, объясните их смысл. По одной из них придумайте рассказ (устный или письменный).

6. Приведите примеры меткости, образности пословиц и поговорок, рифмы в пословицах.

7. Напишите рассказ на школьную тему, озаглавив его одной из пословиц.

Проект

Подготовьте и проведите конкурс на лучшее знание пословиц и верное их толкование. Определите жюри конкурса, а также группу художников-дизайнеров, библиографов, которые подберут книги и статьи для выставки, иллюстрации к пословицам.

Древнерусская литература

Интерес к родной истории ведёт к расцвету летописания¹, исторических повестей и, наконец, хронографов — обширнейших сочинений по всемирной истории, заканчивавшихся обычно кратким изложением событий русской истории.

В этот же период развиваются сношения с другими странами — с Византией, с Болгарией и Сербией. Новгородцы описывают свои путешествия в Византию. На Русь приезжают сербские и болгарские писатели, во множестве привозятся переводные сочинения и делаются новые переводы произведений исторических, богословских, природоведческих. Создаются произведения, рассчитанные просто на занимательность.

Мы привыкли, чтобы произведения, которые мы читаем, были занимательными. Занимательность же для нас в основном связана с быстрым развитием сложной фабулы². Писатели Древней Руси тоже, конечно, стремились заинтересовать читателя. Но фабула их произведений проста, повествование ведётся спокойно, неторопливо.

Люди Древней Руси читали книги не спеша, перечитывая одно и то же произведение по нескольку раз, благоговейно ища в нём наставлений, советов либо изображения значительных событий из истории своей страны или других стран. Недаром книги образно сравнивались с глубиной морской, а читатель — с искателем жемчуга.

В древнерусской литературе нет просто действующих лиц — есть герои, совершающие великие подвиги на поле брани или нравственного совершенствования. Подобно фольклору, литература останавливалась только на событиях ис-

¹ *Летописание, летопись* — один из основных жанров древнерусской литературы; сообщения, описания событий; повествование велось по годам (рассказ каждого года начинался со слов «В лето...» — отсюда название «летопись»).

² *Фабула* (от лат. *fabula*) — рассказ, повествование о событиях.

ключительных, она не снисходила к читателю, а стремилась поднять его до своих вершин.

В литературе древней не было стихов, но была поэзия. Только образность этой поэзии иная, чем в Новое время, нам надо к ней привыкнуть, понять её. Образы рождались как бы сами собой. Мы бы сказали: «Приеду весной», а человек XI—XVII веков писал: «Приеду, как только на деревьях лист расцветёт». Древние авторы не писали, что кто-то много сделал для Родины, они писали: «Много пота утёр за Отчизну свою»; мы бы сказали: «Враги бежали», а древний книжник писал: «Показали плечи свои». Они любили гиперболы: имя Александра Невского¹, по словам его биографа, было прославлено «по всем странам до моря Египетского и до гор Араратских». Древнерусские авторы часто прибегали к сравнениям: воины сравнивались с соколами, летящие стрелы — с дождём, враги — со свирепыми зверями.

Поэтичность древнерусской литературы в значительной степени связана с её близостью к устному народному творчеству. В наше время литература и фольклор строго разграничены. Писатели XVIII—XX веков обращаются к фольклору, но никогда не становятся сказителями. В древней русской литературе было иначе. Писатели, подобно сказителям, создавали эпические² произведения. Эпичны не только начальные сказания «Повести временных лет», основанные на устных преданиях об Олеге, Игоре, Ольге, Владимире, о юноше-кожемяке и белгородских колодцах. Эпичны и более поздние произведения XV, XVI и даже XVII веков. Во многие повествования, которые являются образцами высокой риторики³, органично входят эпические части. Таков рассказ об Евпатии Коловрате в «Повести о разорении Рязани Батыем», о шести мужах храбрых в «Житии Александра Невского». В ткань многих произведений вплетаются народные песни, например в «Повесть о князе Ско-

¹ Александр Невский (1220—1263) — князь Новгородский, великий князь Владимирский. Победами над шведами (Ледовое побоище, 1242) обезопасил западные границы Руси.

² Эпические (от слова эпос) — большая группа повествовательных произведений, объединённых историко-героической тематикой.

³ Риторика — наука о красноречии.

пине-Шуйском». Как лирическая песня построена литературная в своей основе «Повесть о Горе-Злочастии». А какие прекрасные народные плачи можно найти в летописях и повестях! Помимо плачей, в литературе звучат и прославления — «славы». Обрядовая поэзия была живым источником, к которому всё время обращались писатели.

Но не надо преувеличивать значение устного народного творчества в литературе Древней Руси. При всей близости к фольклору это была литература письменная (слово «литература» от латинского *litera* — буква), при этом литература очень высокая, искусная, художественная. Она возникла ещё в X веке вместе с принятием христианства на Руси под влиянием потребностей Церкви и государства.

С принятием христианства (988 год) из славянской Болгарии, переживавшей в то время культурный расцвет, на Русь были привезены книги. Часть книг переписывалась с болгарских на Руси. Древнеболгарский язык, называвшийся на Руси церковнославянским, потому что на нём писались богослужебные книги, был близок древнерусскому и хорошо понимался русскими читателями того времени. Церковнославянский язык, гибкий и тонкий, способный выражать самые сложные отвлечённые идеи, чрезвычайно обогатил древний русский язык, сделал его более выразительным. До сих пор в нашем языке живут синонимы: русское — глаза, славянское — очи; русское — небо, славянское — небеса и пр. Западные католические страны объединяла латынь, славянские страны — церковнославянский язык.

Нам древнерусская литература представляется особенно значительной, потому что в ней есть черты, созвучные нашей эпохе. Произведения нашей древности отмечены высокой гражданственностью, искренней любовью к Родине. Писатели, отделённые от нас многими веками, гордились величием Руси, её обширностью, красотой, «светлой светлостью и красной украшенностью» её полей и лесов, «дерзостью» (смелостью) русских людей, их высокими нравственными качествами. Истинный патриотизм древнерусских авторов проявлялся и в том, что они смело писали о недостатках и преступлениях князей.

Произведения Древней Руси пленяют целомудренной чистотой. Древнерусская литература не задерживается на описаниях жестокостей, не лелеет мечту о возмездии врагам. Она призывает к возвышенному, хорошему. В ней мы находим благородные идеалы. Почти каждый писатель Древней Руси мог бы, подобно А. С. Пушкину, сказать о себе, что он «чувства добрые» пробуждал своим творчеством. Он мог бы заявить вместе с Н. А. Некрасовым, что он «сеял разумное, доброе, вечное». Поэтому произведения древнерусских авторов так живо отвечают нашему времени и возросшей в нашей стране потребности добра и доброты.

Для древней русской литературы, как и для русской литературы в целом, характерно жизнеутверждение, светлость и ясность. Возьмём, например, наиболее трагичную «Повесть о разорении Рязани Батыем». Что может быть ужаснее! Войско разбито, все князья до единого полегли на поле брани, город взят, разграблен, сожжён, почти все жители перебиты. Остались только «дым, земля и пепел». Но в повести нет отчаяния, нет уныния. Самый плач о князьях русских — прославление их доблести, гордость за то, что такие князья были. И завершается повесть так: приезжает случайно оставшийся в живых один из рязанских князей, воздаёт должное убитым, хоронит их с честью, собирает оставшихся в живых жителей, восстанавливает город, и всё заканчивается всеобщим умиротворением. Эта стойкость духа поразительна.

Ещё одно свойство древнерусской литературы особенно привлекает в наше время: старинные русские писатели с глубоким уважением относились к другим народам, к их обычаям, их верованиям.

В Новой русской литературе XVIII—XX веков продолжают лучшие традиции литературы древней. Однако древняя словесность имеет свои особенности, отличающие её от литературы Нового времени.

В искусстве слова Нового времени мы имеем дело с отдельными авторами, а древняя литература хотя и сохранила ряд имён писателей — Иларион, Нестор, Кирилл Туровский и многие другие, — но в целом была творчеством коллективным. Если в Новое время произведения классической литературы

печатаются в том виде, в каком их написал автор, то произведения старинных писателей в течение веков изменялись разными переписчиками. Каждый новый переписчик то несколько сокращал текст, то стремился «украсить» изложение, то менял смысл нарисованной картины. Он приспособлял труд своего предшественника к литературным вкусам и идейным требованиям своего времени. Так возникали новые виды или, как принято говорить, редакции одного и того же памятника.

В этих новых редакциях памятники древнерусской литературы жили, сохраняя в себе основные первоначальные черты и приобретая новые. Редкие памятники сохранились до нас в том виде, как они были впервые написаны, большинство из них дошло в более поздних «списках».

Древнерусская литература, в отличие от новой, не знала вымышленных героев или сюжетов. В древних повестях всегда действовали исторические лица, описывались исторические события. Даже если автор вносил в своё повествование чудесное, фантастическое, то это не был сознательный вымысел, потому что сам писатель и его читатели верили в правдивость описываемого. Сознательный вымысел появился лишь в литературе XVII века.

Д. С. Лихачёв, Т. Н. Мухоморова

Проверьте себя

1. Как читали книги люди Древней Руси? Что явилось достижением древнерусской литературы? Кто были действующие лица этих произведений?
2. Что было живым источником древнерусской литературы? Каковы в ней черты, созвучные нашей эпохе?
3. Что характерно для древнерусской литературы? Назовите эти свойства. Какие события описывались в древнерусской литературе (вымышленные или исторические)?

Развивает свою речь

1. Специалисты по древнерусской литературе говорят об образности произведений. Вспомните примеры, кото-

рые они приводят. Как бы сказали герои древнерусской литературы вместо следующих выражений:

«Приеду весной» —

«Кто-то много сделал для Родины» —

«Враги бежали» —

Проверьте себя по статье. Составьте предложения, используя оба варианта.

2. Постарайтесь пересказать текст статьи, активно привлекая лексику древнерусской литературы.

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

В лето 997. Пришли печенеги и стали под Белгородом. И не давали выйти из города. Осада затянулась, и был в городе голод сильный.

И собрали в городе вече¹ и сказали:

— Вот уже скоро умрём от голода. Сдадимся печенегам — может, они хоть кого-то оставят в живых, а то все умрём.

Один старец, который не был на вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что утром хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Послушайте меня, не сдавайтесь ещё три дня и сделайте то, что я вам велю.

Они же с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей.

Они собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, выкопать колодец, а болтушку налить в кадку и опустить её в колодец. И велел выкопать другой колодец, и вставить в него кадку, и

¹ *Вече* — собрание горожан для решения общественных дел.

поискать мёду. Нашли лукошко мёду в княжеской кладовой. И приказал он разбавить мёд и влить в кадку во втором колодце.

Наутро повелел он послать за печенегам. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите десять мужей, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем.

Печенеги обрадовались, подумав, что хотят им сдать-ся, выбрали лучших мужей и послали в город.

И пришли они в город, и сказали им люди:

— Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Даже если будете стоять десять лет, что вы сделаете нам? Ибо мы имеем пищу от земли. Если не верите, посмотрите своими глазами.

И привели их к колодцу, где была болтушка кисельная, и почерпнули ведром, и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли к другому колодцу, и почерпнули мёду, и стали есть сами и дали печенегам. И удивились печенеги и сказали: «Не поверят нам князья наши, если не отведают сами».

Люди же налили корчагу кисельной болтушки и мёду из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали всё, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, отпустив заложников, поднялись и пошли от города восвояси.

Размышляем о прочитанном

1. Как удалось спасти город и его жителей? Какие качества характера помогли старцу спасти город?
2. Как начинается и чем завершается сказание? Можно ли сказать, что трагическая ситуация завершается жизнеутверждающей концовкой?

Попробуйте показать интонацией при чтении грустные и радостные моменты сказания.

3. Какие особенности древнерусской литературы проявились в «Сказании о белгородском киселе»?

Развивает свою речь

1. Как вы понимаете слова: «печенег», «вече», «поведали», «повелели», «корчага», «восвояси»?
Можно ли их заменить словами, употребляемыми сегодня? Какими?
2. Подготовьте пересказ текста, используя слова, которые вы объяснили.
Передайте точно начало и концовку сказания.
Найдите верные интонации для пересказа древнерусского произведения.
3. О чём говорят начальные слова сказания «В лето 997»?
4. Какой союз повторяется в сказании и сколько раз? Как вы думаете, почему это делается?

Фонохрестоматия (слушаем актёрское чтение))

«Сказание о белгородском киселе»

1. Какие чувства участников событий (старца, горожан, печенегов) передаёт актер?
2. Какими чувствами наполняется голос летописца в финале?
3. Как вы думаете, почему этот рассказ о частном, не самом выдающемся эпизоде нашей истории стал восприниматься как широкое обобщение, событие, значение которого важно для всех времён?
4. Какие наставления содержит «Сказание о белгородском киселе»?
5. Подготовьте выразительное чтение «Сказания...», передавая величественную простоту речи летописца.

Произведения русских писателей XVIII века

РУССКАЯ БАСНЯ

Жанр басни имеет древнюю и богатую историю. Басня принадлежит к так называемому животному эпосу, в котором действующими лицами были животные, а не боги и люди. Общее в басне воплощается в частном случае, а человеческие отношения переводятся в картины из жизни животных. Это необходимо для того, чтобы посмотреть на человеческую жизнь с некоторого расстояния. И хотя в басне иногда участвуют люди как персонажи, они предстают очень схематичными, без каких-либо подробных характеристик. Баснописцу достаточно указать на род занятий (пастух, механик) или черту характера (скупость, хвастовство).

Русская басня берёт начало в далёком времени и в далёких от России землях. «Когда первобытный человек впервые почувствовал себя человеком, он оглянулся вокруг себя и впервые задумался о мире и о себе. По существу, это были два вопроса: как устроен этот мир? Как должен вести себя в этом мире человек? На первый вопрос человек отвечал себе мифом. На второй — басней», — читаем мы в книге «Басни Эзопа».

Вспомните, что говорилось о басне в учебнике-хрестоматии для 5 класса.

Проверьте себя

1. Что же такое басня?
2. Объясните слова: «мораль», «олицетворение», «аллегория» (воспользуйтесь словарём в конце 2-й части учебника).
3. Какие басни И. А. Крылова вы знаете наизусть? О чём они? Прочитайте одну из них.

Иван Иванович
Дмитриев
1760—1837

И. И. Дмитриев родился 21 сентября 1760 года в дворянской семье. Получив первоначальное образование дома (в родовом имении под Сызранью), он продолжал его в частных пансионах — сначала в Казани, а затем в Симбирске. В 1774 году подросток по настоянию отца был определён в Петербургскую полковую школу. Не имея к военной службе никакой склонности, он тем не менее терпеливо дослужил до 1796 года, достигнув чина полковника. Вскоре по ложному доносу Дмитриев был обвинён в покушении на жизнь только что вступившего на престол Павла I и арестован. Недоразумение, однако, быстро выяснилось, и пострадавший был осыпан царскими милостями. Стремясь всецело заняться литературным трудом, поэт в конце 1799 года уходит в отставку, но в 1806 году снова возвращается уже на штатскую службу. В 1810 году Дмитриев становится министром юстиции. Он стремится быть полезным Отечеству на этом высоком посту, но «огорчения и досады», которые приходилось испытывать честному государственному деятелю из-за интриг сослуживцев, заставили его в 1814 году снова выйти в отставку, и на этот раз навсегда.

Интерес к поэзии возникает у Дмитриева в 1770-е годы. Большое впечатление на него произвели стихотворения Державина.

Участие в «Московском журнале» сделало имя Дмитриева известным. В эти годы Дмитриев писал сказки, песни, басни.

Большой популярностью пользовались лирические песни Дмитриева, раскрывающие внутренний мир человека. К их чис-

лу относятся песни «Стонет сизый голубочек...», «Куда мне, сердце страстно, куда с тобой бежать?..», «Что с тобою, ангел, стало?..», «Всех цветочков боле розу я любил...» и др. Многие из них были положены на музыку и дожили до наших дней в виде старинных романсов. Типичным образцом является песня «Стонет сизый голубочек...». Используя слова из народной песни «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь?», автор тщательно отбирает эмоционально окрашенные слова, которые сразу погружают читателя в стихию тихого, грустного чувства: «стонет», «тоскует», «сохнет», «слёзы льёт», «страдает», «плачет»... Читатель оказывается во власти созданного поэтом настроения, во власти стихии чувств.

Центральное место, однако, в творчестве Дмитриева, которого современники называли «русским Лафонтеном», принадлежит басням (им написано 80 басен). Рассуждая в них по поводу общечеловеческих недостатков, поэт призывает своих читателей довольствоваться тем, что они имеют, и не роптать на судьбу. Таковы басни «Два Голубя», «Искатели Фортуны», «Орёл, Кит, Уж и Устрица», «Желания», «Летучая рыба», «Кот, Ласточка и Кролик», «Муха».

В. И. Фёдоров

Прочитайте одну из лучших басен Дмитриева «Муха».

МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни навсегда
Нечаянно дойдёшь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! Мы решили!»

«Муха». Дмитриев считал, что басня должна удовлетворять требованиям изящного вкуса и быть приятной для чтения и слуха. Её нужно освободить от грубости языка, сделав его правильным и придав ему лёгкость, красоту, поэзию. Баснописец, по мнению Дмитриева, не моралист, которому лишь одному доступна истина, а добрый друг и мудрый советчик. Он исходит не столько из всеобщего народного опыта, сколько из личного. Поэтому в басне Дмитриева вошли личные чувства, часто домашнего свойства. Баснописец вёл беседу с читателем, исключая сатиру или громкий негодующий смех, но содержащую важные моральные истины.

Эта характеристика относится и к басне «Муха», одной из лучших в творчестве Дмитриева. Для этой басни Дмитриев взял сюжет из крестьянской, сельской жизни. Известно, сколь тяжёл труд в деревне, а пахота земли особенно тягостна. Раньше крестьяне вспахивали землю на лошадях или на быках. После трудового дня уставший и обессиленный Бык в басне Дмитриева медленно идёт домой. Баснописец выбирает для нужной ему картины выразительное слово «тащился», передавая усталость Быка, еле-еле передвигавшего ноги. На рогах у Быка сидела Муха, которая, конечно же, ничего не делала, но видела, как тяжело приходится Быку вскапывать землю. Но именно Муха приписывает себе равные с Быком заслуги: она, мол, тоже работала, тоже пахала. И даже гордо хвастается перед другой Мухой своими мнимыми трудовыми подвигами, не имея на то никаких оснований. Дмитриев, желая подчеркнуть лживые и пустые слова Мухи, ввёл выражение «поднявши нос»:

А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

Слова Мухи «Мы пахали!» стали со времён Дмитриева крылатыми и вошли в народный обиход, в нашу речь: так стали говорить о всяком человеке, который стремится, не прилагая никаких усилий, присвоить себе чужие труды. Басня, следовательно, имеет в виду не только крестьянский или полевой труд, а всякую деятельность — физическую или умственную. В ней

порицаются люди, которые, будучи бездельниками, мнят себя великими тружениками.

Размышляет о прочитанном

1. Благодаря каким словам мы узнаём, что трудился только Бык, а не Муха?
2. Является ли выражение «Мы пахали!» многозначным?
3. Выучите басню наизусть, подготовьте её к конкурсному чтению.
4. Прочитайте статью о Дмитриеве, подготовьте рассказ.
5. Согласны ли вы с интерпретацией¹ басни Дмитриева «Муха» В. И. Коровиным? Какое выражение можно использовать в своей речи как пословицу? Придумайте ситуацию, расскажите о ней, включив в повествование это выражение.

Фонохрестоматия (слушаем актёрское чтение)

И. И. Дмитриев. «Муха»

1. Как интонацией, тембром голоса актриса передаёт характер Мухи, которая «пахала»?
2. Что меняется в манере чтения, когда читается мораль басни?
3. Прочитайте басню так, чтобы слушатели поняли ваше отношение к Мухе-«труженице» и к морали басни, которая всегда звучит современно.

¹ *Интерпретация* — объяснение, толкование.

Иван Андреевич
Крылов

1769—1844

И. А. Крылов родился в бедной дворянской семье и поэтому не получил ни домашнего, ни гимназического образования, какое обычно старались дать детям состоятельные или среднего достатка родители.

Первоначальные навыки чтения и письма привил Крылову отец. Он обучил его четырём правилам арифметики. Мать приохотила сына к чтению и внимательно следила за его развитием. Крылов рос на редкость смышлёным и способным. Все биографы единодушно полагают, что умом и позже обнаруженными дарованиями Крылов пошёл в мать.

Учение давалось Крылову легко. Особенно были заметны с детства разнообразные способности мальчика. Он был исключительно музыкален; сам выучился играть на скрипке.

Родителям было не по средствам нанимать гувернёра и учителей для воспитания и образования сына. Со слов Крылова известно, что отец отдал его в учение французу-гувернёру, который преподавал язык в губернаторском доме. Иван Андреевич постигал язык вместе с детьми губернатора и другими отпрысками тверских дворян, но, по его собственным словам, «учитель был не слишком сведущ, и поэтому ученики его мало успевали».

После смерти отца заботы о воспитании и образовании сына взяла на себя мать. Ей пришлось «по бедности» отпустить старшего сына в чужой дом, в богатую и культурную семью Львовых. Там он одновременно прислуживал и проходил курс наук вместе с детьми Львовых. Мальчика взяли в качестве слуги, платой за работу была учёба.

Ученье досталось ему дорого не в одном лишь материальном, но и в нравственном смысле: он с детства узнал, как тяжело живётся бедному, лишённому связей и покровительства человеку, как трудно встать ему на ноги и обрести независимость. Крылов понимал, что ему нужно полагаться лишь на свои силы, способности, ум. Но для их развития требовались знания. Так ученье стало в глазах Крылова единственно возможным выходом из нищенского состояния. Уже в детстве в нём сложилось твёрдое убеждение, что без знаний он не выйдет из бедности.

С конца 1770-х — начала 1780-х годов Крылов всё больше и больше отдаётся самовоспитанию и самообразованию. Поначалу дело идёт трудно. Он много читает, но систематическая учёба ему ещё даётся плохо. И тут на помощь опять приходит мать. Крылов не случайно так тепло и не только за доброту вспоминал о Марии Алексеевне. Он, как ясно из воспоминаний современников, выделял в ней природный ум, который выразился прежде всего в том, что мать приучила его к постоянным занятиям и тем развила незаурядные способности сына.

О её педагогических методах до нас дошли любопытные и небезыңтересные рассказы.

После смерти отца у Крыловых остался сундук с книгами. «Желая приохотить» сына к чтению, Мария Алексеевна «обещала давать ему награду», когда он прилежно будет читать с нею в положенные часы. Маленькому Крылову понравился этот договор. Он охотно принимался за книги, усердно читал и каждый раз получал гривну¹ или две меди. И когда маленький Крылов сделался владельцем капитала в несколько рублей, то он считал себя богачом. Выдумка Марии Алексеевны оказалась успешной и обернулась благом. Однако, достигнув намеченной цели, Мария Алексеевна стала опасаться: вдруг любовь к деньгам повлияет на нравственность мальчика, сделает из него скопидома, лишит щедрости, сердечности, душевной доброты, превратит в скрягу? Мария Алексеевна поспешила исправить несовершенство своей педагогики: «Мать его, чтобы не приучить его к корыстолюбию, к желанию копить деньги или к другой крайности — тратить их на

¹ Гривна — десять копеек.

пустяки, придумала очень хорошее средство: она замечала ему, что у него изорваны перчатки, стар картуз, и советовала на свои деньги купить и то и другое. Молодой Крылов радовался, что мог сам доставать себе необходимые вещи, выбирая хорошие светлые перчатки, щегольской картуз — и всё это очень берёг...» Так постепенно Крылов овладел русским языком, русской литературой, стал начитанным человеком в отечественной и отчасти иностранной словесности и вместе с тем охранялся от пороков и вырабатывал ценные качества — самостоятельность, житейскую основательность, практичность, позднее очень пригодившиеся ему. С детства он чувствовал ответственность за свои поступки.

Между тем Мария Алексеевна продолжала осуществлять свой план воспитания и образования: «Мать его хотела и с французским языком употребить то же средство, которое так хорошо удалось с русским. Она... заставляла сына читать на этом языке в положенные часы и давала награды».

Заботы и хлопоты Марии Алексеевны не пропали даром. «О матери своей, — вспоминала хорошо знавшая Крылова В. А. Оленина, — он никогда не мог хладнокровно говорить, любя её страстно и рассказывая о её необычайных способностях. Можно было заметить, что он видел в ней существо гениальное между женщинами».

Материнские заботы и упорное самовоспитание и самообразование в сочетании с огромными способностями принесли свои плоды. Впоследствии Крылов стал одним из самых образованных людей своего времени: он знал французский язык и переводил с него, был знаком с сочинениями французских философов и писателей, прекрасно был осведомлён в русской и иностранной словесности вообще. Неудивительно, что привычка к настойчивому изучению разных областей знаний помогла Крылову в пожилом возрасте выучить греческий язык и настолько смело толковать Гомера, что познаниями Крылова был удивлён сам Н. Гнедич, знаменитый переводчик «Илиады».

В самостоятельную жизнь будущий баснописец вступал с широким кругом интересов, разносторонними знаниями, с удивительной для мальчика, выросшего в провинциальном городе, начитанностью в истории, философии и словесности.

Проверьте себя

1. Что вы знаете о детстве И. А. Крылова?
2. Какие его басни вы выучили наизусть? Прочитайте их.
3. Расскажите о том, как учился И. А. Крылов и какую роль сыграла мать в его образовании и воспитании. Как вы думаете, какие качества привила баснописцу мать и как они отразились на самообразовании Крылова?

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей являть своё искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, говорит, сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;

«Осёл и Соловей». Художник А. Лаптев. 1944 г.

Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился». Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави Бог и нас от таких судей.

«Осёл и Соловей». Эта басня была написана И. А. Крыловым в 1811 году. О том, какой случай лёг в основу её сюжета, рассказал один из критиков.

Один вельможа, решив познакомиться с Крыловым и оказать ему покровительство, пригласил его к себе в гости и там попросил прочитать две-три басенки. Крылов согласился и артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную из Лафонтена. Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Иван Иванович Дмитриев?» — «Не умею», — скромно отвечал поэт. Тем разговор и кончился. Возвратясь домой, задетый за живое баснописец написал басню «Осёл и Соловей».

Современники восхищались мастерством Крылова-рассказчика в этой басне. Они отмечали изумительную «естественность в изображении характеров». Например, Осёл-невежда, ничего не понимающий в искусстве, убедительно передаёт мнения других и с их слов фамильярно захваливает певца, обращая к нему слова «дружище» и «мастерище». Ему хочется встать на одну доску с прославившимся певцом. Но вместе с тем он полон сомнений и желает сам судить о пении Соловья. Но так как Осёл в баснях всегда глуп и в искусстве, тем более в музыке, ничего не понимает, то читатель предугадывает его суждение. На этом ожидании держится интерес басни. Наконец, современники восхищались и тем, как Крылов сумел передать пение Соловья. Они считали, что никто из прежних баснописцев и даже лирических поэтов не смог в такой живописной и выразительной форме описать пение Соловья, которое напоминало целый «мелодический концерт». Это произошло и потому, что Крылов был наделён необычайно богатым воображением, и потому, что он сам был неплохой музыкант. Баснописец передал пение Соловья изобретательным сочетанием разнообразных глаголов, изображающих мелодические голосовые колена, которые выделяет Соловей. Искусство Соловья производит чудесное действие на всех, кто его услышал, внося успокоение в природу и в жизнь людей. «В богатом своём воображении, — писал другой критик, — он нашёл ещё прелестную картину, которая увенчивает изображение и довершает очарование, произведённое пением Соловья»:

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.

Итак, читатель знает, сколь чарующе пение Соловья, и ждёт суда Осла, но «суд» сразу обличает в нём напыщенного невежду.

Из содержания басни следует глубокий вывод на все времена: об искусстве часто берутся судить Ослы-невежды, и тогда истинным и даровитым художникам-Соловьям приходится туго. Так происходит не только в искусстве, но и в любом деле и вообще в жизни. Крылов от души смеялся над подобными Ослами-судьями.

Фонохрестоматия ||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||

И. А. Крылов. «Осёл и Соловей»

1. Как актёр передаёт состояние очарованности соловьиным пением?
2. Как отец характеризует Осла? Какими средствами выразительного чтения он этого достигает?
3. Какие чувства переживает отец, когда говорит о Соловье, услышавшем суд Осла?
4. Подготовьте выразительное чтение басни, постарайтесь при этом передать смену чувств и настроений, переживаемых автором произведения.

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами¹ шептали,
Хвалились густотой, зелёностью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?»

¹ Зефиры — тёплые летние ветры.

«Листы и Корни».

Гравюра по рисунку художника К. Трутовского. 1864 г.

Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарёй
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами».
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали,

«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

«Листы и Корни». Один из предшественников И. А. Крылова, известный в своё время писатель М. Н. Муравьёв, написал басню «Верхушка и Корень». Под Верхушкой он подразумевал правительство, а под Корнем — простой народ. Однажды Корень, недовольный своей жалкой участью, взбунтовался и перестал «кормить, поить и на себе носить» Верхушку. Результат оказался плачевным:

Приблекло деревцо, свернулись ветки вдруг,
И наконец Верхушка — бух;
И Корень мой с тех пор стал превращён в колоду.

Процветание общества и государства зависит, по мнению М. Н. Муравьёва, от Верхушки, а бунт Корней только подрывает прочность государства.

Крылов тоже задумывался над теми же проблемами русской жизни и всякого общества и государства. Он несколько не спорит с М. Н. Муравьёвым по поводу того, что каждое сословие должно выполнять свойственную ему работу. Он не возражает и против того, какое место занимают дворяне и простой народ. Он согласен, что дворянам принадлежит важная роль в государстве и обществе, роль управителей, должных вести государство к благополучию и процветанию. Поэтому он не осуждает Листы за то, что они красивы, пышны и величавы. Корни у Крылова не бунтуют против Листов. Напротив, они говорят им: «Красуйтесь в добрый час!» Но Корни осуждают Листы за хвастовство и надменность, за то, что они не ценят их тяжёлый труд.

Процветание государства и общества зависит в басне Крылова не только от Листов, как у М. Н. Муравьёва, а и от Корней, которые, «роясь в темноте», питают вознёсшихся над ними.

Мысль Крылова ясна: если дерево обозначает целое государство, то важны все его части. Забвение невидимых Корней пагубно для государства и общества.

Крылов выступает против всяких крайностей: ему одинаково дороги и Листы, и Корни, но он решительно осуждает спесь и бахвальство Листов, которые только себе приписывают деятельность, полезную для государства и общества.

Фонохрестоматия ((: СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ :))

«Листы и Корни»

1. Как актёру удаётся вслед за автором подчеркнуть различие речи Листов и Корней?
2. Какие черты характеров Листов и Корней актёр противопоставляет в своём чтении?
3. Какова позиция автора в споре Листов и Корней?
4. Подготовьте выразительное чтение, подчеркнув разность характеров Листов и Корней и мудрость заключительных строк басни.

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал:

«Ларчик».

Гравюра по рисунку художника А. Сапожникова. 1834 г.

«Ларец с секретом,

Так; он и без замка;

А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;

Не смейтесь так исподтишка!

Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:

В механике и я чего-нибудь да стою».

Вот за Ларец принялся он:

Вертит его со всех сторон

И голову свою ломает;

То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.

Тут, глядя на него, иной

Качает головой;

Те шепчутся, а те смеются меж собой.

В ушах лишь только отдаётся:

«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

«Ларчик». И. А. Крылов написал басню «Ларчик» в 1807 году. Баснописец всегда был настроен против пустого мудрствования, которое не могло быть подкреплено практическим опытом или не вытекало из традиций народа и не находило опоры в его исторической жизни. С таким же порицанием он относился и к тем, кто не умел с умом и сноровкой «за дело просто взяться», а пускался в досужие и глубокомысленные рассуждения. Этой теме он посвятил несколько басен, к числу которых относится и басня «Ларчик».

В басне «Ларчик» бросаются в глаза два рода сопоставлений: с одной стороны «мастер», который искусно сделал Ларец, а с другой — «механики мудрец», который, прослав «мудрецом», ничего ещё не сделал.

Самое главное в басне Крылова — рассказ, в котором баснописец передаёт пустые мудрствования («голову свою ломает») и ненужные действия «механики мудреца».

Смех Крылова над незадачливым героем усиливается по мере того, как «механики мудрец» случайно находит истину (Ларец «без замка»), но проходит мимо неё, не догадываясь, что Ларец не заперт (у него и замка-то нет). Он глубокомысленно полагает, будто Ларец без замка имеет какой-нибудь хитрый секрет. Однако секрет состоит в том, что никакого секрета не существует: «А Ларчик просто открывался». Крылов смеётся над «механики мудрецом»: дело заключается не только в том, что задача проста, а герой напрасно искал каких-то сложностей, но и в том, что у Ларчика нужно было поднять крышку. Таким образом, последняя фраза «А Ларчик просто открывался» имеет два значения. Первое состоит в том, что секрет Ларчика прост. В этом случае ударение должно стоять на слове «просто». Из второго следует, что Ларчик не был заперт. И тогда ударение в заключительных словах должно быть по-

ставлено на слове «открывался». Весело смеясь, Крылов играет этими значениями, придавая басне многозначный, широкий и глубокий смысл.

Фонохрестоматия (((СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)))

«Ларчик»

1. Какими средствами выразительного чтения актёр выявил позицию баснописца?
2. Как вы считаете, выражено ли в тексте басни отношение автора к «механики мудрецу»? Обоснуйте своё мнение цитатами из текста басни.
3. Подготовьте выразительное чтение басни. Постарайтесь найти особые интонации для описания Ларчика, для заносчивой речи «мудреца», для описания процесса поиска «секрета» и реакции окружающих на этот процесс, для финала басни, ёмкого, краткого, ставшего поговоркой.

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали басни И. А. Крылова и статьи литературоведа о них. Подготовьте каждую басню для выразительного чтения или инсценирования. Одну из басен выучите наизусть.
2. Что было причиной появления басни «Осёл и Соловей»? Над чем заставляет читателя смеяться баснописец? Чем восхищались современники? Почему особенно важно было показать в басне красоту пения Соловья и восхищение слушателей?
3. Что хотел сказать И. А. Крылов басней «Листы и Корни»? В чём разница басен Крылова и Муравьёва? Какая точка зрения вам ближе и почему?
4. Над чем смеётся баснописец в басне «Ларчик»? Что изменилось бы в басне от перестановки ударения (на слове «просто» или «открывался»? Подготовьте выразительное чтение, учитывая перестановку ударения, и прокомментируйте содержание басни.
5. Попробуйте перечислить, какие пороки человека высмеивает Крылов в баснях.

Совершенствует свою речь

1. Как вы понимаете слова и выражения: «зефир», «привлекать», «смиренно», «надменно», «дерзко», «случается нередко нам», «мудрость», «в глаза кидался», «исподтишка», «голову ломает», «сказывают», «велико ль подлинно твоё умение», «являть своё искусство стал», «Аврора», «внимая Соловью», «изрядно», «неложно», «наострился»?
2. В каких словах выражена мораль в каждой из басен? О каких жизненных ситуациях говорится в этих строках? Приведите примеры. Похожи ли эти строки на пословицы? Чем?

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрации к басням. Как вы объясните иллюстрацию художника К. Трутовского к басне «Листы и Корни»? Почему там нет ни листьев, ни корней?

Кто из художников-иллюстраторов чаще других встречался вам при чтении басен?

Проект

Подготовьте вечер, посвящённый басням различных авторов или басням И. А. Крылова. Предварительно составьте план вечера или программу, например:

1. Рассказы о баснописцах («литературоведы»).
2. Конкурсное индивидуальное чтение басен с последующим рецензированием.
3. Конкурсное инсценирование басен.
4. Прослушивание актёрского чтения басен (аудиозаписи).
5. Рассматривание и оценка иллюстраций к басням.
6. Конкурс рисунков учащихся к басням («художники»).

Произведения русских писателей XIX века

Александр Сергеевич
Пушкин

1799—1837

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет...

А. С. Пушкин

В 1811 году Пушкину исполнилось 12 лет. Родителям пора было задуматься об образовании их сына. Знакомый семьи Пушкиных Александр Иванович Тургенев сообщил, что в Санкт-Петербурге открывается новое учебное заведение — Императорский Царскосельский лицей. Александр I учредил Лицей благодаря хлопотам видного деятеля той эпохи М. М. Сперанского, который задумал его в качестве привилегированного учебного заведения, предназначенного для обучения и воспитания «юношества благородного происхождения», т. е. дворян, с тем чтобы по окончании Лицея выпускники могли быть причастны к «важным частям службы государственной».

Название Лицей получил по аналогии с местом на окраине Афин, главного города Древней Греции. В античные вре-

мена там стоял храм Аполлона — бога Солнца, покровителя искусств, музыки, поэзии. В саду храма находился знаменитый «гимнасий», где его основатель, великий древнегреческий философ Аристотель, учил юношей мудрости и наукам. Императорский лицей в Санкт-Петербурге, по замыслу его учредителей, был символическим продолжателем славных традиций античного Лицея (Ликея).

В это новое учебное заведение родители и решили отдать сына. Во второй половине июля 1811 года дядя Пушкина, известный в то время поэт Василий Львович Пушкин, вместе с племянником выехали из Москвы в новую, Северную столицу.

12 августа 1811 года Александр Пушкин выдержал экзамен и был принят в Лицей в числе 30 воспитанников (окончили Лицей при первом выпуске 29 юношей). 19 октября состоялось открытие Лицея. Этот день стал священным для Пушкина, который впоследствии придал ему значение огромного исторического события в жизни России и в своей судьбе, воспев его в стихах.

Обстановка открытия нового учебного заведения была торжественной: воспитанники, преподаватели и именитые гости, приглашённые в актовыв зал, увидели большой, покрытый красным сукном с золотой бахромой стол, помещённый между колоннами, а на нём роскошно убранную грамоту об основании Лицея. Значительность совершаемого действия подчёркивалась присутствием государя императора и высших сановников государства. Это чувствовали и лицеисты, и их профессора и наставники.

Сначала слово было дано директору Лицея В. Ф. Малиновскому, сыну которого, как и Александру Пушкину, предстояло обучаться в Лицее. Профессор Н. Ф. Кошанский представил лицеистов Александру I. Горячую речь произнёс профессор А. П. Куницын.

После открытия гостей пригласили осмотреть помещения Лицея. На первом этаже находились квартиры инспектора и гувернёров, на втором — столовая, буфетная, больница, аптека, малый конференц-зал, канцелярия, на третьем — актовыв зал, классы, физический кабинет, библиотека с ломберными сто-

А. С. Пушкин. Автопортрет

ликами и стульями с кожаными сиденьями, газетная комната, на четвёртом — комнаты воспитанников, обставленные весьма скромно: стол с необходимыми принадлежностями (чернильницей, свечой и щипцами для снятия нагара со свечи), конторка для занятий, стул, комод, кровать с матрацем, бумазейное одеяло, полупуховая подушка, зеркало, умывальник.

По принятии в Лицей воспитанникам объявили правила поведения и распорядок пребывания.

Воспитанников облачили в синие двубортные сюртуки с красными стоячими воротниками, с красным кантом на манжетах; каждый носил синий суконный жилет с блестящими гладкими пуговицами, длинные панталоны синего сукна; ноги обули в полусапожки.

Лицеистам объявили, что до окончания шестилетнего срока обучения никто не должен покидать Лицея или выезжать

из него. Родственникам разрешалось посещать воспитанников только по праздничным дням.

День лицеистов начинался в шесть часов утра. После утренних процедур лицеисты шли на молитву. С семи до девяти — занятия («классы»). В девять часов утра — чай. С десяти до двенадцати — снова занятия. От двенадцати до часу — прогулка. В час — обед. От двух до трёх дня — чистописание или рисование. От трёх до пяти — другие уроки. В пять — чай и затем (до шести) прогулка. Далее до половины девятого вечера — «вспомогательный класс» (повторение уроков). В половине девятого — ужин. После ужина до десяти — отдых. В десять лицеисты шли на вечернюю молитву и потом отходили ко сну. Утреннюю и вечернюю молитву читали по очереди.

Пушкин занимал комнату с 14-м номером. По соседству с ним была комната Пущина.

Лицей по уровню даваемых знаний приравнивался к университетам. Обучение в нём было рассчитано на шесть лет — первые три года воспитанники изучали предметы старших классов гимназии, последующие три года — предметы трёх факультетов университета: словесного, нравственно-политического и физико-математического. Лицей соединял образование и воспитание, цель которого заключалась в лицейском девизе — учиться и жить «Для общей пользы». Программа занятий была весьма насыщенной. Преподаватели и воспитатели соблюдали главное правило, гласившее о том, чтобы воспитанники «никогда не были праздны».

Программа Лицея включала разнообразные предметы. Первые три года Пушкин изучал русский, латинский, немецкий и французский языки, математику, словесность, историю, географию, нравственные науки, статистику, изящные искусства, занимался рисованием, пением, танцами, плаванием, фехтованием, верховой ездой. Особенно строгими были занятия на первых трёх курсах, следующие три курса включали выборочное изучение наук. Занятия продолжались с 1 августа по 1 июля. Каникулы устраивались раз в году (с 1 июля по 1 августа).

В Лицее создавалась благоприятная атмосфера для развития творческих, художественных и иных способностей лицеистов.

Профессора благосклонно относились к сочинению стихов, к занятиям искусством и всячески поощряли воспитанников. Здесь почти все лицеисты писали стихи, и у Пушкина было много соперников. Учителя были молоды, энергичны, проявляли исключительное внимание к воспитанникам и уважали их личное достоинство. Они утвердили в Лицее дух чести, товарищества, лицейского братства, воспитывали в лицеистах независимость суждений и поведения, прививали ненависть и презрение к холопству, лизоблюдству, ябедничеству, чиновничеству и требовали от лицеистов ответственного отношения к словам и поступкам. В Лицее царил культ дружбы, и Пушкин пронёс его через всю свою жизнь. Его любимым другом стал Дельвиг, он сохранил дружеские связи с Кюхельбекером, Пушциным, Малиновским и другими лицеистами.

Лицей был основан в ту пору, когда Россия переживала национально-патриотический подъём. В стране возникли идеи отмены крепостного права, ограничения власти царя, мысли о главенстве законов и строгом их соблюдении. Крупнейшим историческим событием стала Отечественная война 1812 года, всколыхнувшая всю нацию, вставшую на защиту Отечества и жаждавшую поражения захватчиков. Лицеисты вместе со всеми радостно, восторженно праздновали победу русского оружия, изгнание Наполеона с родной земли и взятие Парижа. Об этих событиях Пушкин написал в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе».

Пушкин навсегда остался верен свободолобивому духу Лицея, лицейской дружбе. Он считал Лицей родным домом своей юности, а Царское Село — колыбелью своей музыки. «Отечество нам Царское Село», — скажет он спустя годы.

Первый выпуск Лицея состоялся 9 июня 1817 года. После окончания семнадцать человек зачислили в гражданскую, двенадцать — в военную службу. Пушкин был направлен в Коллегию иностранных дел.

После выпуска все собрались у директора Лицея Энгельгардта, чтобы провести вместе последний лицейский день.

Лицейские годовщины

День основания Лицея — 19 октября 1811 года — ежегодно отмечался лицеистами первого выпуска. Пушкин бывал на лицейских сходках в 1817—1819 годах, в 1820—1826 годах отмечал «Лицея день заветный» в одиночестве, вспоминая своих друзей и посылая им приветы в стихотворениях, посвящённых лицейским годовщинам. В 1827 году, возвратившись из ссылки, он празднует «серебряную» годовщину Лицея — 10 лет со дня его окончания. День Лицея поэт отмечал вместе с другими лицеистами в 1832, 1834 и 1836 годах. Лицейским годовщинам Пушкин посвятил несколько стихотворений: «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), «19 октября 1827 года» («Бог помочь вам, друзья мои...»), «Чем чаще празднует Лицей...», «Была пора: наш праздник молодой...».

Лицейские профессора

Воспитание лицеистов возлагалось на шестерых профессоров, священнослужителя, преподававшего Закон Божий, двух адъюнктов и шестерых учителей для изящных искусств и гимнастических упражнений.

Пушкину особенно запомнились А. П. Куницын, читавший нравственные и политические науки; Н. Ф. Кошанский, преподававший латинскую и русскую словесность; А. И. Галич (он заменил заболевшего Кошанского), знаток древнего и нового искусства; Д. И. де Будри, знакомивший лицеистов с французской словесностью; Ф. М. Гауеншильд, профессор немецкой словесности; И. К. Кайданов, профессор исторических наук, лекции которого были интереснее его учебников. В числе преподавателей был и профессор математических и физических наук Я. И. Карцов.

В рукописной редакции стихотворения «19 октября» (1825) Пушкин писал:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Проверьте себя

1. Вы прочитали статьи о детстве поэта, его занятиях в библиотеке отца, чтении русской и французской литературы, статьи о лицейских годах (лицейских учителях, друзьях, лицейских годовщинах). Какие размышления вызвали у вас эти сведения о великом русском поэте?
2. Расскажите о Лицее (откуда он получил такое название; какие задачи ставил русский государь перед этим учебным заведением; чем интересно было его открытие; каковы были внутренние покои, одежда лицеистов, режим в Лицее; к чему приравнивался Лицей по уровню знаний; чего добивались профессора от воспитанников и др.).
3. Каких лицеистов — друзей Пушкина вы знаете?
4. Что вы можете рассказать о лицейских профессорах?
5. Как относились лицеисты к лицейским годовщинам?

Лицейская лирика

В лицейской лирике Пушкина преобладает поэзия, славящая наслаждение жизнью с её радостями и весельем. Поэт следует лирике Державина, Жуковского, Батюшкова. Подлинный поэт, по его мнению, творит по вдохновению. Пушкин-лицеист пробует перо в различных жанрах: от оды до романса, элегии и сказки. Любимым жанром раннего лицейского периода становится дружеское послание («К Наталье» — первое стихотворение поэта, «К другу стихотворцу» — первое печатное произведение).

В обращениях к друзьям («Товарищам», «В альбом Пушкину», «Кюхельбекеру») возникает тема Лицея, которая будет жить и в поздних стихотворениях поэта.

Творческое задание

1. Чем интересен для вас лицейский период жизни А. С. Пушкина (особенности организации и жизни Лицея, обучения)?

2. Подготовьте рассказ о детстве поэта (на основе прочитанного в классе) или о лицейских годах (на материале прочитанных вами статей).
3. Рассмотрите фотографии Лицея и портреты лицейцев — друзей Пушкина. Прочитайте о них в школьном энциклопедическом словаре «А. С. Пушкин». Подготовьте рассказ об одном из них.

* * *

Друзьям из лицейского братства Пушкин посвятил много стихотворений. Вот одно из таких стихотворений — «И. И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»). Это послание было передано Пущину, сосланному в Читу.

«И. И. Пущину». Стихотворение пронизано чувством благодарности за то, что друг его навел в трудные годы ссылки в Михайловском. Поэт надеется, что и его послание принесёт Пущину «утешенье», осветит его дни «лучом лицейских ясных дней».

Прочитайте это стихотворение, подумайте, как композиционно связываются судьбы Пушкина и Пущина, как сменяется грустное настроение радостной встречей друзей.

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Проверьте себя

1. К кому обращено стихотворение? Какие слова подчёркивают печальное настроение ссыльного поэта?
2. На что надеется Пушкин? Какие строки напоминают о лицейском братстве?
3. Используя какие приёмы (эпитеты, обращения и др.), Пушкин сближает печаль ссыльного поэта и радость встречи с другом?

Фонохрестоматия ||| СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||

«И. И. Пушкину»

1. Какими средствами художественного чтения актёру удаётся передать настроение светлой грусти и благодарности другу за приезд в Михайловское?
2. Какие чувства передал актёр во второй части стихотворения?
3. Подготовьте чтение стихотворения, выразив в нём чувства дружбы, поддержки, утешения, обращённые к ссыльному другу.

«Узник». Стихотворение, опубликованное в 1832 году, написано в кишинёвской ссылке. Всё стихотворение пронизано стремлением к свободе, к воле. Узник жаждет не только освободиться из темницы, но и вырваться на простор безграничной воли.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

Размышляем о прочитанном

1. Когда и в связи с чем написано стихотворение?
2. Какие слова в начале стихотворения передают состояние узника, человека, лишённого свободы?
3. Почему поэт подчёркивает, что «орёл молодой» «вскормлённый в неволе»? Как вы это понимаете? Можно ли смириться с неволей, привыкнуть к ней?
4. Какие художественные средства (эпитеты, обращения, повторы) помогают создать особый эмоциональный колорит стихотворения?
5. Продумайте, почему в первых двух четверостишиях при насыщенности глаголами и глагольными формами («махая», «клюёт», «бросает», «зовёт», «вымолвить хочет») остаётся впечатление замкнутости, скованности, отсутствия движения, а в последнем четверостишии, где глаголы обозначают интенсивность цвета («белеет», «синеют») и всего один глагол движения («гуляем»), создаётся ощущение стремительного полёта, парения над бескрайним, движущимся миром. Каково изображаемое пространство в начале стихотворения? Каково оно в финале?
6. Какое чувство выражено в стихотворении сильнее — грусть или надежда?
7. Как вы думаете, почему стихотворение «Узник» стало популярной народной песней?

Фонохрестоматия ((СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

«Узник»

1. Как актёру вслед за поэтом удаётся раздвинуть тесные стены темницы? Какими средствами выразительного чтения актёр передал движение к бескрайним просторам свободы?

2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Постарайтесь при этом противопоставить чувству угнетённости и обречённости (в первой части произведения) ощущение простора, света и свободы (в финале стихотворения).

«Зимнее утро». Стихотворение было опубликовано в 1829 году. Оно полно жизнелюбия, очарования зимней природой и становится особенно радостным ещё и оттого, что согрето чувством любви к красавице и благоговением перед ней.

Очарование зимнего утра, когда всё залито солнцем и сиянием великолепных снежных ковров, усиливается при сопоставлении с вьюжным вечером.

Поэт рисует картины морозной, солнечной зимы и одновременно тёплой, уютной дом, где «весёлым треском трещит затопленная печь», есть тёплая лежанка, возле которой «приятно думать», но можно ещё насладиться прогулкой по «утреннему снегу» в санках.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры¹
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

¹ *Аврора* — богиня утренней зари в древнеримских мифах. Поэт говорит о «северной Авроре», то есть о заре на севере, в России.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Размышляем о прочитанном

1. Согласны ли вы с тем, что стихотворение является гимном родной природе, солнечному зимнему дню и радостному настроению поэта?
2. Какую роль играет в стихотворении строфа, рассказывающая о вечерней вьюге? Каковы картины зимнего утра? В стихотворении поэт использовал приём противопоставления картин, противоположных по настроению. Такой приём называется антитезой.

Антитеза — противопоставление слов, образов, эпизодов, картин для передачи мысли и чувства, усиления выразительности речи.

3. Какие художественные средства (эпитеты, сравнения) помогают Пушкину так просто, душевно рассказать о морозном зимнем утре, о настроениях, которые появляются в душе поэта, вспоминающего вьюгу, создающего сверкающие картины зимнего морозного утра?

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Зимнее утро»

1. Какие эпитеты находит поэт, чтобы выразить восторг, ликование, радость? Какие эпитеты характеризуют вечер накануне солнечного утра?
2. Как актёр своим чтением помогает нам пережить радость утра и печаль вечера?
3. Постоянна ли радость лирического героя? Какие чувства он переживает в финале стихотворения? Как актёр показывает произошедшую смену настроения?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, постарайтесь при этом передать движение, изменение чувств, настроений, переживаемых лирическим героем.

Совершенствует свою речь

Как вы понимаете слова и строки из стихотворения: «друг прелестный», «открой сомкнуты негой взоры», «вьюга злилась», «луна, как бледное пятно», «северной Авроры», «прозрачный лес один чернеет», «предадимся бегу»?

Творческое задание

Постарайтесь создать небольшие устные сочинения: «Вьюга ночью», «Морозное солнечное утро». Попробуйте использовать в своей речи выразительные средства языка, которые встречаются в стихотворении Пушкина.

Обратим внимание на то, что Пушкин использует обычные слова, многие из которых мы часто слышим в разговорной речи, однако в стихотворении они становятся весомыми, точно найденными. Именно потому, наверное, наблюдая такие картины в жизни, мы непременно вспомним пушкинское «Мороз и солнце; день чудесный!».

Двусложные размеры стиха

Стихи отличаются от прозы прежде всего тем, что они звучат ритмично. Это значит, что каждая новая строка звучит похоже на предыдущую. Но что же сходного в строках с разными словами, разными предложениями? Рассмотрим строки стихотворения «Зимнее утро»:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный...

Чем похожи эти строки? Тем, что в них одинаково расположены ударные и безударные слоги. Расставим ударения:

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный...

Обозначим ударные слоги значком $\acute{}$, а безударные значком — . Составим схему расположения ударных и безударных слогов в строках.

$\text{— } \acute{ } \text{— } \acute{ } \text{— } \acute{ } \text{— } \acute{ } \text{—}$
 $\text{— } \acute{ } \text{— } \acute{ } \text{— } \acute{ } \text{— } \acute{ } \text{—}$

В каждой строке одинаково повторяются группы из двух слогов: первый безударный, второй ударный ($\text{— } \acute{ }$). Такие стихи называются **двусложными**.

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие чётные слоги, называется **ямбом**. Стихотворение «Зимнее утро» написано ямбом.

Теперь возьмём другие строки:

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

Расставим ударения и составим схему расположения ударных и безударных слогов в строках.

$\acute{a} - \acute{a} - \acute{a} - \acute{a}$
 $\acute{a} - \acute{a} - \acute{a} - \acute{a}$

Здесь тоже повторяются группы из двух слогов, только в этих группах первый слог ударный, а второй безударный ($\acute{a} -$).

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие нечётные слоги, называется **хореем**.

Итак, двусложных размеров всего два: **ямб** ($- \acute{a}$) и **хорей** ($\acute{a} -$). Ямбом и хореем написано множество стихов русских поэтов, это самые распространённые размеры в русской поэзии.

Проверьте себя

Каким размером написано стихотворение «И. И. Пущину»?

О романе «Дубровский»

Роман «Дубровский» создавался Пушкиным в 1832—1833 годах. Название Пушкину не принадлежит и дано издателями по имени главного героя. В основу сюжета этого произведения лёг рассказ близкого друга Пушкина П. В. Нащокина «про одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других». Нащокин видел Островского в остроге. Пушкину были известны похожие дела нижегородских помещиков Дубровского, Крюкова и Муратова, а также нравы владельца села Петровское П. А. Ганнибалы.

В первоначальном плане романа не было отца Дубровского и истории его дружбы с Троекуровым, не было разлада влюблённых, отсутствовала фигура князя Верейского, очень важная для идеи расслоения дворянства (аристократичные, но бедные; худородные, но богатые). Кроме того, в романе Ду-

бровский становится жертвой предательства, а не сложившихся обстоятельств. В нём намечена история исключительной личности, дерзкой и удачливой, обиженной богатым помещиком, судом и мстящей за себя.

В тексте, дошедшем до нас, Пушкин, напротив, подчеркнул типичность и обыкновенность Дубровского, с которым случилось событие, характерное для эпохи. Дубровский в повести не является исключительной личностью. Он связан со всем укладом и бытом тогдашней жизни. Дубровский и его крестьяне, как и помещик Островский в жизни, не нашли иного выхода, кроме разбоя, грабежа обидчиков и богатых дворян-помещиков. Эта тема получила широкое развитие в западной и русской литературе.

Действие романа происходит в 1820-е годы. В романе представлены два поколения — отцы и дети. История жизни отцов сопоставлена с судьбами детей. История дружбы отцов — предвестье, «прелюдия трагедии детей».

Первоначально Пушкин назвал точную дату, которая развела отцов: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошёл в гору». Слова эти значат многое. И Дубровский, и Троекуров — люди Екатерининской эпохи, вместе начинавшие службу и стремившиеся сделать хорошую карьеру. 1762 год — год екатерининского переворота, когда Екатерина II свергла с трона своего мужа Петра III и стала управлять Россией. Дубровский остался верен императору Петру III, как предок самого Пушкина (Лев Александрович Пушкин).

Троекуров, напротив, встал на сторону Екатерины II, которая приблизила его к себе. С тех пор карьера Дубровского, не изменившего присяге, стала клониться к закату, а карьера Троекурова, изменившего присяге, пошла в гору. Троекуров принадлежал к той новой служилой дворянской знати, которая ради чинов, званий, титулов, поместий и наград не знала этических преград. Дубровский — к той старинной аристократии, которая почитала честь, достоинство, долг выше всяких личных выгод. Следовательно, причина размежевания дворянства и ссоры двух помещиков лежит в исторических обстоятельствах и в нравах героев.

С той поры как Дубровский и Троекуров разошлись, прошло немало времени. Они встретились вновь, когда оба оказались не у дел. Троекуров и Дубровский не стали врагами. Напротив, их связывает дружба и взаимная привязанность, но эти сильные человеческие чувства не способны сначала предотвратить ссору, а потом и примирить людей, находящихся на разных ступенях социальной лестницы, как не могут надеяться на общую судьбу их любящие друг друга дети — Маша Троекурова и Владимир Дубровский.

Эта трагическая мысль романа о социально-моральном расщеплении людей из дворянства и социальной вражде дворянства и народа находит воплощение в завершении всех сюжетных линий. Она порождает внутренний драматизм, который выражается в контрастах композиции: дружбе противостоит сцена суда, встреча Владимира с родным гнездом сопровождается уходом из жизни отца, сражённого несчастьями и смертельной болезнью, тишина похорон нарушена грозным заревом пожара, праздник в Покровском завершается ограблением, любовь — бегством, венчание — сражением. Владимир Дубровский неумолимо теряет всё: в первом томе у него отнята вотчина, он лишён родительского дома и привычного общества, того социально-культурного окружения, в котором он пребывал раньше. Во втором томе Верейский отнимает у него любовь, а государство — разбойничью волю. Так человеческие чувства вступают в трагический поединок с господствующими законами и нравами.

Чтобы встать над ними, нужно выйти из-под их власти. Герои Пушкина стремятся по-своему устроить свою судьбу, но им это не удаётся. Владимир Дубровский испытывает три варианта своего жизненного жребия: расточительный и честолюбивый гвардейский офицер, скромный и мужественный Дефорж, грозный и честный разбойник. Цель таких попыток — изменить судьбу. Но сделать это не удаётся, потому что место героя в обществе закреплено навсегда: он сын старинного дворянина с теми же свойствами, которые были и у отца, — бедность и честность, достоинство и гордость, благородство и независимость. Сохранить честность при бедности — слишком боль-

шая роскошь. Бедность обязывает быть покладистым, умерить гордость и забыть о чести. Все попытки Владимира отстоять своё право быть бедным и честным кончаются катастрофой, потому что душевные качества героя несовместимы с его общественным и имущественным положением.

Марья Кириловна внутренне родственна Дубровскому. Она, «пылкая мечтательница», видела во Владимире романического героя и надеялась на власть чувств. Она верила, что сможет смягчить сердце отца. Она наивно полагала, что тронет душу князя Верейского, пробудив в нём «чувство великодушия», но тот остался равнодушен к словам невесты. Он живёт холодным расчётом и торопит свадьбу. Социальные, имущественные и прочие внешние обстоятельства оказываются не на стороне Маши, и она вынуждена идти на уступки и согласиться с волей отца. Она ещё может перейти границу в отношениях богатой аристократической барышни с бедным учителем, но воспитание не позволяет ей связать жизнь с преступником, с оторгнутым от общества разбойником, хотя бы и «благородным». Границы, определённые жизнью, сильнее самых горячих чувств. Это понимают и герои: Маша твёрдо и решительно отвергает помощь Дубровского.

Та же трагическая ситуация складывается и в народных сценах. Дворянин встаёт во главе бунта крестьян, которые преданы ему и исполняют его приказания. Но цели Дубровского и крестьян различны, ибо крестьянам в конечном итоге ненавистны все дворяне и чиновники, хотя крестьяне не лишены гуманных чувств. Они готовы любым способом мстить помещикам и чиновникам, даже если при этом придётся жить разбоем и грабежом, то есть пойти пусть на вынужденное, но преступление. И Дубровский понимает, что общество обрекло его и крестьян быть изгоями.

Хотя крестьяне полны решимости принести себя в жертву и идти до конца, ни их добрые чувства к Дубровскому, ни его добрые чувства к крестьянам не меняют трагического исхода событий. Порядок вещей восстановлен правительственными войсками, Дубровский покинул шайку. Союз дворянства и крестьянства был возможен лишь на короткий срок и отразил несостоятельность надежд на совместное сопротивление произволу.

Трагические вопросы жизни, которые встали в романе, не были разрешены. Вероятно, вследствие этого Пушкин воздержался от публикации романа, надеясь найти положительные ответы на жгучие жизненные проблемы, волновавшие его.

Проверьте себя

1. Что легло в основу сюжета романа «Дубровский»? Расскажите об этом.
2. Почему Пушкин подчеркнул обыкновенность Дубровского?
3. Почему невозможно примирение старшего Дубровского и Троекурова, воссоединение Маши и Владимира Дубровского?

ДУБРОВСКИЙ

Том первый

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирилла Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирилла Петрович принимал знаки подобострастия¹ как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения.

Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирилла Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря

¹ *Подобострастие* — льстивость, угодливость.

на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселё... С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно, но они тщеславились¹ богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный² в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принуждён был выйти в отставку и поселиться в остальной³ своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему своё покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф⁴, приехал в своё поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рождённые в одном сословии, воспитанные одинаково,

¹ Тщеславились — хвалились, кичились.

² Надменный — высокомерный, подчёркивающий своё превосходство перед другими, презрительно к ним относящийся.

³ Остальная деревня — последняя оставшаяся деревня.

⁴ Генерал-аншеф — высший генеральский чин.

они сходились отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели...

Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирилы Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирилы Петровича прямо высказывал своё мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменил.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле¹. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным² быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своём собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак под присмотром штаб-лекаря³ Тимошки, и отделение, где благородные суки

¹ *Отъездное поле* — отдалённое от поместья поле, куда выезжали на охоту.

² *Стремянный* — копей-слуга; ухаживал за лошадьёю барина, во время охоты был неотлучно около своего господина.

³ *Штаб-лекарь* — здесь: главный лекарь.

«Дубровский». Художник С. С. Бойм. 1946 г.

оценились и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окружённый своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался перед некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирилы Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние по-

зволюло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения.

— Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кири-ла Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?

— Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная — вряд людям вашим житьё такое же, как вашим собакам.

Один из псарей обиделся.

— Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее.

Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа¹, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова.

В сие время поднесли в лукошке Кириле Петровичу новорождённых щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорит-

¹ Холоп — крепостной слуга.

«Дубровский». Художник В. Кустодиев. 1919 г.

ся. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорный ко услугам

Андрей Дубровский».

— Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели бо-
сой, — высылать к нему моих людей с повинной, он во-
лен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле за-
думал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его...
Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троеку-
рова!

Кирилла Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили¹. Обед в поле под палаткою также не удался или по крайней мере был не по вкусу Кирилы Петровича, который прибил повара, разбил гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирилла Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое своё владение; приближаясь к берёзовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привёл их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сём происшествии в тот же день дошёл до Кирилы Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его

¹ Протравили — здесь: не поймали, упустили. Травить зверя — охотиться на него с собакой.

соседа), разорить её дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковы подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжёлыми шагами взад и вперёд по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели¹ вышел из телеги и пошёл во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя² Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилой Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашёл к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый приём приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирилу Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-либо документы или...

— Врёшь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрёно, ваше превосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

¹ Фризовая шинель — шинель из грубого сукна с длинным ворсом.

² Заседатель — здесь: служащий суда, помощник судьи.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа записку или купчую¹, в силу которой владеет он своим именем, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! Чего ж вам лучше? В таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твоё усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчёт его владения сельцом Кистенёвкой.

Андрей Гаврилович, изумлённый неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание² на сию его собственность есть ябеда³ и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но в последствии времени оказавшуюся недостаточной.

¹ *Купчая* — документ на приобретенное, купленное имущество.

² *Притязание* — здесь: попытка присвоить.

³ *Ябеда* — здесь: судебная клевета, наговор.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нём беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени¹, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к земскому судье² для выслушивания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие³ уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресло из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда...

¹ *Чернильное племя* — презрительное название чиновников.

² *Земский судья* — выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

³ *Присутствие* — здесь: помещение, где находился уездный суд.

«...Суд и полагает: означенное имение (** душ), с землёю и угодьями, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова...

Какое решение подписали все присутствующие того суда».

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под решением суда совершенное своё удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднёс ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему своё приглашение подписать своё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния¹ чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции² куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» — Потом, обратясь к Кириле Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псаря вводят собак в Божию церковь! Собаки бегают по церкви. Я вас ужó проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постели; уездный лекарь, по

¹ Паче чаяния — вопреки ожиданию.

² Апелляция — обжалование судебного решения в вышестоящий суд, который имеет право пересмотреть дело.

счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи¹. К вечеру ему стало легче, больной пришёл в память. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё ещё было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его заметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребёнком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме неё, не имел ни с кем сношения. Он был и не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всём молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находившегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе² и выпущен был корнетом³ в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в

¹ *Шпанские мухи* — пластырь из высушенного и измельчённого жучка, известного под названием шпанская муха.

² *Кадётский корпус* — закрытое военное училище для детей дворян.

³ *Корнет* — младший офицерский чин в кавалерии.

долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей¹, Гриша, его камердинер², подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочёл следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кириле Петровичу Троекурову, потому что мы, дескать, ихние, а мы искони Ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырёва.

Посылаю моё материнское благословие Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот ужю друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически³ был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи

¹ *Куря из янтарей* — куря из дорогих трубок с янтарными мундштуками.

² *Камердинер* — комнатный слуга.

³ *Романтически* — здесь: необыкновенно сильно и нежно.

и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нём осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уже на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошёл к смотрителю¹ и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин ещё жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повёз его просёлочными дорогами, и между ними завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А Бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилой Петровичем, а

¹ *Смотритель* — здесь: начальник почтовой станции.

тот и подал в суд — хотя по часту он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а, ей-богу, напрасно батюшка ваш пошёл на Кирилу Петровича, плетью обуха не перешибёшь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник¹ у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымают он у нас имение?

— Эх, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужё приберёт вас к рукам Кирила Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божьи да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашёшь.

— Стало быть, вы желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кириле Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкуру, да и мясо-то отдерёт. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберёт, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. — При сих словах Антон размахнулся кнутом, потрянул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и

¹ *Исправник* — начальник местной полиции.

вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зелёная кровля и бельведер¹ огромного каменного дома; на другом — пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями...

Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел берёзовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилось. Перед собой видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видел он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращён был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изб² и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу и вбежал на ветхое крыльцо. В сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника.

— Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?

В эту минуту в залу вошёл, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего.

¹ *Бельведер* — башенка над крышей дома.

² *Изоб* (устар.) — род. пад. мн. ч. от слова *изба* — изб.

Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отвесли в спальню. Он сился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражён был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом...

Глава IV

Где стол был яств, там гроб стоит.

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного¹. Разбирая его бумаги, нашёл он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное, из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклоном и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретённым имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирилла Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердца. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища, к чему привя-

¹ *Поверенный* — человек, которому доверено вести судебное дело.

заться, чтоб его выбрать, но, не найдя достаточного к тому предлога, сказал ему сердито:

— Пошёл вон, не до тебя.

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперёд, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки¹, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворённое мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирилу Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражён был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил.

— Скорей, скорей в город за лекарем! — кричал Владимир.

— Кирила Петрович спрашивает вас, — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

¹ Беговые дрожки — легкая двухместная открытая тележка с низкой спинкой.

— Скажи Кириле Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошёл!

Слуга радостно побежал исполнять приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками.

— Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас.

— Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем. — Егоровна вышла.

В передней никого не было. Все люди сбежались во двор смотреть на Кирилу Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уже его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сём происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал:

— Не надобно лекаря, батюшка скончался.

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенёс его Владимир, правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уже и признака жизни в сём теле, ещё не окладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взывала, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Глава V

Похороны совершились на третий день.

Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи увидели кистенёвскую деревянную церковь и кладбище, осенённое старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери, там подле могилы её накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса¹, он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился, Владимир первый пошёл прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слёзы кулаком. Владимир и те же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в неё по горсти песка, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причёт² церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон, попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по видимому, ожидало его наследника. Приезд Троекурова и приём, ему оказанный, были уже известны всему околотку, и тамошние политики предвещали важные оному последствия.

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостью стараясь заглушить душевную скорбь. Он шёл не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лоцины, со всех сторон окружённой лесом; ручеек извивался молча около деревьев, полуобнажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна

¹ *Клирос* — место в церкви, где стоят певчие.

² *Причет* (*причт*) — служители церкви.

другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он своё одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблёклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться: он встал и пошёл искать дороги домой, но ещё долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сюртуках, казалось, о чём-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик, задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина.

— Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрём, а не выдадим. — Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его.

— Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными¹ переговорю.

— Переговори, батюшка! — закричали ему из толпы, — да усовести окаянных.

¹ Приказный — здесь: мелкий служащий канцелярии.

Владимир подошёл к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнёс охриплым голосом:

— Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кириле Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушайте его во всём, что ни прикажет...

Владимир кипел от негодования.

— Позвольте узнать, что это значит, — спросил он с притворным хладнокровием у весёлого исправника.

— А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирилу Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову.

— Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику от решение от власти...

— А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею Божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим.

— Владимир Андреевич — наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? Барин ваш — Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи?

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперёд.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил, но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать.

— Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их! — и вся толпа двинулась.

Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собой дверь.

— Ребята, вязаты! — закричал тот же голос, и толпа стала напирать...

— Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! Что вы это? Вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все — его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать.

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошёлся, двор опустел. Члены сидели в доме. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал.

— Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной, чем свет мы отправимся восвояси.

— Делайте что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удался в комнату отца своего и запер за собою дверь.

Глава VI

«Итак, всё кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, ви-

новнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил её облокочённою на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предмет насмешек и замечаний его псарей, а в её спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик... Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подьячих¹ доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частью состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ними попался ему пакет с надписью: *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время турецкого похода и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала² на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъявляла ему своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожнённые, и сильный дух рома слышался

¹ *Подьячий* — делопроизводитель и писарь в канцелярии.

² *Сетовала* — жаловалась, горевала.

по всей комнате. Владимир с отвращением прошёл мимо их в переднюю. Двери были закрыты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

— Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою! — Владимир глядел на него с изумлением.

— Я хотел... я пришёл... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выпись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился.

— Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною.

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску; собаки залаяли.

— Кто сторожа? — спросил Дубровский.

— Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья.

— Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно.

— Шабаш, — промолвил Архип.

— Спасибо, кормилец, — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошёл далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши.

— Зачем вы не спите? — спросил он их.

— До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...

— Тише! — прервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светёлке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи её сюда да выведи из дому всех наших людей, чтобы ни одной души в нём не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушёл и через минуту явился с своей матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли кого в доме?

— Никого, кроме подъячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажгёт лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорее отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопри!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь?

«Пожар в усадьбе Дубровского». Художник Д. Шмаринов. 1949 г.

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда Бог поведёт; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им место свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла затрещали, сыпались, пылающие брёвна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим! помогите, помогите».

— Как не так, — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар.

— Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит.

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли. Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание: кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помиралы со смеху, смотря на её отчаяние.

— Чему смеётесь, бесенята? — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь, — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз.

— Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом.

Кузнец ушёл, пожар свирепствовал ещё несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые

догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий¹ и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип, пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору² подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днём по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в сёла, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нём чудеса; имя Дубровского было у всех на устах, все были уверены, что он, а не кто другой предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который

¹ *Стряпчий* — ходатай по судебным делам.

² *Губернатор* — начальник губернии.

умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведённой в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчёт губернаторов, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1 октября — день храмового праздника¹ в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами, для него новыми или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

Глава VIII

...Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кириле Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кириле Петровичу свои аттестаты² и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром³. Кирила Петрович всё это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместимым с терпением и опытностью, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решил

¹ Храмовой праздник — церковный праздник.

² Аттестаты — здесь: документы.

³ Гувернёр — воспитатель, а иногда и учитель (обычно иностранец), которого нанимали богатые люди для своих детей.

ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что, так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель¹, где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза; воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведённого на m-r² Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостаивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нём совершенно новое понятие.

На дворе у Кирилы Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей

¹ Флигель — баковая пристройка при главном здании или домик во дворе большого здания.

² M-r — мсье (господин) (фр.).

молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмущая, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрагивался, колот себе лапы, осердясь толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткой почиталась у Кирилы Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкою за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынноиком. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нём и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повёл он его с собой тёмными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в неё француза и запирают её на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние

лапы, пошёл на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кириле Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвёл ещё большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение её было поражено: она видела мёртвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию¹, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее.

Том второй

Глава IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвёртые у за-

¹ То есть дворянам.

житочных крестьян. Конюшни были полны дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В девять часов утра заблаговестили к обедне, и всё двинулось к новой каменной церкви, построенной Кирилой Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почётных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти¹ и в ограде. Обедня не начиналась — ждали Кирилу Петровича. Он приехал в коляске шестернёю и торжественно пошёл на своё место, сопровождаемый Мариєю Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на неё; первые удивлялись её красоте, вторые со вниманием осмотрели её наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на клиросе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево...

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошёл ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним.

...Слуги суетились, расставляя бутылки и графины, и прилаживали скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «кушанье поставлено», и Кирила Петрович первый пошёл садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам... Звон тарелок и ложек слился с шумным разговором гостей. Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу² и вполне на-

¹ Паперть — крыльцо и площадка перед входом в церковь.

² Трапеза — здесь: праздничный обед.

слаждался счастьем хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряжённая шестью лошадьми.

— Это кто? — спросил хозяин.

— Антон Пафнутьич, — отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнутьич Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться...

— Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович, — милости просим, Антон Пафнутьич, садись да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже, ты и богомолен, и покушать любишь.

— Виноват, — отвечал Антон Пафнутьич, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти вёрст, как вдруг шины у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни; пока до неё дотащились, да отыскали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошло ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путём через Кистенёвский лес я не осмелился, а пустился в объезд...

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди попадётся ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерёт.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствии ваше, т. е. по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-

свойски переведаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе Бог миловал. Всего-навсего разграбили у меня анбар, да того и гляди до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирилла Петрович, — я чай, красная шкатулочка полным-полна...

— Куда, батюшка Кирилла Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнutyч. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь, да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирилла Петрович, — пробормотал с улыбкою Антон Пафнutyч, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнutyч стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки. Кирилла Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола, подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнёс наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да, правда, зачем и ловить его. Разбой Дубровского — благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньга в карман — как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Суцая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирилла Петрович, — а жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бы тише. А что слышно про Дубровского? Где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и весёлый нрав. Все с любопытством приготовились услышать её рассказ.

— Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хотя бы и хотела; однако сами извольте знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с Ванюшей делюсь, как могу, своими доходишками. Вот я и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего семь вёрст, авось Бог пронесёт. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван и пеш — я так и ахнула. «Что такое? что с тобою сделалось?» Он мне: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили; самого чуть не убили, сам Дубровский был тут, хотел повесить меня; да сжалился и отпустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу». Я обмерла; Царь мой Небесный, что будет с моим Ванюшею? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему своё благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая — вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мной увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, суший портрет Кўльнева¹, рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем Бог послал, разговорились о том, о сём, наконец и о Дубровском. Я рассказала ему своё горе. Генерал мой нахмурился. «Это

¹ Кўльнев Я. П. — русский генерал; знаменит своими победами в русско-шведской войне 1808—1809 годов.

странно, — сказал он, — я слышал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет; нет ли тут плутни, прикажите-ка познать вашего приказчика». Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и остолбенел. «Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить». Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват — грех попутал — солгал». — «Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю». Приказчик не мог опомниться. «Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай, где ты встретился с Дубровским?» — «У двух сосен, батюшка, у двух сосен». — «Что же сказал он тебе?» — «Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем?» — «Ну, а после?» — «А после потребовал он письмо и деньги». — «Ну?» — «Я отдал ему письмо и деньги». — «А он? Ну, а он?» — «Батюшка, виноват». — «Ну, что же он сделал?» — «Он возвратил мне деньги и письмо да сказал: ступай себе с Богом, отдай это на почту». — «Ну, а ты?» — «Батюшка, виноват». — «Я с тобою, голубчик, управлюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника и отдайте его мне на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища». Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучера привязали приказчика к козлам коляски. Деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увёз с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский? — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать.

— Не знаю, а уж верно не Дубровский. Я помню его ребёнком; не знаю, почернели ль у него волосы, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик, но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следовательно, ему не тридцать пять, а около двадцати трёх.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду двадцать третий год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати, прочитка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы: авось, в глаза попадётся, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать нараспев:

«Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам¹ бывших его дворовых людей.

От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось».

— И только? — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свёл. Нечего сказать, умные головешки — приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой.

¹ По сказкам — здесь: по словам.

— Нет, — продолжал Кирила Петрович, — уж не видеть нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушёл ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил — да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступить в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они очистят воровскую рошу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович? — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своём косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович. — Умер славною смертью от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указал на Дефоржа: — выменяй образ моего француза. Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнутьич, почёсываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу, жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шёл о его храбрости, спокойно сидел на своём месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Глава X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселённый пуншем, приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загремела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Хозяин и его приближённые сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь весёлостью молодёжи. Старушки играли в карты. Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей Кириловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужинать, а сам отправился спать.

Отсутствие Кирилы Петровича придало обществу более свободы и живости. Кавалеры осмелились занять места подле дам. Девушки смеялись и перешёптывались со своими соседями; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали — словом, ужин был чрезвычайно весел и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнутьич сидел пасмурен и молчалив на своём месте, ел рассеянно и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках волновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнутьич, призывая Господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрешал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожностью успокаивал он свою недоверчивость

ко всем и вечную боязнь. Будучи принуждён остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединённой комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надёжного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнутьич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали из-за стола, Антон Пафнутьич стал вертеться около молодого француза, покрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением.

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что изволите видеть...

— *Que désire, monsieur?*¹ — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

— Эх беда, ты, мусье, по-русски ещё не выучился. Же ве, муа, ше ву куше², понимаешь ли?

— *Monsieur, très volontiers, —* отвечал Дефорж, — *veuillez donner des ordres en conséquence*³.

Антон Пафнутьич, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошёл тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собой, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошёл с учителем во флигель. Ночь была тёмная. Дефорж освещал дорогу фонарём. Антон Пафнутьич шёл за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую суму, дабы удостовериться, что деньги его при нём.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнутьич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сём неутешительном смотре. Двери запирались одною задвижкой, окна не имели ещё двойных

¹ Что угодно, сударь? (фр.)

² Я хочу у вас спать. (фр.)

³ Сделайте одолжение, сударь, извольте соответственно распорядиться. (фр.)

рам. Он пытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнutyич принуждён был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше? ¹ — закричал Антон Пафнutyич, спрягая с грехом пополам русский глагол тушу на французский лад. — Я не могу dormire в потёмках ².

Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закутываясь в одеяло. — Нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. Мусье, мусье, — продолжал он, — же ве авек ву парле ³. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

«Храпит bestia француз, — подумал Антон Пафнutyич, — а мне так сон и в ум нейдёт. Того и гляди, воры войдут в открытые двери или влезут в окно, а его, bestию, и пушками не добудишься».

— Мусье, а мусье! дьявол тебя побери.

Антон Пафнutyич замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дёргал его за ворот рубашки. Антон Пафнutyич открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, а другую отстёгивал заветную суму. Антон Пафнutyич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се? ⁴ — произнёс он трепещущим голосом.

¹ Почему вы тушите, почему вы тушите? (фр.)

² Я не могу спать в потёмках. (фр.)

³ Я хочу с вами говорить. (фр.)

⁴ Что это значит, сударь, что это значит? (фр.)

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать, или вы пропали. Я Дубровский.

Глава XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы ещё рассказать.

На станции ** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца¹ или иностранца, т. е. человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и по-свистывал, к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот Бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эк посвистывает, чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.

— Что за беда? — возразила сердитая супруга. — А разве не знаешь приметы?

— Какой приметы? Что свист деньгу выживает? И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег всё нет как нет.

— Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к чёрту.

— Подождёт, Пахомовна; на конюшне всего три тройки, четвёртая отдыхает. Того и гляди, подоспеют хорошие проезжие, не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу! так и есть! вон скачут. Эге-ге, да как шибко; уж не генерал ли?

¹ *Разночинец* — здесь: человек небогатый и недворянского происхождения.

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел, отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинеле и в белой фуражке вошёл к смотрителю, вслед за ним слуга внёс шкатулку и поставил её на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

— Сейчас, — ответил смотритель. — Пожалуйте подорожную¹.

— Нет у меня подорожной. Я еду в сторону... Разве ты меня не узнаёшь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперёд по комнате, зашёл за перегородку и спросил тихо у смотрительши, кто такой проезжий.

— Бог его ведает, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уж пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоел, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— В ближайший город, — отвечал француз, — оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учителя. Я думал сегодня быть уже на месте, но г-н смотритель, кажется, судит иначе. В этой земле трудно достать лошадей, г-н офицер.

— А к кому из здешних помещиков определились вы? — спросил офицер.

— К г-ну Троекурову, — отвечал француз.

— К Троекурову? Кто такой этот Троекуров?

— *Ma foi, mon officier*² ... я слышал о нём мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними, что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителями (*avec les outchitels*) он не церемонится и уж двух засёк до смерти.

¹ Подорожная — документ, по которому выдавали почтовых лошадей.

² Право, господин офицер... (фр.)

— Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу.

— Что ж делать, г-н офицер. Он предлагает мне хорошее жалованье, 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалованья буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал, достаточный для будущей моей независимости, и тогда *bonsoir*¹, еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты².

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — ответил учитель. — Меня он выписал из Москвы через одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать, что я готовился было не в учителя, а в кондитеры³, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее...

Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он француза, — что, если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж.

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель. Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — ответил офицер, — выдьте вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски. — 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги. — При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций⁴.

¹ До свидания. (фр.)

² Пускаюсь в коммерческие обороты — начинаю заниматься торговлей.

³ Кондитор (устар.) — кондитер.

⁴ Ассигнации — бумажные деньги.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Мое отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением, — вот мои бумаги... но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до этого. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё ещё не веря своим ушам, протянул бумаги своему молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш паспорт... хорошо. Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте.

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное. Дайте мне честное слово, что всё это останется между нами, честное ваше слово.

— Честное моё слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай Бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здравье.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поехал.

Смотритель смотрел в окошко и, когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием:

— Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский.

Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно. Дубровский был уже далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, всё казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут, у него в кармане, и красноречиво твердили ему о существенности удивительного происшествия.

Он решил нанять лошадей до города. Ямщик повёз его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доезжая до заставы, у которой вместо часового стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, вылез из брички и пошёл пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку...

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать¹ и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя: Кирила Петрович — за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому несоместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских

¹ *Повесничать* — бездельничать.

жителей, но могло статься и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего он мог почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решился ею завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и, казалось, так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел как ни в чём не бывало. Через несколько минут слуга вошёл и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и, несмотря на увещания хозяина, вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обыкновенный порядок.

Глава XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась с невольной досадой, что оно не было равнодушно к

достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокаивал её гордость и боязливые сомнения...

Однажды, пришед в залу, где ожидал её учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла её и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство её было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чём она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон¹ с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы переве-

¹ Бостон — карточная игра.

сти дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленной фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец... — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради Бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пересечь ему все пути к бегству, — в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тай-

но. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья, их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался лёгкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил её руку и приложил к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня.

Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял её руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставляю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбежались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирилы Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтобы отсутствие её не было замечено. В зале встретил её Кирила Петрович, гости окру-

жили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша? — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты м-г Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это — сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — уберайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застращал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Враньё, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хваленые приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться. Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постелю и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели её, насилу-насилу успели её успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, её уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, грозно насвистывая «Гром победы раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, был предупреждён. Но кем и как? это оставалось тайною.

Било одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету ж тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка восвояси да вперёд будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

Глава XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирилы Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместье князя Верейского. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду ещё не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по

своём приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повёл на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стриженными липами, четверугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своём посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражён её красотой. Троекуров посадил гостя подле неё. Князь был оживлён её присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своей подагрой¹; он предпочёл прогулку в линейке², с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроём и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к

¹ *Подагра* — болезнь суставов.

² *Линейка* — открытая многоместная коляска.

Кириле Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирилла Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нём погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Верейский, — как, этому славному разбойнику?..

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо¹? Жив ли он, схвачен ли он?

— И жив и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, в прошлом году он, кажется, что-то сжёг или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним: он целые три недели учил её музыке, да слава Богу не взял ничего за уроки. — Тут Кирилла Петрович начал рассказывать повесть о своём французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках. Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашёл всё это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирилла Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирилу Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

¹ *Ринальдо* — благородный разбойник, герой популярного в то время итальянского романа «Ринальдо Ринальдини».

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Вере́йскому...

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединённую пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворённое учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал её и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождём, звёздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, как дитя. Князь Вере́йский радовался её восхищению, а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais*¹ князя как знаки уважения и желанья ему угодить.

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведённые, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

Глава XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком. Под её иглой канва

¹ Все расходы.

повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то, её мысли не следовали за работой, они были далеко.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кириле Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, вдруг слёзы побежали по её бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слёзы и воротись к нам веселенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал её, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше уме-

реть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 часов на прежнем месте».

Глава XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробегал по всему саду.

Как лёгкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Ещё никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне своё покровительство, — ответила Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради Бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнью. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда они идут замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта; что, если возьмёт он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам ни одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради Бога, не отставайте. Если ж не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался, Маша плакала...

Время летело.

— Пора, — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял её руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то несите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

Глава XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объяснение. Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлён о её письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решился не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашёл сие весьма благоразумным, пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо его очень опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирилы Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец её вошёл и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаёте человеку не-

любимому??? разве я вам надоела??? я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, ещё грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька, не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл своё смущение и, оттолкнув её, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра! — вскрикнула Маша, — Боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уж вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснётесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня страшить защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на неё с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из неё не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери.

Долго плакала бедная девушка, воображая всё, что ожидало её, но бурное объяснение облегчило её душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было для неё: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для неё раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться на-

едине и ещё раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдёт она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркать! Смерклось. Маша приготовилась, но дверь её заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал её выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорблённая, она села под окошко и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на тёмное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон её был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили её.

Глава XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас её положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы её отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать её из её комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Её слова ожесточили молодую затворницу, голова её кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всём Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба, в это время камушек ударился в окно её, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовёшь?

— Я пришёл, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил все-

му дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал. — С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился, задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло.

Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за него обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе како дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — закричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во всё горло:

— Воры, воры, сюда, сюда...

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по видимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увёртливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах ты, рыжая bestия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведём его на расправу к приказчику.

Садовник повёл пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилой Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал всё происшествие. Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всём или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька...

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую берёзовую розгу...

— Пойдите, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно урони-

ла кольцо, и я спрятал его в дупло и... и... этот рыжий мальчишка хотел кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбегал и положил, а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно:

— Чей ты?

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирилы Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаёшь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моём саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, слуга в барина, каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобой разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косой, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всём признаешься, так я тебя не высеку, дам ещё пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб он не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвёл мальчика на голубятню, запер его там и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая „Гром победы“. — Может быть, я наконец нашёл на его горячие следы, и он от нас не увернётся. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава Богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошёл в комнату весь запылённый.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава Богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлён, увидев тринадцатилетнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кириле Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая, однако ж, о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повёл его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в зал, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетьюми и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. Развязать его. — Мальчика развязали.

— Благодарю же барина, — сказал исправник.

Мальчик подошёл к Кириле Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперёд не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучался в окошко, окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где же ты пропадал, бесёнок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради Бога, хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбегать ещё в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на вот тебе ломотик, — и сунула в окошко ломоть чёрного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и, жуя, мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистенёвскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывистым и стал слушать; лёгкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

Глава XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки суетились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну, голова её томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала её, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирилы Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери открылись.

— Невеста готова, — сказала дама Кириле Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С Богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ¹, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос её замирал. Кирила Петрович спешил её благословить, её подняли и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать² и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и был поражён её бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря³ и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видела, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она

¹ Образ — здесь: икона.

² Посажёная мать — женщина, заменяющая мать при свадебном обряде.

³ Алтáрь — возвышенная восточная часть церкви, отделённая от центральной её части иконостасом.

«Дубровский». Художник Е. Лансере. 1899 г.

ждала Дубровского, надежда ни на минуту её не покидала, но когда священник обратился к ней с обычным вопросом, она содрогнулась и обмерла, но ещё медлила, ещё ожидала; священник, не дождавшись её ответа, произнёс невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её была навеки скована, что Дубровский не прилетел освободить её. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодой женою князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать ей притворными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были про-

сты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти вёрст, лошади неслись быстро по кочкам просёлочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооружённых людей окружила её, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

— Вы свободны, выходите.

— Что это значит! — закричал князь, — кто ты такой?..

— Это Дубровский, — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского!

— Что вы говорите, — закричал с отчаянием Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твёрдостью, — князь — мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже её не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им не-

сколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставляя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряжённых, но не разграбля ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

Глава XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иглою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть, по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколол к рукаву иглоку, сел на пушку верхом и запел во всё горло меланхолическую старую песню¹:

Не шуми, мати зелёная дубровушка.
Не мешай мне, молодцу, думу думати.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показала у порога.

¹ *Меланхолическая песня* — грустная, печальная песня.

— Полно тебе, Стёпка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости.

— Виноват, Егоровна, — отвечал Стёпка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает. — Старушка ушла, а Стёпка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет¹ и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Стёпка просунул к нему голову в окошко.

— Батюшка, Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут. — Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе; при его появлении настало глубокое молчание.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский.

— Все, кроме дозорных, — отвечали ему.

— По местам! — закричал Дубровский. Разбойники заняли каждый определённое место.

В сие время трое дозорных прибежали к воротам, Дубровский пошёл к ним навстречу.

— Что такое? — спросил он их.

— Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают.

Дубровский велел запереть ворота и сам пошёл освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из

¹ Туалет — здесь: столик с зеркалом.

«Дубровский». Художник Д. Шмаринов. 1949 г.

лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам.

— Готовиться к бою, — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох; снова всё утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтора солдат высыпали из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперёд, солдаты за ним последовали и сбежали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался, солда-

ты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободрённые разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали, разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велел отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни.

— Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид¹, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдалённую губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло. — После сей речи он оставил их, взяв с собою одного. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении, но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

¹ Вид — в данном случае паспорт, «вид на жительство».

Размышляем о прочитанном

Ваши первые впечатления

1. Кто из героев вам понравился и почему? Кто вызвал неприязнь?
2. Какие эпизоды романа вам запомнились и чем именно?
3. Когда вы догадались, что Дефорж — Дубровский?

Глава I

1. Что давало Троекурову «большой вес в губерниях»?
2. Как относились к нему помещики-соседи, губернские чиновники? Чем можно объяснить грубость и своеобразие Троекурова?
3. Каким человеком был Кирила Петрович в домашнем быту? Из чего состояли его всегдашние «занятия»?
4. Почему Троекуров, «вадменный в сношениях с людьми самого высшего звания», уважал старшего Дубровского? В чём проявлялось сходство Троекурова и Дубровского?
5. Как характеризует А. Г. Дубровского случай на псарне? Можно ли считать ссору Троекурова и А. Г. Дубровского «нечаянным случаем»? Приведите доводы, подтверждающие вашу точку зрения.

Глава II

1. Как встретили чиновники уездного суда Дубровского-старшего и Троекурова?
2. Какие мысли и чувства вызывают у вас суд и чиновники?
3. Почему внезапное «сумасшествие» Дубровского сильно подействовало на воображение Троекурова и отравило его торжество?

Глава III

1. Какой образ жизни вёл Владимир Дубровский в Петербурге? Почему «он позволял себе роскошные прихоти»?
2. Как воспринял он известие о болезни отца? Какие черты его характера проявились при этом?
3. Что можно сказать об отношении дворовых и крестьян к Дубровскому и Троекурову?

Глава IV

1. Как воспринял Троекуров известие о вступлении во владение имением? Какие чувства он испытывал?
2. Почему примирение бывших друзей оказалось невозможным?

Глава V

1. Что рассказывает автор о переживаниях В. Дубровского после смерти отца?
2. Как ведут себя судейские чиновники, приехавшие «вводить во владение» К. П. Троекурова? Обратите внимание на их речь: «Просить иных-прочих убираться подобру-поздорову»; «А ты кто такой... мы вас не знаем да и знать не хотим»; «Кто там смел рот разинуть?», «Да это бунт!» и др. Почему они себе это позволяют?
3. Как нарастает гнев и возмущение крепостных крестьян?
4. Почему Владимир Дубровский не даёт возможности разгневанным крестьянам расправиться с чиновниками?

Глава VI

1. «Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня» — когда и в связи с чем Владимир Дубровский пришёл к такому решению?
2. Что побудило крестьян присоединиться к В. Дубровскому?
3. Почему кузнец Архип губит подьячих, но с риском для собственной жизни спасает кошку?

Глава VII

1. Какие обстоятельства заставили Владимира Дубровского стать разбойником?
2. Какое представление о предводителе разбойников сложилось в округе?

Главы VIII—IX

1. О каком «благородном увеселении» Троекурова вы узнали? Как это его характеризует?
2. Подготовьте пересказ эпизода «Обед в Покровском» от лица одного из героев.

3. Сравните рассказы А. С. Глобовой и А. П. Спицына. Какую характеристику Дубровскому даёт каждый из них?
4. «Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свёл» — в связи с чем Троекуров пришёл к такому выводу?
5. Почему никто из присутствующих гостей Троекурова не узнал Дубровского?

Главы X—XII

1. Почему А. П. Спицын решил переночевать в одной комнате с Дефоржем и каково было его пробуждение?
2. Как Дубровский стал Дефоржем?
3. Какие качества характера Дубровского проявились во время его пребывания в Покровском?
4. Почему Дубровский искал возможности поселиться в доме Троекурова и отказался от своей мести?

Главы XIII—XVIII

1. Каким вы представляете князя Верейского? Что роднит его с Троекуровым и в чём их различие?
2. Как относился Кирила Петрович к своей дочери и как он распорядился её судьбой?
3. Перескажите близко к тексту эпизод с кольцом (гл. XVII). Как вели себя Митя и Саша во время допроса? Почему Троекуров и исправник отпустили Митю и какие последствия имело это обстоятельство?
4. Как складывались отношения Марьи Кириловны и Владимира Дубровского? Почему она отказалась от его помощи?

Глава XIX

1. А. С. Пушкин называет крестьян Дубровского разбойниками. Какими словами в тексте он «опровергает» своё утверждение?
2. Как вы думаете, почему Владимир Дубровский покинул своих крестьян?

«Дубровский»

1. В начале романа даётся характеристика Кирилы Петровича Троекурова. Внимательно прочитайте пушкинский текст. Выражено ли в нём авторское отношение к Троекурову? Каким образом актёр средствами художественного чтения передаёт отношение Пушкина к его персонажу?
2. Меняется ли эмоциональная окраска чтения актёра, когда он начинает читать характеристику Андрея Гавриловича Дубровского? Если вы считаете, что меняется, то объясните, почему это происходит.
3. Какая фраза, особо выделенная чтением, сообщает нам, что дальше пойдёт рассказ об очень важном событии в жизни героев романа?
4. Как вы думаете, хотел ли Кирила Петрович намеренно обидеть Андрея Гавриловича? Если не хотел, то почему же он так болезненно отреагировал на письмо своего бедного соседа? Что рассердило Троекурова в письме Дубровского, вызвало его гнев?
5. Послушайте внимательно диалог Троекурова с Шабашкиным. Какие качества характера Троекурова показывает актёр, читая диалог?
6. Какие черты характера Шабашкина подчёркиваются в чтении актёра?
7. Прочитайте все главы незаконченного романа Пушкина, обратите особое внимание на то, как писатель через речь героев, их поведение в различных ситуациях раскрывает характеры персонажей.

Литература и другие виды искусства

В 1895 году на сцене Мариинского театра в Петербурге была впервые поставлена опера Эдуарда Направника «Дубровский». Эта третья и лучшая опера чешского дирижёра и композитора, нашедшего в России свою вторую родину и ставшего виднейшим музыкальным деятелем в истории русской оперы на рубеже двух веков.

Автор либретто¹ — брат великого композитора Модест Ильич Чайковский. Опера прочно вошла в репертуар музыкальных театров.

Роман «Дубровский» нашёл своё воплощение и на драматической сцене и с успехом шёл с 1949 года в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Риге, Вологде, Кирове, Туле, Красноярске, Казани, Тамбове, Ярославле и в театрах других городов.

Замечательные иллюстрации к роману были созданы художниками Евгением Евгеньевичем Лансере (1875—1946), Борисом Михайловичем Кустодиевым (1878—1927), Дементием Алексеевичем Шмариновым (1907—1999).

1. Рассмотрите иллюстрации Д. Шмаринова, Е. Лансере и В. Кустодиева к роману «Дубровский», помещённые в учебнике. Какие моменты запечатлены на них? Озаглавьте эти иллюстрации. Подготовьте устный рассказ по одной из них. Обратите внимание на то, как художники изобразили чувства и переживания героев.

2. Роман «Дубровский» иллюстрировали и другие художники: А. Пахомов (1936), Б. Бойм (1948). Постарайтесь найти издания с иллюстрациями этих художников и устроить выставку в классе. Обратите внимание на своеобразие этих рисунков.

3. На материале романа «Дубровский» создан телевизионный фильм. Видели ли вы его? Понравился ли он вам? Такими ли вы представляли себе героев?

Композиция

Слово «композиция» происходит от латинского слова *compositio*, что означает «сложение», «состав».

Композиция — это построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь всех его частей, образов, эпизодов.

¹ *Либретто* — словесный текст музыкально-вокального произведения (оперы, оперетты), а также сценарий балетного спектакля.

Повествование в художественном произведении может строиться в хронологической последовательности либо с нарушением её. В произведение могут быть включены подробные описания места действия, обстановки, переживаний героев, рассказы других лиц. Все эти элементы задерживают развитие действия, но позволяют вернее нарисовать героев, полнее и глубже раскрыть замысел автора, а иногда вызвать напряжённый интерес читателя.

Размышляем о прочитанном

1. Составьте план основных событий глав VIII—XI в той последовательности, в какой они описаны в романе. Восстановите истинный ход событий. С какой целью А. С. Пушкин нарушает временную последовательность событий?
2. Сравните описание двух усадеб: Покровского и Кистенёвки (гл. III). Какой вывод можно сделать из этого сопоставления?
3. С какой целью автор вводит в повествование рассказы А. П. Спицына и А. С. Глобовой?

Роман (от фр. roman — романский; романский язык) — первоначально: произведение, написанное на одном из романских языков; в дальнейшем — большое повествовательное произведение со множеством действующих лиц и развитым сюжетом.

Сюжет (от фр. sujet — тема, предмет, причина, повод) — последовательность и связь событий в художественном произведении.

О «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина»

«Повести Белкина» — первое законченное прозаическое произведение Пушкина. Они созданы в знаменитую Болдинскую осень 1830 года. Пушкин взял на себя роль издателя, ав-

торство приписал провинциальному помещику Ивану Петровичу Белкину. В основе «Повестей Белкина» — истории, случаи, происшествия провинциального быта. В действие включены люди различных сословий и профессий.

Автор хочет уверить читателя, что всё рассказанное — правда, что это истинные истории. Именно поэтому Пушкин даёт слово для повествования Белкину. Причём различные повести имеют разных повествователей: подполковник И. Л. П. рассказывает повесть «Выстрел», девица К. И. Т. — «Метель» и «Барышню-крестьянку».

События, о которых рассказывает Белкин, в его глазах выглядят истинно романтическими, в них есть всё: дуэли, неожиданные случайности, любовь, смерть, тайные страсти, приключения.

«**Барышня-крестьянка**» — пятая, последняя по счёту повесть из «Повестей Белкина», рассказанная девицей К. И. Т. В её основе тайны и переодевания. Шуточные драматические события рассеиваются, когда реальные жизненные условия требуют исполнения воли родителей вопреки, казалось бы, чувствам детей. Однако на самом деле желания родителей и детей совпадают. Пушкин смеётся над уловками персонажей и являет действительные лица, сияющие молодостью и здоровьем.

Размышляет о прочитанном

Прочитайте самостоятельно повести «Выстрел» и «Барышня-крестьянка», подготовьте ответы на вопросы для беседы в классе.

Фонохрестоматия ((СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

1. В начале повести «Барышня-крестьянка» Пушкин даёт характеристики Ивану Петровичу Берестову и Григорию Ивановичу Муромскому. Перечитайте первую страницу произведения. О ком из героев писатель

- пишет с большим почтением и уважением? В какой из характеристик заметна ирония автора?
2. Как вы думаете, зачем Пушкин в начале повести так много внимания уделяет рассказу о жизни и характере уездных барышень?
 3. Почему Лиза, слушая рассказ Насти, постоянно её перебивает и почему Насте хочется подробно рассказывать о деталях, которые Лизе не интересны? Как автор передаёт состояние барышни и её служанки во время разговора?
 4. Как вы думаете, почему Лиза представляла себе Алексея Берестона бледным, печальным, задумчивым и очень удивилась, когда услышала, что тот весел и румян?
 5. С каким чувством Пушкин описывает переодевание Лизы в крестьянское платье и попытку перенять манеру поведения крестьянских девушек? Как это чувство передаёт автор?
 6. Прислушайтесь к диалогу Лизы (якобы Акулины) и Алексея. Как вы считаете, удаётся ли Лизе говорить простой крестьянской речью? Чем отличается речь Лизы от речи Алексея?
 7. Подготовьте выразительное чтение одного из диалогов повести «Барышня-крестьянка».
 8. Прочитайте и другие повести Белкина. Составьте устный или письменный отзыв об одной из них или инсценированное чтение.

Проект

Подготовьте и проведите с одноклассниками и родителями под руководством учителя читательскую конференцию по теме «„Повести Белкина“ А. С. Пушкина».

Подготовьте к конференции развёрнутые читательские отзывы о прочитанных произведениях, иллюстрациях художников к повестям, экранизациях произведений А. С. Пушкина. Завершить конференцию можно инсценировкой эпизодов одной из повестей.

Михаил Юрьевич
Лермонтов
1814—1841

В ранние детские годы Лермонтов с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой жили то в Тарханах, то в Пензе. Для поправки слабого здоровья мальчика Елизавета Алексеевна дважды, в 1820 и 1825 годах, возила его на Кавказские Минеральные Воды.

Первоначальное образование и воспитание, как и большинство дворянских детей, будущий поэт получил дома.

Для обучения внука бабушка пригласила многих учителей (гувернёра-француза, бонну-немку, позже — англичанина), проходивших с Лермонтовым курсы греческого, французского и немецкого языков.

Серьёзные занятия начались в Москве, куда Елизавета Алексеевна и её внук переехали в 1827 году. Надо было готовиться к продолжению образования. Учителем к Лермонтову был приглашён опытный педагог А. З. Зиновьев. Под его руководством мальчик изучал русскую грамматику, географию, астрономию, историю, математику, то есть основные науки.

В курс образования входили также рисование (учитель Александр Степанович Солоницкий), лепка и др. Достаточное время было отведено для сочинений. Вся программа соответствовала пансионской, требуемой для поступления в Благородный пансион¹ при Московском университете, куда решено было отдать Лермонтова для дальнейшего обучения.

¹ *Пансион* (от фр. *panсион*) — учебное заведение с общежитием и полным содержанием учащихся. Лермонтов был зачислен полупансионером: он мог жить дома.

В 14 лет будущий поэт, отличавшийся хорошим прилежанием, отменно знал русскую словесность. Стихи Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина были ему знакомы. Тогда же он начал и сочинять. Домашнее воспитание и образование закончилось к сентябрю 1828 года, и 1 сентября 1828 года Лермонтов был принят полупансионером в Московский университетский Благородный пансион в четвёртый класс, который успешно закончил (в награду ему подарили книгу и картину). Зимой Лермонтов, сдав экзамены, был зачислен в пятый класс пансиона. Его наставниками стали, помимо А. З. Зиновьева, поэт и критик А. Ф. Мерзляков (он давал уроки Лермонтову на дому), поэт и переводчик С. Е. Раич, организовавший литературный кружок, который посещал и Лермонтов. Впоследствии Раич с гордостью писал о двух своих гениальных учениках — Тютчеве и Лермонтове.

Среда университетского Благородного пансиона располагала к литературным занятиям. Лермонтов был знаком с различными журналами и сам много писал. К этому времени им уже созданы две редакции «Демона», написана поэма «Джюлио». 16 апреля Лермонтову было выдано свидетельство об окончании Благородного пансиона, где он обучался «разным языкам, искусствам», «нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами».

После летнего отдыха в Середникове (под Москвой) и паломничества в Троице-Сергиеву лавру вместе с бабушкой и кузинами (здесь написано одно из самых совершенных стихотворений юного поэта — «Нищий») Лермонтов подал прошение о приёме в Московский университет.

В следующем году начались занятия в Университете. Поэтическое творчество одарённого юноши продолжалось с неиссякаемой силой. Стихи как будто сами лились из его души.

В 1831 году Лермонтов потерял отца, которого горячо любил. Семейная драма — разрыв между отцом и матерью, разлука с отцом и привязанность к бабушке — всё это стало предметом глубоких и напряжённых размышлений.

М. Ю. Лермонтов.
Автопортрет

В Университете не всё шло столь гладко, как в пансионе. Но Лермонтов по-прежнему усердно занимался. До нас дошли свидетельства о его успешных занятиях по немецкому и английскому языкам, английской и русской словесности. Однако университетские лекции в целом не удовлетворяли жаждущего знаний юношу. Весной 1832 года Лермонтов запросил бумаги о рождении и крещении, а в июне, сославшись на «домашние обстоятельства», просил выдать ему свидетельство об обучении в Московском университете для перевода в Императорский Санкт-Петербургский университет. Но там ему отказали зачесть курсы, прослушанные в Московском университете, и он избрал военное поприще, поступив в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В ней началась новая — петербургская — пора его жизни.

Проверьте себя

1. Какие учителя были приглашены бабушкой для обучения будущего поэта?
2. Кто из писателей интересовал юного М. Ю. Лермонтова?
3. Какие предметы изучал поэт в пансионе?

«Тучи». В 1840 году Лермонтов во второй раз отправлялся в ссылку на Кавказ. В апреле этого года он прощался с петербургскими друзьями. Современник поэта граф В. А. Соллогуб вспоминал: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзинных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя у окна и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“. Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что написанное стихотворение. Он... прочёл его. Когда он кончил, глаза были влажные от слёз...»

Лермонтов увидел сходство между мчащимися тучами и своим изгнанием: и тучи, и поэт покидали милый север и устремлялись в чужую южную сторону. Пейзажная картина стала воплощением настроений поэта. И в этом отношении «Тучи» напоминают такие стихотворения, как «Утёс», «На севере диком...», они принадлежат к лирике, в которой личный мир Лермонтова, его чувства передаются через образы природы.

В «судьбе» туч и в судьбе поэта есть лишь видимое сходство: кажется, что тучи, как и поэт, — изгнанники. Такой приём уже встречался нам в фольклоре. Но вскоре становится ясно, что сходство между «судьбой» туч и судьбой поэта мнимое: у них гораздо больше различий, чем сходства. Тучи — «вечные странники», «вечно холодные, вечно свободные», у них нет «родины», и потому они не знают «изгнания». Тучи вечно «странствуют», подчиняясь ветру, стихийной силе природы.

Им чужды чувства привязанности и дружбы. Поэт, напротив, живёт в человеческом обществе и подчиняется его законам. У него есть родина. Эти различия очень значительны. Поэт жаждет свободы и красоты, он хочет сохранить лучшее, что присуще миру природы (свободу, красоту) и миру людей (любовь к родине, дружбу, наполненную большими чувствами жизнь). Ему жаль расстаться и с тем и с другим. Однако он понимает, что это невозможно: мир людей и мир природы несовместимы. Отсюда проистекает печальный и светлый тон стихотворения.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Размышляем о прочитанном

1. В чём М. Ю. Лермонтов находит сходство своей судьбы, своего изгнания с «судьбой» тучек?
2. Какие различия есть в судьбе поэта и тучек?
3. О каких настроениях поэта мы можем догадаться по второй и третьей строкам стихотворения?
4. Как эпитеты помогают определить отношение к северу, где находится родина и откуда должен уехать поэт, и к югу, куда его ссылают?

«Тучи»

1. Перечитайте стихотворение и ещё раз прослушайте и проследите, как меняется характер отношения лирического героя к тучам:
 - в какой части стихотворения он мысленно сближает, объединяет себя с ними? Почему?
 - в какой части это единение оказывается под вопросом, под сомнением?
 - в каких строках стихотворения звучит уверенное «нет»? (У него и «вечно холодных» туч разные судьбы.)
2. Как передаёт эту динамику, развитие чувств автора актриса?
3. Выучите стихотворение наизусть, подготовьте его выразительное чтение.

«Три пальмы» — одна из лучших баллад Лермонтова, проникнутых глубоким философским смыслом. Поэт нарисовал в стихотворении необычную эпическую картину: кругом пески, палит жаркое солнце, в воздухе стоит зной, нигде нет никакой растительности, кроме одиноко стоящих среди пустыни трёх пальм у сохранившегося оазиса. Однако пальмам в пустыне одиноко. Их красота никому не видна и никому не нужна. Они, как им кажется, бесполезно живут в голой пустыне, давно и напрасно ждут путников, которых им хочется напоить студёными струями и ласково обвеять листьями, дав прохладу и отдых после долгого и изнурительного пути. Пальмы, недовольные своей судьбой, стали роптать на Бога. И Бог внял их мольбам и их ропоту. Неожиданно к пальмам подошёл богатый караван, который живописно изображён Лермонтовым. Казалось бы, сбылась мечта трёх пальм: к ним пришли люди, утолили жажду, отдохнули в тени под сенью их листьев. Но путники повели себя как злые и неблагодарные существа. Они срубили пальмы и сожгли. С гибелью пальм исчез и «гремучий ключ», засыпанный раскалённым песком. Теперь уже никто не напоит путников, и

им негде будет отдохнуть после трудной дороги по пустыне. Вот и весь сюжет.

В эту картину Лермонтов внёс пронзительную личную мысль, соединив эпическое изображение с лирическим его выражением. Люди не пощадили красоты природы и с презрением отнеслись даже к той пользе, какую она им принесла и могла бы принести в будущем. Оказывается, никто не требовал от пальм участия, никто не надеялся на их сочувствие. Люди часто несут гибель природе даже вопреки собственным интересам. Между людьми и природой, которая открывает им красоту и богатства, разорваны глубокие внутренние связи.

ТРИ ПАЛЬМЫ

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался водою холодной,
Хранимый под сенью зелёных листов
От знойных лучей и сыпучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать¹:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,

¹ *Роптать* — выражать недовольство.

Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые व्यюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса¹ вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван;
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,

¹ Фарис — по-арабски: всадник, витязь.

Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь продолжал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный.
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом;
Напрасно Пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Размышляет о прочитанном

1. Почему произведение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» обозначено как восточное сказание и что в тексте подтверждает этот жанр? Какие слова и выражения передают восточный колорит сказания?
2. Как вы думаете, почему погибли три пальмы? Чем были они недовольны? На кого роптали?
3. Как вели себя люди из пришедшего каравана? Чем заканчивается сказание? Что хотел сказать поэт своим произведением?

Фонохрестоматия (▶ СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ ◀)

«Три пальмы»

1. Какое впечатление произвело на вас чтение актёром баллады Михаила Юрьевича Лермонтова?
Какие чувства переживали вы, слушая это лиро-эпическое произведение?

2. Проследите, как меняется интонационный строй речи, эмоциональная окраска голоса актёра, когда он читает:
 - описание оазиса в аравийской пустыне (I строфа);
 - ропот пальм (II строфа);
 - описание движущегося каравана (III строфа);
 - гарцевание арабского всадника (V строфа);
 - встречу гостей в оазисе (VI строфа);
 - жестокую сцену гибели пальм (VII строфа);
 - картину безжизненного пространства там, где ещё недавно красовались пальмы и журчал ручей (IX строфа).
3. Поработайте над выразительным чтением каждой смысловой части баллады. Постарайтесь добиться, чтобы в чтении с определённой звучало ваше личное отношение к событиям каждого эпизода баллады. Затем выразительно прочитайте всё стихотворение.

Творческое задание

Подготовьте сценарий мультфильма «Три пальмы» по мотивам баллады М. Ю. Лермонтова. Продумайте содержание каждого кадра. Подберите музыку, которая будет сопровождать ваш фильм.

«Листок». Стихотворение написано в 1841 году. В центре стихотворения — одинокий листок, который оторвался от ветки родимой, засох, увял от холода, зноя, горя. Гонимый листок докатился до Чёрного моря. В противоположность ему у моря стоит молодая чинара, с ней шепчется ветер, на ветвях качаются райские птицы. Сравняются два мира: листок окружают враждебные силы, чинару — ласковый ветер.

Листок-странник молит приюта, но чинара отвергает его, отказывается приютить листок. «Иди себе дальше», — говорит чинара, но дальше — море, гибель для листка.

Некоторые литературоведы считают, что в образе до срока созревшего листка угадывается второй план, раскрываю-

щий тему бесцельного существования, разрыва исторических связей и преждевременного созревания лермонтовского поколения.

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни во славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев твоих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим
не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

Размышляем о прочитанном

1. Какова история листка-странника? О чём этот рассказ — о листке, о людях, о поколении? Какие эпитеты, олицетворения помогают сделать стихотворение таким грустным?
2. Понаблюдайте, как создана история листка, его образ и образ чинары. Выберите из текста глаголы, и в вашем сознании восстановится вся история листка («оторвался», «укатился», «засох», «увял», «докатился», «прижался», «молит приюта», «до срока созрел») и чинары («цвету», «блистаю», «раскинула ветви»). Какой же образ листка и чинары создаётся в стихотворении?
Можно ли сказать, что листок-странник олицетворяет самого поэта, его чувства, состояние души и даже переживания, трагедию целого поколения, «до срока созревшего»? Как вы понимаете выражение «до срока созревший»?
3. Как вы думаете, есть ли будущее у листка? Подтвердите это строчками самого стихотворения. Как вы это объясните?
4. Итак, в стихотворении два характера, две судьбы, два состояния, два настроения. Кому сочувствуете вы и почему?

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Листок»

1. Как драматизм «жизни» листка передаёт актёр?
2. Совпадает ли ваше отношение к красоте любимицы солнца чинары с отношением актёра? Почему?
3. Какое впечатление произвело на вас прослушанное стихотворение? К кому из персонажей вы прониклись сочувствием? Почему?
4. Очень кратко в одном четверостишии описана судьба листка, но читатель и слушатель проникаются сочувствием к нему. Какие невзгоды, удары судьбы он испытал?

5. Подготовьте выразительное чтение «диалога» листка и чинары по ролям. Для этого попробуйте дать характеристику персонажам, а после этого решите, какие чувства должны звучать в словах героев стихотворения; какова должна быть манера произнесения слов, интонация.

«Утёс». Стихотворение написано в 1841 году, главная мысль стихотворения, его мотив — одиночество. В стихотворении дано описание природы, двух разных природных стихий: лёгкой тучки и неподвижного громадного утёса-великана («старый», «одинокый», «задумался глубоко», «тихонько плачет он в пустыне»).

Образы-символы — золотая тучка и утёс-великан — символизируют человеческие отношения, их непрочность.

Это стихотворение высоко ценили критик В. Г. Белинский, М. Горький. Его иллюстрировали выдающиеся русские художники В. Поленов, В. Конашевич. Множество композиторов положили его на музыку: С. Рахманинов, А. Рубинштейн, Н. Римский-Корсаков и др.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Размышляем о прочитанном

1. Попробуйте устно «нарисовать» картины стихотворения, активно привлекая лексику М. Ю. Лермонтова.

2. Выучите это небольшое стихотворение наизусть. Выразительным чтением передайте заложенный в стихотворение мотив одиночества и печали.
3. Какой бы вы сделали рисунок к этому стихотворению? Расскажите об этом.

Литература и другие виды искусства

Как вы думаете, почему композиторы так часто обращались к лермонтовскому стихотворению? Почему именно музыкой они пытались раскрыть глубину чувств и мыслей этого произведения?

Фонохрестоматия ((СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ)))

«Утёс»

1. Как вы знаете, поэзия часто наделяет образы природы характерными чертами людей. Что вы можете сказать о характерах тучки и утёса?
2. Прочитайте первое четверостишие (строфу) так, чтобы была понятна ваша характеристика тучи. Совпадает ли она с характеристикой, данной в чтении актрисы? Если нет, то в чём различие?
3. Как вы думаете, почему актриса делает долгую паузу перед словами «одиноко / Он стоит, задумался глубоко...»?
4. Прочитайте стихотворение вслух, постарайтесь выразить светлое, радостное настроение, которым окрашена первая строфа, безысходное горе одиночества, переданное поэтом во второй строфе.

Совершенствует свою речь

1. Готовясь к выразительному чтению стихотворений Лермонтова, важно обратить внимание на то, что, описывая судьбу листка или утёса, поэт рассказывает нам о человеческих судьбах, чувствах и переживани-

ях, о радостях и страданиях людей. Чувства, настроения поэта становятся близкими читателю. Найдите наиболее верную интонацию, логические ударения при произнесении стихотворных строчек: «оторвался от ветки родимой... жестокою бурей гонимый», «задох и увял он от холода, зноя и горя», «прижался у корня чинары», «приюта на время он молит с тоскою глубокой», «до срока созрел я и вырос в отчизне суровой».

2. Какие художественные средства помогают выразить страдание и сочувствие, осуждение? Расскажите об этом на примере одного из прочитанных стихотворений Лермонтова.

Проект

Подготовьте в классе конкурс выразительного чтения стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, прочитанных вами в 5 и 6 классах (составьте программу, определите участников, членов жюри, критиков, музыкальное сопровождение и т. д.).

Иван Сергеевич
Тургенев
1817—1883

Иван Сергеевич Тургенев по отцу принадлежал к старинному дворянскому роду — имена его предков встречались в описаниях исторических событий со времён Ивана Грозного.

В Смутное время один из Тургеневых — Пётр Никитич — был казнён на Лобном месте за то, что обличал Лжедмитрия.

Отец писателя начал службу в кавалергардском полку и ко времени встречи с будущей женой был в чине поручика. Мать — богатая помещица, владелица усадьбы Спасское Мценского уезда Орловской губернии.

Всё управление усадьбой Спасское было в руках матери Варвары Петровны. Вокруг просторного двухэтажного господского дома, построенного в форме подковы, были разбиты сады, устроены оранжереи, парники. Аллеи образовывали римскую цифру XIX, обозначающую век, в который возникло Спасское. Мальчик рано стал замечать, что всё вокруг подчинено произволу и капризам хозяйки имения. Осознание этого омрачало любовь к Спасскому и его природе.

Детские и юношеские воспоминания о жизни в Спасском глубоко запали в душу Тургенева и нашли потом отражение в его рассказах. «Моя биография, — сказал он однажды, — в моих произведениях». Отдельные черты характера Варвары Петровны угадываются в образах некоторых героинь Тургенева («Муму»).

В домашней библиотеке было много книг на русском, английском, немецком языках, но большинство книг было на французском языке.

С гувернёрами и домашними учителями постоянно происходили какие-нибудь недоразумения. Их часто меняли. Будущего писателя занимали природа, охота, рыбная ловля.

Но вот пришла пора расстаться со Спасским на долгое время. Тургеневы решили переселиться в Москву, чтобы подготовить детей к поступлению в учебные заведения. Купили дом на Самотёке. Сначала дети были помещены в пансион, после выхода из него снова усердные занятия с учителями: шла подготовка к поступлению в Университет. В результате преподаватели отметили высокий уровень развития подростков. Отец в письмах призывает сыновей больше писать письма на русском, а не на французском и немецком языках. Тургеневу не исполнилось ещё и пятнадцати лет, когда он подал прошение в Московский университет, на словесное отделение.

Начало 1830-х годов было ознаменовано пребыванием в Университете таких замечательных людей, как Белинский, Лермонтов, Гончаров, Тургенев и др. Но проучился там будущий писатель всего год. Родители переехали в Петербург, и он перевёлся на филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. Вскоре Тургенев начал писать драматическую поэму. Небольшие стихотворения были созданы им ещё в Москве. На первом году его жизни в Петербурге произошла встреча с Жуковским, он сблизился с профессором П. А. Плетнёвым, с Грановским. Кумиром друзей стал А. С. Пушкин. Тургеневу не было ещё и восемнадцати лет, когда появилось его первое произведение.

Для завершения образования он уезжает в Берлинский университет. Немецких профессоров поражала неутолимая жажда знаний у русских студентов, готовность принести всё в жертву истине, жажда деятельности на благо родины. В начале декабря 1842 года Тургенев возвращается из-за границы в Петербург. Он с удвоенной силой отдаётся творческому труду.

По Н. Богословскому

Проверьте себя

1. Что нового вы узнали об И. С. Тургеневе из статьи, подготовленной по материалам книги Н. Богословского «Тургенев»?
2. Используя биографические словари «Русские писатели» и ресурсы Интернета подготовьте устное сообщение о жизненном пути писателя.

«Бежин луг» вчера и сегодня

Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня — пять мальчиков, которые стерегли ночью табун возле речки Снежедь на Бежином лугу и которых после первого чтения рассказа в детстве мы запоминаем на всю жизнь.

Многое меняется на земле, но, кажется, никогда не исчезнет то, что изображено Тургеневым в этом рассказе.

В рассказе «Бежин луг» природе уделено особое внимание. Потому что по-особому, более чутко и одухотворённо воспринимают её пять маленьких героев, для которых жизнь только начинает открывать свою сказочную красоту.

Рассказ посвящён крестьянским мальчикам старой, крепостной деревни середины XIX века. Однако, полтора столетия, отделяющие нас от того времени, не смогли стереть удивительной живости этого произведения.

Читая его, словно наяву любишься мальчишками — каждый из них — характер, в каждом неповторимая душа... Любишься июльским днём, изображённым в начале рассказа... Любишься прекрасной летней ночью... Становишься свидетелем рождающегося утра, ощущаешь бодрый, пророческий смысл, который вложен писателем в заключительную картину — картину расцвета...

«Бежин луг» открыл русским читателям середины прошлого (XIX. — *Ред.*) века и открывает нам сейчас поэзию детства. Вскоре после Тургенева Лев Николаевич Толстой напишет повесть, которую так и назовёт — «Детство» — и в которой даст углублённый анализ этой поры в жизни человека. Но у Турге-

нева был особый колорит в рассказе о мальчишках — прежде всего потому, что это были крестьянские мальчишки.

Мы идём от рассказа к рассказу вслед за Тургеневым и невольно вспоминаем свои впечатления от тех мест, которые удалось посетить нам на родине писателя. Мы шагаем по Орловской земле в районе Мценска, Льгова или Спасского-Лутовинова, и окрестные поля, рощи, деревни помогают нам мысленно переноситься в то далёкое, тургеневское время, живее представлять себе и самого Тургенева, и тех людей, с которыми он встречался, которых хорошо знал, которых любил, с которыми его связывала дружба.

И. Смольников. «Середина столетия»¹

БЕЖИН ЛУГ

(Из «Записок охотника»)

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное² — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков,

¹ Игорь Смольников пишет в примечаниях к этой своеобразной и интересной книге: «Возможно, луг получил название по фамилии помещиков Бежиных, которые в XVIII веке проживали неподалёку... Есть и такое предположение: Бежиным луг назван потому, что на нём собирались таборами люди, бежавшие от притеснений царских властей на юг, на вольный Дон. Это могло быть при Борисе Годунове или ещё раньше, при Иване Грозном».

² *Лучезарное* — сверкающее, сияющее.

золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны¹, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ² немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец,

¹ *Лазурный* — цвета лазури, светло-синий.

² *Ягдташ* — охотничья сумка для дичи.

И. С. Тургенев на охоте.

Этюд. Художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. 1879 г.

вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь»¹ кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной

¹ Площадями называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. (Примечание И. С. Тургенева.)

возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я. — Да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги; какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мною, а за ними далеко-далеко виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я наконец, — точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашёл? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой. Уже я с трудом различал отдалённые предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с

каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нём.

Что я было принял за роцу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной ложине. Странное чувство тотчас овладело мной.

Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне её торчало стоямя несколько больших белых камней, — казалось, они сползли туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я всё ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже несколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцаая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертанья отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымилась друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой и кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков¹, дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю, ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней: два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребятишки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали

¹ *Гуртовщики* — хозяева и погонщики гуртов; *гурт* — стадо скота, которое гонят на продажу.

бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейниками в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозняка и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным величием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума...

«Бежин луг». Федя.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

«Бежин луг». Павлуша.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг их; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалеея о невозможности исполнить своё желанье. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему изо всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с краси-

«Бежит луг».
Илюша и Костя.
Художник А. Пахoмoв. 1935 г.

выми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаша с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были включенные, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Маленький был неказистый — что и говорить! — а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубашки¹ да из заплатанных портов. Лицо третьего, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не певичились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми коси-

¹ Замашная рубаша — рубаша из замашки (холста).

цами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи¹, толстая верёвка, три раза перебитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, чёрные, жидким блеском блестящие глаза; они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке, по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложенья тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирённо прикорнувшись под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котёльчик висел над одним из огней; в нём варились картошки. Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Илюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль, Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Илюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Илюша сиплым и слабым голосом, звук кото-

¹ *Онучи* — портянки, обмотки для ног под сапоги или лапти.

рого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне¹.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках² состоим.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребяташки; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребяткам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и начал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу так зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то³ спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху, да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подо-

¹ *Рольней и черпальной* на бумажных фабриках называется то стросие, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Примечание И. С. Тургенева.)

² *Лисовщики* гладят, скоблят бумагу. (Примечание И. С. Тургенева.)

³ *Дворцом* называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Примечание И. С. Тургенева.)

ждал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма¹ зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл, да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покатилась.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый: пошёл он раз, тятенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи да и заблудился; зашёл, бог знает, куды зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять

¹ Форма — сетка, которой бумагу черпают. (Примечание И. С. Тургенева.)

задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она, знай, хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, зная, Господь его надумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчания, — да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить, он же её не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатах, всё слышал.

— Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, зная, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Илюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук, один из тех непоятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся, наконец, как бы замирая. Прислушаешься — и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел, — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все подошлись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

— А слышали вы, ребятки, — начал Илюша, — что намердись у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли¹ водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а

¹ Казюли (по-орловскому) — змеи. (Примечание И. С. Тургенева.)

утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могилка его ещё видна, да и та чуть видна: так — бугорочек... Вот на днях зовёт приказчик псаря Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту».

Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмелён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек — ничего. Вот идёт Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, храпит, головой трясёт; однако он её отпрукал, сел на неё с барашком и поехал опять, барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась

она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что там? что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукою на лошадь, — так, что-то собаки зачужали. Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удаleyю и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нисколько не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). — Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. Ещё бы! ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка Иван Иванович, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумлённый Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

— Разрыв-травы¹, говорит, ищут. Да так глухо говорит, глухо: — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иванович, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

— Вишь какой! — заметил Федя. — Мало, знать, пожил.

— Экое диво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу² видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Илюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... — Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть на церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видела она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя.

— Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только всё как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идёт...

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идёт и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться — ах ты, Господи! — сама идёт по дороге, сама Ульяна.

¹ *Разрыв-травы* — по народным поверьям, в народных сказках волшебная трава, с помощью которой открываются любые замки и запоры.

² *Родительская суббота* — одна из суббот в октябре, которая, по старому русскому обычаю, посвящалась поминанию умерших родственников.

- Неужто сама? — спросил Федя.
- Ей-богу, сама.
- Ну что ж, ведь она ещё не умерла?
- Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, — налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли это душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?¹

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напередки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки

¹ Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Примечание И. С. Тургенева.)

по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку¹ увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Илюша, — ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто будет такой человек удивительный, который придёт; а придёт он, когда наступят последние времена и будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне: выдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг другу побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! ой, Тришка идёт!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Доро-

¹ В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе. (Примечание И. С. Тургенева.)

феич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то, враг, душегубец, пожалееет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновенье, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли... Станный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и спустя несколько мгновений повторился уже далее...

Костя вздрогнул. «Что это?»

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя... — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь...

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл — знаешь, там, где он сугибелью¹ выходит, там ведь есть бучило²; знаешь, оно ещё всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх та-

¹ Сугибель — крутой поворот в овраге. (Примечание И. С. Тургенева.)

² Бучило — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Примечание И. С. Тургенева.)

кой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезненный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат.

— Лягушки? Ну нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) — Эх её! — невольно произнёс Костя, — словно леший кричит.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Илюша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани Бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, — пфу!..

— И зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на Божьи звёздочки, — что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорил Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, — отвечал Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи — что она к нам, отчего не ходит?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

— А мне дашь?

— И тебе дам.

Ваня вздохнул:

— Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руки пустой котельчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упади в реку! — крикнул ему вслед Илюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас...

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожи-

«Бежин луг». Вавя.
Художник А. Пахомов. 1935 г.

дал, что её скоро вытащут. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина отто-

го в реку и кинулась, что её полубовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чужая она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдёт. Бывало, пойдёт от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул, Господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто

пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васина шапoнька по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утoп; ляжет, братцы мои, да и затанет песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот её-то она и затанет, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

— А вот Павлуша идёт, — молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — неладно дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, Господи! ах ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Илюша.

— Ну, ничего, пуцай! — произнёс Павел решительно и сел опять, — своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда же они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоедился к мальчикам. Месяц вошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, предрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали, лошади, сколько я мог различить при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытье напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро začínалось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся доловины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до

лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редеющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

Судьба «Записок охотника»

Лучшей рекомендацией любого произведения Белинский считал *переиздания*. Народ и время — вот непогрешимые ценители, благодаря которым всякий рано или поздно попадает на свою полочку. При жизни автора и только на русском языке «Записки охотника» перепечатывались свыше 120 раз. Никакое другое произведение в эту эпоху не получило столь массового распространения.

В отклике на цикл рассказов и очерков французская писательница Жорж Санд писала: «Это — новый мир, в который вы позволили нам проникнуть; ни один исторический памятник не может раскрыть нам Россию лучше, чем эти образы, столь хорошо вами изученные, и этот быт, так хорошо увиденный вами».

Правда, в 1852 году государь император, ознакомившись с изданной в Москве книгой «Записки охотника», заметил, что значительная её часть имеет решительное направление «к унижению помещика». Однако популярность «Записок охотника» настолько возросла, что в 1864 году Тургенев был приглашён на официальный обед в честь третьей годовщины освобожде-

ния крестьян от крепостного права. В речи сановника Н. Милютина было сказано: «Государь лично объявил, что чтению „Записок охотника“ Тургенева он обязан в сильной степени своей решимости отменить крепостное право».

Отрывки из этого произведения помещались в хрестоматиях и учебно-педагогических пособиях ещё с конца 1840-х годов и перепечатывались в 1850-е годы.

В. Громов

Из примечаний к «Бежину лугу»

Рассказ «Бежин луг» не случайно создавался вслед за появившимся до него рассказом «Певцы». Оба эти произведения означали новый поворот и расширение темы: русский крестьянский мир показан в его одарённости и духовной красоте и в то же время обнажён трагизм положения. В письмах Тургеневу современники сообщали, что «Бежин луг» усиленно обсуждается и «произвёл в Москве огромный эффект на публику»; отмечалась «бездна удивительных подробностей», «которых нет даже у Гоголя». О. Миллер обращал внимание на детский крестьянский мир в «Бежином луге» не только со всей налёгшей на него с колыбели неприглядной тьмой суеверий, но и со всей бодростью и находчивостью существ, тоже почти с колыбели выведенных на открытое поле жизни и предоставленных почти совершенно самим себе.

Место действия «Бежина луга» Тургенев изобразил со всей топографической точностью. Бежин луг расположен в 13 километрах от Спасского-Лутовинова...

По А. Л. Гришунину

Размышляет о прочитанном

1. Вы прочитали ещё одно произведение И. Тургенева — «Бежин луг». Каково ваше впечатление? Что вам особенно понравилось в нём: мальчики, их рассказы, пейзаж?

2. Как можно назвать рассказы мальчиков — рассказями, преданиями, поверьями? Как их называл сам Тургенев?
3. Один из рецензентов «Записок охотника» упрекал автора в излишней детализации, щедрости красок и мелких оттенков, что, по его мнению, затемняет, заслоняет целое, главное. Согласны ли вы с этим суждением? Подтвердите свои мысли цитатами из текста.

Творческое задание

Жорж Санд писала, что Тургенев помог раскрыть Россию с помощью образов из «Записок охотника». Как вы думаете, что именно можно было узнать о России из этого произведения? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос.

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрации разных художников к «Бежину лугу». Так ли вы себе представляли эти места, пейзаж и героев рассказа?

Совершенствует свою речь

1. Опираясь на описание Бежина луга у И. С. Тургенева и впечатления И. Смольникова, попробуйте устно или письменно рассказать о Бежином луге. Включите в свой рассказ эпитеты, сравнения, метафоры, использованные И. С. Тургеневым.
2. Какую роль в рассказе играют описания природы, смены дня и ночи? Как вы думаете, что символизируют тьма, ночь и рассвет, утро?
3. Сопоставьте рассказы мальчиков. Какие из них особенно интересны и как они характеризуют самих героев?
4. Подготовьте характеристику каждого рассказчика с фрагментами из их рассказов.

«Бежин луг»

1. Прочитанный актёром отрывок рассказа начинается и заканчивается описанием природы. Отличается ли актёрское чтение картин ночного и утреннего пейзажей?
2. Попробуйте сами прочитать эти два описания так, чтобы передать «полуночную сухую теплынь» и «поток молодого горячего света».
3. Описание внешности мальчиков осталось за пределами прочитанного отрывка, но актёр мастерски воспроизводит особенности характеров всех пяти героев рассказа.

Попробуйте рассказать, какими вы представили себе мальчиков, прослушав чтение актёра.

4. Подготовьте выразительное чтение отрывка по ролям, сохраняя характерную для каждого из мальчиков манеру речи.

Федор Иванович
Тютчев
1803—1873

Фёдор Иванович Тютчев родился в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии, в старинной и культурной дворянской семье с устойчивыми патриархальными традициями. Отец Иван Николаевич Тютчев отличался хлебосольством, радушием и гостеприимством. Мать Екатерина Львовна происходила из семейства Толстых и была женщиной умной и впечатлительной. Детство будущего поэта прошло в Овстуге, Москве и подмосковном имении Троицком под присмотром «дядьки» Н. А. Хлопова.

Мальчик получил хорошее домашнее воспитание и образование. На его необыкновенные способности и дарования обратили внимание родители и его воспитатель — известный в ту пору поэт С. Е. Раич. Деятельность Раича была многообразной и насыщенной: он превосходно знал древние классические языки, переводил античных авторов, пылал любовью к итальянской литературе и привил эту любовь своему воспитаннику. Словом, Раич оказал на Тютчева благотворное и сильное влияние: поощрял литературные занятия Тютчева, читал первые пробы пера вступавшего в литературу поэта. Тютчев с детства усвоил основные европейские языки и под руководством Раича в 12 лет переводил Горация.

Дальнейшее образование и воспитание Тютчев продолжил в Московском университете, где слушал лекции по истории и теории литературы, археологии и истории изящных искусств. В Университете он посещал поэтический кружок Раича и не прекращал писать стихи. Его волнуют произведения русских ав-

торов, и он откликается на них (например, на пушкинскую оду «Вольность»). В Университете Тютчев много читает, пополняя своё образование.

Окончив в 1821 году Университет со степенью кандидата, Тютчев уехал в Петербург, потом за границу, где провёл 22 года на дипломатической службе.

Как оригинальный поэт Тютчев сформировался к концу 1820-х годов. В основе тютчевской лирики лежит созерцание природы и проникновение в её мир, в её тайную, сокровенную жизнь. Природа у Тютчева полна противоречий, насыщена звуками и красками, она полна внутреннего движения.

Читая стихотворения Тютчева, можно легко убедиться, что природа у Тютчева — живой, чувствующий организм. Она может «принахмуриться», её «раскаты громовые» могут стать смелыми и сердитыми, а солнце — взглянуть на землю «исподлобья». Читатель словно видит, как живёт природа, как она дышит, что совершается в ней. Так Тютчев приоткрывает для нас тайны природы, помогая постигать их.

«Неохотно и несмело...» Тютчев часто изображал природу в её промежуточных состояниях — в переходе от весны к лету, от лета к осени, от осени к зиме, от зимы к весне или от ночи к утру, от дня к вечеру и от вечера к ночи. В такие минуты ему острее и яснее открывались тайны природы. В стихотворении «Неохотно и несмело...» робкое солнце освещает и греет поля. Но вот приходит весенняя гроза, и наступление весны, её победа над зимой становятся острее и очевиднее. Очистительная гроза сметает оставшуюся после зимы пыль с полей, промывает всё вокруг, и природа предстаёт обновлённой, прекрасной и сама в смущении удивляется этому чудному преобразению. Теперь уже никак нельзя сомневаться, что весна пришла и начала своё победное шествие по воскресшей от зимней спячки земле.

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Размышляем о прочитанном

1. Какие картины природы видятся вам при чтении стихотворения? Какое настроение передаёт вам поэт?
2. Найдите эпитеты, сравнения, которые помогают нарисовать автору картину наступающей грозы и всепобеждающего солнца.
3. Какой приём используется поэтом в поэтических выражениях: «солнце смотрит на поля», «принахмурилась земля», «Солнце раз ещё взглянуло исподлобья на поля, и в сиянье потонула вся смятенная земля»? Что с помощью этого приёма достигается?
4. Использован ли в стихотворении приём звукописи? Если использован, то с какой целью?

«Неохотно и несмело...»

1. Как актёр передаёт нарастание стремительности грозы? Какие выразительные средства художественного чтения помогают в этом?
2. В первой и последней строфах описывается освещённая солнцем земля. В чём различие этих картин? Как это различие передаёт актёр?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передав смену переживаний лирического героя.

«С поляны коршун поднялся...» Та же мысль о всеобщем законе природы, о единстве и гармонии в ней, только выраженная более остро и прямо отнесённая к человеку, свойственна и этому стихотворению, одному из самых глубоких в лирике поэта.

Коршун легко и свободно стремится свой полёт к небу. Он поднялся так высоко, что его уже не видно — «ушёл за небосклон». А человек, который тоже бы хотел взлететь и устремиться ввысь, не может, хотя он и «царь земли», этого сделать, потому что природа не дала ему крыльев.

Мысль Тютчева связана не только с физическими, природными возможностями коршуна и человека. Тютчев с горечью пишет о том, что человек не может слиться с природой. Кроме того, небо в поэзии означает высокий идеал, которого человек хочет достигнуть. Коршун без усилий поднимается высоко, а человек, даже наделённый крылатой мыслью, остаётся приросшим к земле, и идеал оказывается для него недостижимым. В других стихотворениях поэт напишет и о торжестве мысли, способной унести человека за край земной, в область желанного идеала.

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьётся он
И вот ушёл за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

Размышляет о прочитанном

1. Как вы считаете, прочитанное вами стихотворение — пейзажная зарисовка или переданное в образной форме размышление о жизни человека? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.
2. Как вы думаете, почему в последней строке стихотворения Тютчев употребляет торжественную, устаревшую форму «к земли» вместо современной, употребляемой в разговорной речи формы «к земле»?

Фонохрестоматия ((СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

«С поляны коршун поднялся...»

1. Как актёр подчёркивает противопоставление земли и неба, гордый полёт птицы и прозябание человека «в поте и в пыли»?
2. Подготовьте выразительное чтение, подчеркнув мысль поэта о противоположности небесного и земного.

Углубля читать выразительно

С каким настроением (торжественным, грустным, радостным) вы будете читать стихотворение вслух? Если настроение будет меняться по мере чтения, то как?

«Листья». В стихотворении Тютчев написал о том, как листья, некогда зелёные и свежие, тоскуют зимой на голых ветках. Они стремятся туда, в южные страны, куда дуют ветры, куда улетели их друзья-птицы. Летом листья были вместе со всей природой, с деревьями, с солнцем. Они цвели и блесте-

ли во всей своей живой красе. Но зима разъединила листья с солнцем, с ветрами, с птицами, и им хочется снова быть с ними в дружбе и согласии. Тютчев сказал в этом стихотворении о всеобщем законе природы, по которому всё в ней жаждет единства, гармонии.

Это стихотворение, в отличие от многих стихотворений, не гимн могучей природе, а скорее жалоба на то, что лето проходит так быстро и так же быстротечна жизнь листьев.

Листья просят ветер унести, взять их с собой, чтобы жить полной, радостной жизнью. Разумеется, за всем этим скрываются и более глубокие мысли поэта о жизни человеческой, её быстротечности, её красоте и печали.

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Луга побледнели,
Зефиры ушли.

Совершенствует свою речь

1. В каких стихотворениях Тютчева встречались такие слова и выражения: «тощая зелень», «лёгкое племя», «буйные ветры», «пламень белый и летучий», «раскаты громовые», «смятенная земля», «принахмурилась земля», «два живых крыла», «природа-мать»? Как вы их понимаете?
2. Подготовьте устные сообщения о жизни и творчестве Тютчева, в своём рассказе не забудьте процитировать строки из стихотворений поэта.

Афанасий Афанасьевич

Фет

1820—1892

В течение всей своей жизни А. А. Фет стремился достичь практической жизненной цели — материальной независимости.

Будучи ещё ребёнком, он узнал, что не может носить имя отца Афанасия Шеншина, потому что тот вступил в брак с матерью поэта, Шарлоттой Фет, после рождения сына. Впоследствии все свои беды поэт называл именем Фет. («Если спросить, — писал он, — как называются все страдания, все горести моей жизни, то я отвечу: имя им — Фет».)

Жизнь наносила поэту удар за ударом, и, кроме горьких воспоминаний, она ничего не оставила в его сердце. Фет признавался, что из детства он вынес только «интриги челяди, ту-пость учителей, суровость отца, беззащитность матери и тренировки в страхе изо дня в день».

После окончания немецкой школы-пансиона в городе Верро (ныне Выру, Эстония) Фет в 1838 году поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета. Здесь он входит в круг талантливой молодёжи. Среди его друзей — даровитый поэт Аполлон Григорьев, замечательный лирик Яков Полонский, историк Сергей Соловьёв и др. Фет с упоением отдаётся поэтическому творчеству. Его стихи благосклонно встречены Н. В. Гоголем.

В 1840 году Фет выпускает первый поэтический сборник «Лирический пантеон», вскоре становится активным автором журналов «Отечественные записки», «Москвитянин». В 1845 году он завершил своё образование, стал служить в армии, в 1853 году перешёл в гвардию и мог теперь бывать в

Петербурге. Здесь он встречается с Тургеневым, Некрасовым, Григоровичем, Л. Толстым. Друзья помогают ему издать сборник стихотворений.

С этого времени Фет — известный поэт, его имя постоянно упоминается в критических статьях, о нём пишут крупнейшие писатели и критики той славной эпохи.

Одарённость Фета исключительна. Природа наградила его чувствительностью к красоте. Поэт славился тонким остроумием. Он безошибочно улавливал прелесть народной поэзии. Сохранились его ценнейшие заметки о мировой поэзии.

В лирике Фета человек устремлён к изначальной гармонии и красоте. Он не перестаёт славить красоту как некий вечный закон. Идеальную духовность Фет видит не в запредельных областях, а в живом, реальном мире. Проникая в сердце природы и человека, Фет познаёт бытие через тонкие намёки, едва видимые приметы в природе или человеческой душе. Вот «облаком волнистым встала пыль», вот «ель рукавом мне тропинку завесила», вот «заря сквозит оттенком алым», вот «лист полупрозрачный застенчиво манит и тешит взор»...

Фет ценит звук и краску, пластику и аромат. Стремление выразить невыразимое через мгновенную лирическую вспышку, навеять читателю охватившее поэта настроение — одно из коренных свойств поэзии Фета.

Проверьте себя

1. Вы прочитали небольшой очерк о поэзии Фета. Что в нём для вас оказалось новым, неожиданным?
2. Какие стихотворения поэта вам известны? Прочитайте их вслух, когда будете пересказывать статью о Фете.
3. Какие «намёки», краски, звуки наполняют мир стихотворений поэта?

«Ель рукавом мне тропинку завесила...» В лесу одинокого поэта одолевают разные и противоречивые чувства и настроения. Вследствие этого он не может понять, что же происходит с ним. Казалось бы, поэт наедине с природой, которую он лю-

бит. Природа манит его и пугает. Так создаётся ощущение колдовства, зачарованности: ель закрывает от поэта тропинку, «гудёт» ветер, кружатся отпавшие с ветвей «мёртвые» листья, всё шумит и колышется, сбивая с верного пути. Но неожиданно до слуха доносится звук «тонко взывающего рога». Значит, жильё недалеко. И вот «странник бедный» оживает душой и укрепляется духом: он выходит к людям, которые послали ему свой привет.

За природными образами фетовского стихотворения встаёт и другой смысл: из дикой природы, из кружения по тёмному лесу, до пугаемого ветром и «мёртвыми» листьями «странника бедного» доносится «зов» культуры, нежность человеческого общения, поднимающая дух в борьбе с препятствиями и взывающая к жизни и любви.

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.

Ветер. В лесу одному

Шумно, и жутко, и грустно, и весело,

Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом всё гудёт и колышется,

Листья кружатся у ног.

Чу, там вдали неожиданно слышится

Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!

Мёртвые что мне листы!

Кажется, издали странника бедного

Нежно приветствуешь ты.

Размышляет о прочитанном

1. Как вы понимаете строки стихотворения: «ель рукавом мне тропинку завесила», «кругом всё гудёт и колышется», «тонко взывающий рог», «сладостен зов мне глашатая медного»?

2. Какие художественные приёмы помогают поэту передать эмоциональное состояние одинокого путника в лесу? Какую мелодию создаёт чередование длинных и коротких строк (стихов) в стихотворении?

Творческое задание

О чём это стихотворение? Об одиноком путнике в лесу, где «всё гудёт и колышется»? О его тревоге, потому что он один в лесу? О непонятном ему самому настроении («Шумно, и жутко, и грустно, и весело...»)? Или о той радости, которая рождается звуком рожка («тонко взывающий рог»)? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос.

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Ель рукавом мне тропинку завесила...»

1. Какое впечатление произвело на вас стихотворение в исполнении актрисы?
2. Какие чувства, ощущения преобладают в первой части стихотворения (до звучания музыки)?
3. Испытывали ли вы когда-нибудь такое состояние, чтобы было «шумно, и жутко, и грустно, и весело» сразу, одновременно? Если да, то когда это было? Почему?
4. Как вы думаете, почему такое смятение чувств переживает лирический герой стихотворения?
5. Какие чувства звучат в строке «Сладостен звон мне глашатая медного!»? Почему звук рога кажется лирическому герою сладостным среди шума пугающей природной стихии?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Постарайтесь в своём чтении не только раскрыть сложную гамму переживаний лирического героя, но и передать мелодию, создаваемую чередованием длинных и коротких строк стихотворения.

«Ещё майская ночь». В стихотворении Фет называет свою песнь, пропетую в честь весны, «невольной». Здесь опять выражена любимая им мысль о безыскусственности поэзии, о том,

что чем выше искусство, тем меньше оно ощутимо для читателя. Но стихотворение особенно замечательно тем, что переполненный восторгом от красоты поэт стремится остановить мгновение и запечатлеть его в слове, в песне, дать ему новую и вечную жизнь, чтобы все могли пережить то, что пережил он. В эти трогательные, святые минуты человек готов любить всю Вселенную и каждое существо. Любовь как бы растворена в воздухе и ощутима, внятна чуткому сердцу.

Здесь чувство Фета выходит наружу, и он не может скрыть своего наслаждения красотой ночи («Благодарю, родной полночный край!»). Вырвавшаяся «из царства льдов, из царства вьюг и снега» на могучий весенний простор природа охватывает душу неожиданными, казалось бы, чувствами:

Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за трелью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Лев Толстой, прочитав эти строки и испытав огромное душевное волнение, воскликнул: «И откуда у этого добродушного и толстого офицера берётся такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» И снова наслаждение красотой природы предвещает не только будущие жизненные радости, но и вспышку творческих сил. «Невольная песня» — это поэтический порыв, вспышка поэтического вдохновения. Фет хочет сказать не только то, что песня «рождена», а не написана, но что она не зависит от воли певца, потому что душевные силы поэта при виде красоты расцвели, и красота повелевает ему петь.

ЕЩЁ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и теплит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд её убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

Размышляем о прочитанном

1. Если в предыдущем стихотворении поэт говорит о радостях пробуждающейся от зимы природы, не называя времени года, которое имеется в виду, то в стихотворении «Ещё майская ночь» бурный восторг перед прилетевшим «из царства вьюг и снега» маем. Что же приводит поэта в восторг?
2. Какую художественную роль играет повторение восклицания «Какая ночь!»? Чего больше в этом стихотворении — грусти или восторга? В каких строках говорится о том, что и то и другое настроение есть у поэта, созерцавшего ночь, и эти настроения он хочет передать читателю?

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Ещё майская ночь»

1. Какими средствами выразительного чтения актёр усиливает состояние «неги», «тревоги», «любви»?
2. Почему последняя строка стихотворения как будто замирает в устах актёра?

3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, сохранив атмосферу неги и восторга, сохранив плавность стиха.

«Учись у них — у дуба, у берёзы...» Это стихотворение — одно из самых глубоких и значительных у Фета. Начинается оно, если посмотреть на него с обычной, житейской точки зрения, странно: почему человек должен «учиться» у природы, «у дуба, у берёзы», которые не обладают разумом и чувствами? В чём смысл такого учения и такого поэтического призыва? Однако Фет приводит в пример природу неспроста. Он знает, как тяжела и жестока земная жизнь человека. В параллель он и приводит жизнь природы, в которой случаются холода и метели, наносящие глубокие раны её сыновьям-деревьям. Но деревья мужественно переносят суровые невзгоды и несчастья: «Они стоят, молчат...» Такова же доля человека: «...молчи и ты!» Фет хочет сказать, что весна не бывает вечной, что она — счастливое мгновение:

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.

Вечны на этой земле для человека не красота, не радость, не счастье, а боль и страдания, скорбь и потери. Но только переболевшей скорбями душе открываются ясные дни и «новые откровения». Вот почему Фет призывает человека «учиться» «у дуба, у берёзы», молча и отважно бросающих вызов грозным напастям: пережившие мучения и скорбь достойны встретить тепло и радость жизни. Они способны понять мгновения красоты как самые ценные дары жизни.

* * *

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждой минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Размышляет о прочитанном

1. Почему поэт призывает читателя учиться «у дуба, у берёзы»?
2. Почему зима представляется поэту жестокой? Какая картина зимы нарисована поэтом? Какие эпитеты, олицетворения помогают представить жестокость зимы, мужество деревьев (дуба, берёзы) и кратковременные радости ясных весенних дней?
3. Подумайте, только ли о зиме и весне, о дубе и берёзе идёт речь в стихотворении. К чему призывает Фет в своём стихотворении?
4. Как вы понимаете строки: «Учись у них — у дуба, у берёзы», «Напрасны на них застыли слёзы, И треснула, сжимаясь, кора», «Но верь весне. Её промчится гений...»?

Фонохрестоматия (« СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ »)

«Учись у них — у дуба, у берёзы...»

1. «Жестокая пора», «застыли слёзы», «всё злей метель», «холод лютый» — эти выражения определяют эмоциональное содержание первых двух строф. При помощи каких средств выразительности актриса передаёт это содержание?

2. Какие мысли, чувства поэт утверждает в последней строфе? Какова эмоциональная окраска последних строк?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передавая динамику, движение, развитие эмоционального содержания стихотворения.

Проект

Подготовьте и проведите в классе конкурс на лучшее чтение стихотворений Ф. И. Тютчева и А. А. Фета (составьте программу, определите чтецов, критиков, жюри, выберите призы, продумайте художественное оформление и т. д.).

*Николай Алексеевич
Некрасов
1821—1877*

Воля и труд человека
Дивные дивы творят...
Н. А. Некрасов

В одиннадцать лет Некрасов поступил в Ярославскую гимназию. Это учебное заведение не было похоже на пушкинский Лицей, здесь не создавались рукописные журналы, а учителя словесности мало интересовались литературой. Но Некрасов в это время очень много читал — Пушкина и Байрона, журналы, в которых печатались новые произведения. Пробовал он и сам писать стихи: шуточные, о друзьях и учителях — для всех, серьёзные — для себя. После пятого класса отец взял Некрасова из гимназии и отправил в Петербург, чтобы он поступил там в Дворянский полк — военную школу.

Однако юноша решил поступать в Университет, потому что хотел получить хорошее образование. Он написал об этом отцу, а разгневанный отец отказался помогать ему. И шестнадцатилетний Некрасов оказался в тяжёлой нужде, жил случайными заработками: писал крестьянам письма и прошения за несколько копеек, переписывал роли для актёров. «Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день», — вспоминал он. Юноша вынужден был продать всё, что у него было, и в пустой полуподвальной комнате, откуда хозяйка вынесла всю мебель за неуплату, лёжа на голом полу, сочинял стихи.

Карабиха. Художник В. А. Пташинский

В Университет Некрасов поступить не смог, но был допущен к посещению лекций вольнослушателем, то есть без «казённого содержания».

Конечно, заботы о заработке позволяли учиться только урывками, и Некрасов жалел об этом всю жизнь. Но он упорно трудился: много читая, писал стихи и пьесы, рассказы и повести, критические статьи и рецензии. Наконец поэт выбрался из нужды: его водевили шли на сценах театров, в журналах появились его стихи и повести. Он познакомился с литераторами, особое значение имела для него встреча с Белинским. До поздней ночи говорили они о литературе и о жизни. А когда Некрасов прочитал Белинскому своё стихотворение «В дороге» о судьбе крестьянской женщины, великий критик обнял его и

сказал взволнованно: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!»

Поэт смотрит на людей с любовью, и потому в самых обыкновенных на первый взгляд людях он видит красоту души. Вспомните замечательных ребят в стихотворении «Крестьянские дети» — с каким живым интересом относятся они ко всему: и к труду, и к забавам. Вспомните стихотворение «На Волге» о трудной доле бурлаков, поэму «Мороз, Красный нос», прославляющую крестьянский труд, красоту женщины-труженицы, стихотворение «Школьник», герой которого, возможно, будущий Ломоносов. Вот старый Мазай, спасающий зайцев в половодье («Дед Мазай и зайцы»), крестьяне, которые берегут соловьёв в своей роще и любят слушать их пение («Соловьи»). Герои Некрасова — труженики, любящие жизнь, людей, родную природу.

Своими стихами Некрасов открыл прекрасное и поэтическое там, где раньше этого не замечали. При этом он обращается к обыкновенному, простому человеку. Поэт говорит людям: смотрите, какие несметные богатства в вашей душе, вы достойны лучшей жизни, ваша судьба в ваших руках. Особую надежду возлагал Некрасов на детей, которые будут читать умные книги и узнают истину. И народ услышал слово поэта, недаром многие стихи его стали народными песнями: «Тройка» («Что ты жадно глядишь на дорогу...»), «Коробейники» («Ой, полна, полна коробушка...»), «Похороны» («Меж высоких хлебов затерялося...»).

В 1862 году Некрасов написал стихотворение «Железная дорога». Мы читаем в стихотворении о тяжелейшем каторжном труде рабочих. Мы глубоко сочувствуем этим людям. Но мы понимаем и то, что их труд — великий подвиг, и у нас возникает чувство гордости за простых тружеников.

Проверьте себя

Какие события и жизненные впечатления детства и юности повлияли на творчество поэта? Используя материалы сайта <http://www.museum.ru/M587>, подготовьте сообщение о музее поэта в Карабихе.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня (в кучерском армячке).
Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной
подкладке)¹.

Граф Пётр Андреич Клейнмихель²,
душенька!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядрёный³
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! и кочи⁴,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии⁵
Умного Ваню держать?

¹ Пальто на красной подкладке (шинель) носили генералы.

² Граф П. А. Клейнмихель — царский министр, начальник строительства железной дороги между Петербургом и Москвой.

³ Ядрёный — здесь: свежий, здоровый.

⁴ Кочи — кочки.

⁵ Обаяние — здесь: незнание правды.

Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели стоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотёсцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стёкла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной.
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мёрзали и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники¹,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?...♦

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, измождён лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун² в волосах;

Ямою грудь, что на заступ³ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь ещё: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мёрзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...

¹ Десятник — старший над группой рабочих.

² Колтун — волосы, сбившиеся в плотный ком.

³ Заступ — лопата.

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал. — Тысяч пять мужиков,

Русских племён и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители!..“
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана¹,
По Колизею² две ночи бродил,
Видел я в Вене Святого Стефана³,
Что же... всё это народ сотворил?

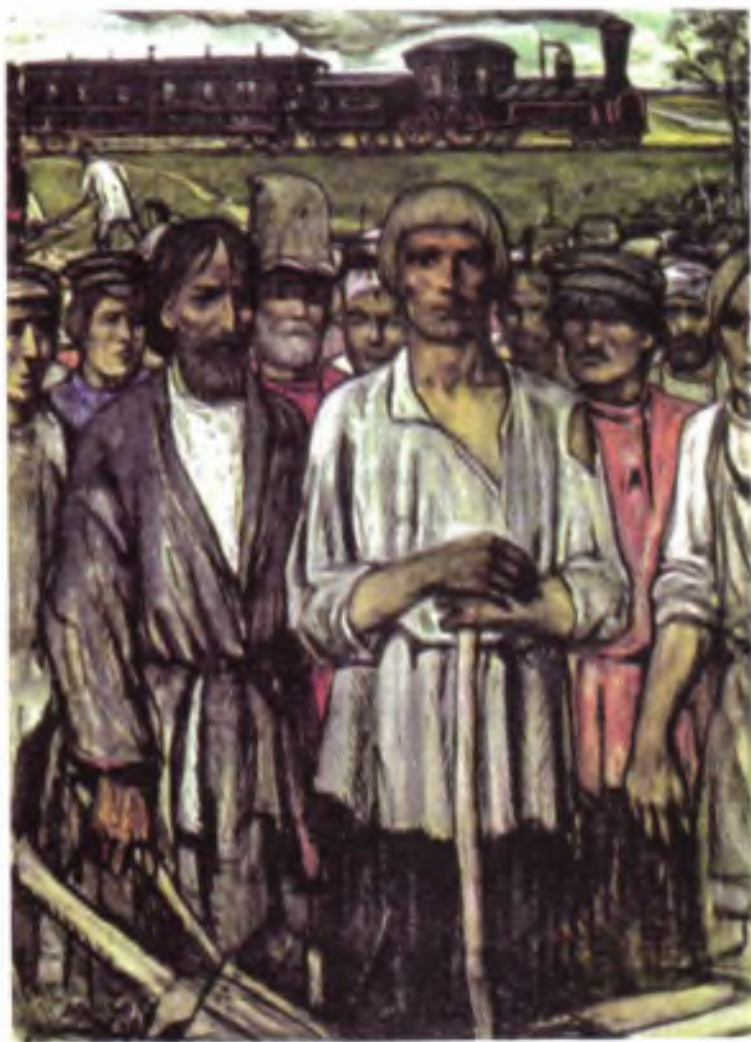
Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский⁴
Хуже печного горшка?

¹ *Ватикан* — здесь: дворец Папы Римского, в котором сосредоточено много памятников искусства.

² *Колизей* — цирк в Риме, построенный в античные времена.

³ *Святой Стефан* — собор в столице Австрии Вене.

⁴ *Аполлон Бельведёрский* — скульптура, изображающая античного бога Аполлона (находится в Бельведерском дворце Ватикана).

«Железная дорога». Художник И. Глазунов. 1970 г.

Вот ваш народ — эти термы¹ и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

¹ Термы — бани в Древнем Риме, являвшиеся также спортивными, общественно-культурными заведениями.

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище¹ пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребёнку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладёт.
Мёртвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ
Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику² должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник³,
Толстый, присадистый⁴, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица

¹ Скопище — толпа, сборище.

² Подрядчик — лицо, нанявшее (подрядившее) рабочих.

³ Лабаз — помещение для хранения муки или зерна; лабазник — торговец, владелец лабаза.

⁴ Присадистый — приземистый, плотный.

«Ремонтные работы на железной дороге».
Художник К. Савицкий. 1874 г.

И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку*¹ дарю!..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

¹ *Недоимка* — здесь: то, что рабочие, по подсчётам, были должны ему.

Размышляем о прочитанном

1. Какое значение имеет в стихотворении эпиграф «Разговор в вагоне»?
2. Перечитайте первую часть стихотворения. Что вы можете сказать о человеке, который так увидел картину природы? Как картина природы связана с последующим разговором автора с соседями по вагону?
3. Почему Некрасов называет голод «парём»? В чём проявляется власть этого царя?
4. Как вы понимаете строки:

Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе?..

Какая мысль выражена антитезой?

5. Перечитайте фантастическую картину, где изображается толпа мертвецов. Что означают их слова: «Божии ратники, мирные дети труда»? Что мы узнаём из их песни, какое чувство она вызывает?
6. Перечитайте три последних четверостишия второй части. Что позволяет поэту верить в лучшее будущее? С каким чувством говорит поэт о будущем?
7. Что думает о народе генерал, какими словами он говорит о народе? Каково авторское отношение к изображаемому? Какие слова и выражения позволяют нам его понять?
8. Почему стихотворение обращено к детям?

Творческое задание

В стихотворении нарисована картина далёкого прошлого. Что оно открывает вам, живущим сегодня? Чему учит? Подготовьте устный развёрнутый ответ на этот вопрос.

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите репродукцию картины художника К. А. Савицкого «Ремонтные работы на железной до-

роге». Чем идея этой картины близка стихотворению Некрасова и чем отличается от мысли поэта?

Фонохрестоматия ((: СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

«Железная дорога»

1. Как вы думаете, почему поэт начинает рассказ о строительстве железной дороги описанием прекрасной осенней природы? Почему поэт, а вслед за ним и актёр акцентируют слова: *славная осень; покой и простор; морозные ночи; ясные, тихие дни; нет безобразья в природе; всё хорошо под сиянием лунным*?
2. Какой приём использовал поэт, сначала дав описание славной осени, а затем показав страшную картину строительства железной дороги? Как актёр средствами художественного чтения воспроизводит этот приём?
3. На чьей стороне актёр в споре поэта и генерала? Как позиция актёра выражена в его чтении?
4. Какой приём используют поэт и актёр, изображая «светлую сторону» истории о строительстве железной дороги? С каким чувством актёр читает слова «Кажется, трудно отрадней картину / Нарисовать, генерал...»?
5. «Железная дорога» — стихотворение о далёком прошлом. Как вы считаете, есть ли в нём мысли, современные и для наших дней? Найдите эти строки, подготовьте развёрнутый устный ответ с обоснованием современного звучания произведения Н. А. Некрасова.
6. Подготовьте выразительное чтение одной из глав стихотворения.

Итак, трёхсложных размеров стиха три: дактиль (— — —), амфибрахий (— — —) и анапест (— — —).

Проверьте себя

1. Запомните названия стихотворных размеров и их схемы. Рассмотрите таблицу. Назовите авторов приведённых строк.

		Размеры стиха
		Двусложные
Хорей	— —	Буря мглою небо кроет...
Ямб	— —	Мой первый друг, мой друг бесценный!
		Трёхсложные
Дактиль	— — —	Тучки небесные, вечные странники!
Амфибрахий	— — —	В песчаных степях аравийской земли Три гордые пальмы высоко росли.
Анапест	— — —	Не грусти, дорогая соседка...

2. Определите размер стиха в следующих строках из стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова:

Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?..

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!..

Сижу за решёткой в темнице сырой...

Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила...

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...

Николай Семёнович
Лесков

1831—1895

Жизненная и литературная судьба Лескова сложилась трудно. Родился писатель в семье мелкого чиновника, вышедшего из поповичей. Отец отказался стать священнослужителем, за что был изгнан из отчего дома, долгое время служил в разных городах, затем вернулся на родину, в Орловскую губернию, женился на девушке-дворянке, которая тоже оказалась с характером: вышла замуж против воли родителей.

В непокорных и одарённых родителей пошёл и их сын, Николай Лесков. Он, крутой нравом и простосердечный душой, унаследовал от матери страстность, от отца — жизнелюбие.

Образование Лесков получил сначала в богатой семье Страховых, затем в Орловской гимназии, которую не окончил. Далее ему пришлось самостоятельно пополнять свои знания. Уйдя из гимназии, Лесков поступил на службу в Орловскую уголовную палату, затем перевёлся в Киевскую казённую палату, потом и вовсе оставил государственную службу, перейдя в частную компанию. По служебным делам он изъездил всю Россию. Эти впечатления дали ему богатый материал для статей и очерков, которые появляются в печати с начала 1860-х годов. Лескова заметили читатели и журналисты, он становится сотрудником ряда газет и журналов.

С первых литературных произведений Лесков проявил себя страстным полемистом. Его горячность и политическая неопытность стоили ему дорого: против Лескова ополчились видные писатели и критики. Он надолго был отлучён от известных журналов и газет, печатался большей частью во второстепенных.

Однако именно в эти тяжёлые для Лескова 1860-е годы складывается его своеобразная манера письма, его особый стиль, который расцветёт в 1870—1880-е годы.

В отличие от многих писателей, изображавших жизнь народа и учивших его, как надо жить, Лесков навсегда остался в убеждении, что народ надо просто знать, а для этого жить его жизнью и проникнуться ею. При этом Лесков считал, что беды народа происходят из-за экономической и культурной отсталости России. Он возлагал большие надежды на отмену крепостного права, но, когда его ожидания не сбылись, пережил глубокое разочарование.

Герои Лескова — люди Русской земли, чудаки, блаженные, необычайно одарённые, щедрые люди, цельные по натуре, часто беззаботные и всегда готовые прийти на помощь другим, проявить чувство сострадания к обиженным. Лесков не выдумывал их, а находил в самой жизни. Талантливость русского человека, кротость его духа и чистота его сердца давали Лескову надежду, что народ найдёт вместе со страной праведный путь.

Погружаясь в народную жизнь, писатель хотел изобразить её так, как она сама себя понимает, и на её языке. Поэтому его герои и рассказчик его произведений выражают свои мысли с теми неправильностями, речевыми искажениями, сугубо народными оборотами речи, которые свойственны простому народу. Лесков подслушивал речь разных слоёв населения России, обращался к фольклору. Из этих и других пластов языка составил знаменитый лесковский сказ. Многие считали лесковский язык вычурным, неестественным, причудливым, но было бы неправильно думать, будто Лесков не мог писать на чистейшем русском литературном языке. Сказ нужен писателю для наиболее полного проникновения в существо народной жизни и в характер русского человека. И вот прошло время, и язык Лескова стал восприниматься словесным кружевом, настолько он тонок, искусен и выразителен.

Все эти качества в высшей степени свойственны «Сказу о тульском косом левше и о стальной блохе». Умелец-левша, может быть, наиболее фантастический из героев писателя. Он необыкновенно талантлив, одарён необычными способностями

ми — шутка ли, выполнить такую тонкую работу, как подковать блоху! И вместе с тем он не знает основ наук, действует по интуиции. Подковать-то блоху подковали, но она перестала прыгать, двигаться, танцевать. Лесков скорбит о том, что народ хотя и бесконечно талантлив, но необразован, непросвещён. Писатель хочет, чтобы одарённость народа соединилась с широкими, глубокими и самыми современными научными знаниями. И ещё он думает о том, что народ всюду унижен, что его не слушают, не вникают в его мысли и чувства. Левша, умирая, думает не о себе, а о том, как бы не подвести русскую армию. Для этого он хочет — так он понимает свой долг — сказать государю важное слово, но так и не был услышан.

Свет ума и таланта Лескова пролился на русское словесное искусство XX века и обогатил русскую прозу.

Проверьте себя

1. Как начинался творческий путь Н. С. Лескова?
2. Чем интересен герой произведений писателя? Используя материалы раздела «Литературные места России», подготовьте устное сообщение о музее Н. С. Лескова в г. Орле.

ЛЕВША

Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет¹, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междуособные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хо-

¹ Александр I участвовал в Венском конгрессе (1814—1815) от России, победившей в войне с Наполеоном. Конгресс определил границы государств, подвергшихся наполеоновскому нашествию.

тели, но при нём был донской казак Платов¹, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, всё государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома своё не хуже есть, — и чем-нибудь отведёт.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать своё над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, — Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор я ещё терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобой едем их оружейную кунсткамеру² смотреть. Там, — говорит, — такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый³ нос в лохматую бурку спустил, а пришёл в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляж-

¹ Платов Матвей Иванович (1751—1818) — граф, генерал, атаман донских казаков, герой войны с Наполеоном. Ездил вместе с царём в Лондон после войны.

² *Кунсткамера* — музей, собрание редких вещей.

³ *Грабоватый* — горбатый.

ку кавказской водки-кислярки¹, дерябнул хороший стакан, на дорожный складень² Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всём доме англичанам никому спать нельзя было. Думал: утро ночи мудренее.

Глава вторая

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неопи-санный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посередине под валдахином стоит Аболон полведерский³.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлён и на что смотрит; а тот идёт глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьёт.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи⁴ мантоны⁵ пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на всё это радуется, всё кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него всё ничего не значит.

Государь говорит:

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничего не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадцать язык⁶ прогнали.

¹ *Кислярка (искаж.)* — виноградная водка из города Кизляра.

² *Складень* — складная икона.

³ *Аболон полведёрский (искаж.)* — Аполлон Бельведерский.

⁴ *Мерблюзьи (искаж.)* — верблюжья.

⁵ *Мантоны (манто)* — здесь: пальто.

⁶ *Дванадцать язык* — двенадцать языков, то есть патешствие наполеоновской армии, состоявшей не только из французов.

Государь говорит:
— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружьё¹, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производительность, — и подают ружьё.

Государь на Мортимерово ружьё посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — её наш адмирал у разбойничьего атамана в Кандеабрии² из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.

Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову порусски оборачивается и говорит:

— Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвёртку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два — замок и вынулся. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвия во граде Туле».

¹ *Мортимерово ружьё* — ружьё, сделанное английским оружейником Г.-В. Мортимером (жил в конце XVIII века).

² *Кандеабрия* — Калабрия (полуостров в Италии), по созвучию с канделябром — большим подсвечником.

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:
— Ох-де, мы маху дали.

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов ещё больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел! <...>

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я ещё желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане всё государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво?¹

А англичане и не знают, что это такое молво. Перешёптываются, перемигиваются, твердят друг дружке:

¹ Сахар молво — сахар, изготовленный на заводе Я. Н. Молво в Петербурге.

«Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет.

Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода¹.

А государь его за рукав дёрнул и тихо сказал:

— Пожалуйста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории², начиная с самой огромнейшей египетской керамиды³ до закожной блохи, которую глазом видеть невозможно, а угрызение её между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе: «Вот, слава Богу, всё благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает, а англиские мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше покорное поднесение.

— Что же это?

— А вот, — говорят, — извольте видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка. Работники говорят:

¹ Бобринского завода — сахарного завода графа А. А. Бобринского на Украине.

² Нимфозория — от слов нимфа и инфузория, здесь означает: нечто диковинное, микроскопическое.

³ Керамиды (искаж.) — пирамиды.

— Извольте пальчик послужить и её на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это, — отвечают, — не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет, — отвечают, — не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет дансе¹ танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик?

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

— Отчего же, — государь говорит, — я его не вижу?

— Потому, — отвечают, — что это надо в мелкоскоп².

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте, — говорят, — взять её на ладошечку — у неё в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдёт дансе...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции³ в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кадрили станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами, — хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на неё не принесли, без футляра же

¹ Дансе — здесь: танец.

² Мелкоскоп (искаж.) — микроскоп.

³ Верояции (искаж.) — вариации.

ни её, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят.

А футляр на неё у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казённый, а у них насчёт казённого строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что говорит:

— Для чего такое мошенничество? Дар сделали и миллион за то получили, и всё ещё недостаточно! Футляр, — говорит, — всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твоё дело — не порть мне политики. У них свой обычай. — И спрашивает: — Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится?

Англичане положили за это ещё пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутром¹ и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всём свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, — говорит, — принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную ис-

¹ *Перламут* (искаж.) — перламутр.

поведь иметь в Таганроге у попа Федота¹. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут — всё могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нём совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, солёным бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку², в которую сразу целый фунт Жукова табаку³ входило, а потом сядет и сидит рядом с царём в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты, — говорит, — к духовной беседе невоздержан и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

Платов остался с обидою и лёг дома на досадную укушечку, да так всё и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

¹ «Поп Федот» не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея Федотова-Чеховского, который после того именовался «духовником его величества» и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот атот-то Федотов-Чеховской, очевидно, и есть легендарный «поп Федот». (Примечание Н. С. Лескова.)

² *Корешковая трубка* — сделанная из корешка дерева.

³ *Жуков табак* — трубочный табак фабрики В. Жукова (20—30-е годы XIX века).

Глава четвёртая

Удивительная блоха из аглицкой воронёной стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав её попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна¹ посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Моё, — говорит, — теперь дело вдове, и мне никакие забавы не обольстительны, — а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение², но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из неё табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нём нашёл стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился.

— Что это ещё за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении?

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки³ химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую хлад, как от крепкого металла». А потом зубом её слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

¹ Императрица Елисавета (Елизавета) Алексеевна (1779—1826) — жена Александра I.

² Было смятение — восстание декабристов.

³ Из противной аптеки — то есть аптеки, расположенной на противоположной стороне улицы.

«Левша». Художник Н. Кузьмин

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, — но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, — никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был ещё жив и даже всё ещё на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах.

Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, — говорит, — пришёл доложить насчёт этой нимфозории, которую отыскиали: это, — говорит, — так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, — и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в

который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это, — говорит, — ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть её русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, — тогда ещё Сестрорецк Сестербеком звали, — не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю проверить. Мне эта коробочка всё равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми её с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междуусобные разговоры насчёт их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал её тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

— Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на

своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против неё, — говорят, — надо взяться подумавши и с Божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, — остановись и спылай за нами: мы к той поре, Бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нисколько не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо своё смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

— Мы ещё и сами не знаем, что učinим, а только будем на Бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже. Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

— Ну, нечего делать, пусть, — говорит, — будет по-вашему; я вас знаю, какие вы, ну, одначе, делать нечего, — я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортить, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдёт, как я с тихого Дона опять в Петербург поворожу, — тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, — говорят, — мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе что-нибудь государеву великолепию достойное представить.

А что именно, этого так-таки и не сказали.

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косою левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветоваться там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да ещё потом успеть сделать посрамительную для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто верст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орёл до Киева снова ещё добрых пять сот вёрст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнёшь — долго ещё будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как пообдумались, то и струсили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Глава седьмая

<...> Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направлясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесечённая» икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше¹. Икона эта вида «грозного и страшного» — святитель Мир-Ликийских² изображён на ней «в рост», весь одет в сребропозлащённой одежде, а лицом тёмн и на одной руке держит храм, а в другой меч — «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «Мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощью» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, всё молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего неизвестно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не сказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, сту-

¹ *Зуша* — река, приток Оки, на которой расположен Мценск.

² *Святитель Мир Ликийских* — архиепископ города Миры в Ликии (IV век), прозванный Николаем Чудотворцем.

«Левша». Художник Н. Кузьмин. 1955 г.

чались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются — неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, — не выскочут ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничего не брало этих хитрых мастеров; один раз только левша высунулся по плечи и крикнул:

— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул и за своё дело принялся.

Только сквозь малые щёлочки было видно, как внутри дома огонёк блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, всё дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во всё это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

Глава восьмая

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые¹ казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнёт, и ещё злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся.

Так они и в Тулу прикатили — тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак сдействовал над ямщиком нагайкою в обратную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил.

Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которою должны были англичан посрамить, и ещё мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых плёт, чтобы как можно скорее.

Всех свистовых разогнал и стал уже простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит — всё ему ещё нескоро показывается.

¹ *Свистовые* — от слов *свисток* и *вестовой* (посланный для передачи вестей).

Так в тогдашнее время всё требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

Глава девятая

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики — те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпали и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули, и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не поддались, дёрнули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да ещё этакую спиралью ошибать смеете! Или в вас после этого Бога нет!

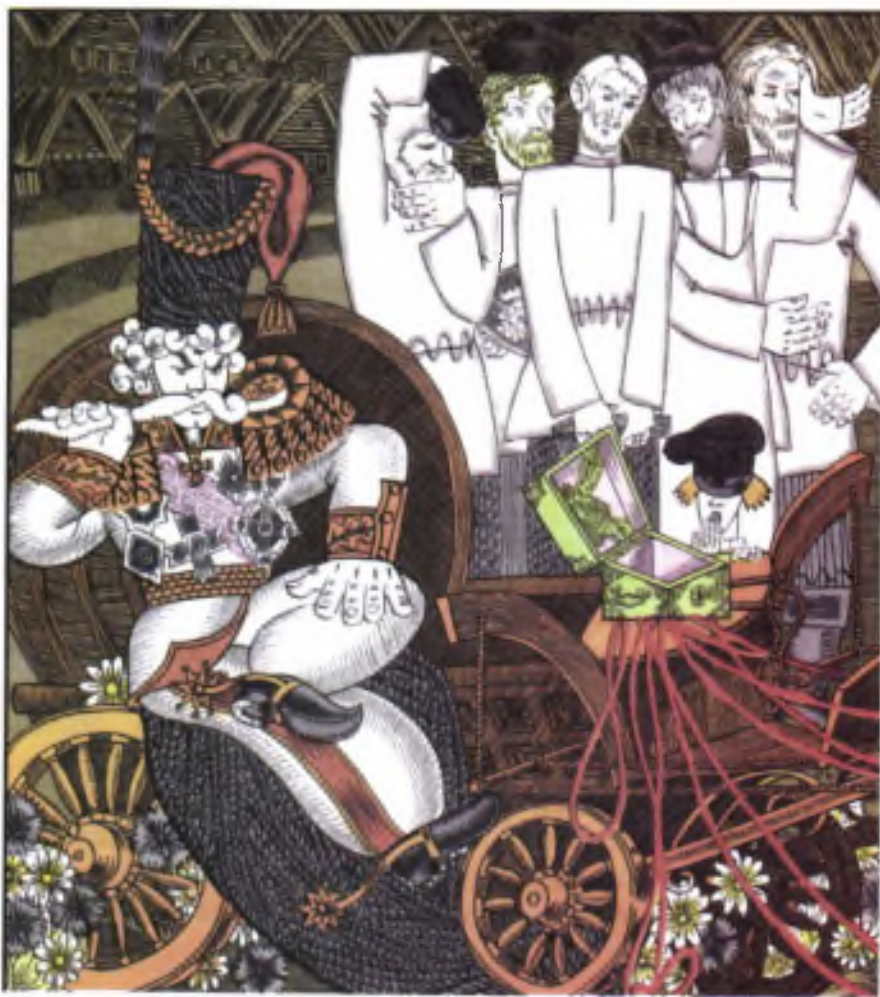
А те отвечают:

— Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьём, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

— Он нас до того часу живьём съест и на помин души не оставит.

Но мастера отвечают:

«Левша». Художник Н. Кузьмин. 1955 г.

— Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несём.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах

застёгивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у левши, в зелёном чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

Глава десятая

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Всё, — отвечают, — готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжён, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ними подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зелёный чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, — видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме её ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где ваша работа, которою вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

— В чём же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

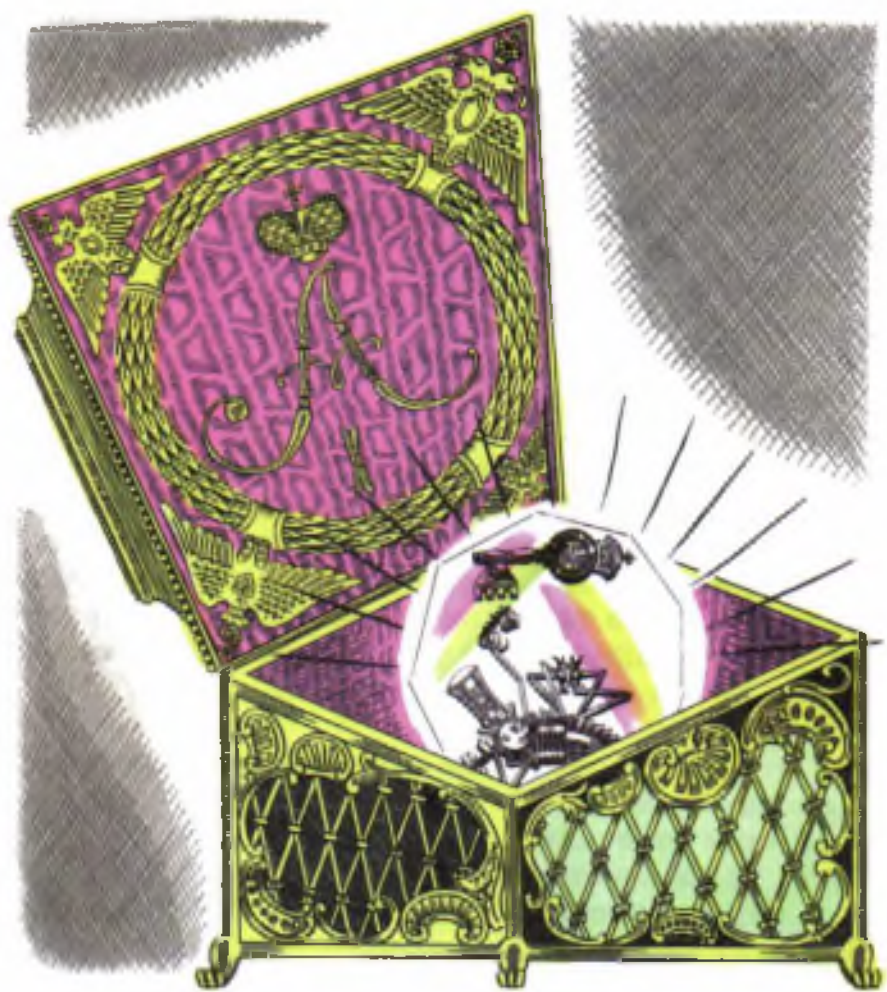
— Зачем это объяснять? Всё здесь в вашем виду, — и предусматривайте.

Платов плечами вздвигнул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же, — отвечают. — Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапы: ловил, ловил — никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от её брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

«Левша». Художник А. Г. Тюрин

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да ещё, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижаете, — мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам

секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

— Ну, так врѣте же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцаными пальцами за шиворот косога левшу, так что у того все крючки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля¹, ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастер ему только осмелился сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента² увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и несъ изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — всё враз заработало и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, расскакавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошёл к государю, а косога левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Глава одиннадцатая

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал,

¹ Пубеля (искаж.) — пуделя.

² Тугамѣнт (искаж.) — документ.

что он непременно его о блохе спросит. И вот хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошёл во дворец со шкатулочкою да потихонечку её в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междуособные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без сроку посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чём не забывал, и чуть Платов насчёт междуособных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория, — говорит, — ваше величество, всё в том же пространстве, и я её назад привёз, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как всё дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Глава двенадцатая

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с неё суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех, — а в нём блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория всё-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо ещё, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учёбе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то, — говорит Платов, — что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказать, а левше только погрозился:

— Я тебе, — говорит, — такой-сякой-этакой, ещё задам.

И велел свистовым, чтобы левше ещё крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого Царя Благая Мати, Пречистая и Чистая», и дальше, как надобно. А ца-

редворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят, — потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довёл Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. — И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил её под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком, — словом сказать, на все стороны её повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чём был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

— Ничего — ввести как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идёт в чём был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик¹ старенький, крючочки не застёгиваются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

¹ Озямчик — крестьянская одежда вроде пальто.

«Левша». Художники Кукрыниксы

Как взошёл левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

— Мы, — говорит, — вот как клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну её ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

— Помилуй, скажи, — говорит государь, — это уже очень сильно мелко!

— А что же делать, — отвечает левша, — если только так нашу работу и заметить можно: тогда всё и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял — взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Смотрите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Глава четырнадцатая

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это ещё не всё удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твоё имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми под-

ковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли про-
известить это удивление?

А левша ответил:

— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа
не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что левши дело вы-
горело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей
дал и говорит:

— Прости меня, братец, что я тебя за волосья ото-
драл.

Левша отвечает:

— Бог простит, — это нам не впервые такой снег на
голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было
ни с кем разговаривать, потому что государь приказал
сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и ото-
слать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там по-
няли, что нам это не удивительно. И велел государь,
чтобы вёз блоху особый курьер, который на все языки
учён, а при нём чтобы и левша находился и чтобы он
сам англичанам мог показать работу и каковы у нас в
Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

— Пусть, — говорит, — над тобою будет благосло-
вение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки
пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельвроде¹ велел, чтобы обмыли левшу в
Туляковских всенародных банях, остригли в парикма-
херской и одели в парадный кафтан с придворного пев-
чего, для того, дабы похоже было, будто и на нём ка-
кой-нибудь жалованный чин есть.

¹ *Граф Кисельвроде* — сатирическое переименование фамилии министра
иностраннх дел в 1822—1856 годах графа К. В. Нессельроде.

Как его таким манером обформировали, напоили на дороге чаем с платовскою кисляркою, затянули ремённым поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левшой и пошли заграничные виды.

Глава пятнадцатая

Ехали курьер с левшой очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок ещё уже перетягивали, чтобы кишки с лёгкими не перепутались; но как левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранному: «Ай люли — се тре жули»¹.

Курьер как привёз его в Лондон, так появился кому надо и отдал шкатулку, а левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служающему себе на рот, а тот сейчас его и свёл в пищеприёмную комнату.

Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглицки спросить — не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет, — англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не подходящее не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг² в огне, — он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зелёная — вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждёт курьера в прохладе за баклажечкой.

¹ *Се тре жули* (фр.) — это очень мило.

² *Студинг* — словообразование от слова *пудинг*.

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту её рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицейские¹ ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон² вышел.

— А самого этого мастера, — говорят, — мы сейчас хотим видеть.

Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пищеприёмную залу, где наш левша порядочно уже подрумянился, и говорит: «Вот он!»

Англичане левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе за руки. «Камрад, — говорят, — камрад — хороший мастер, — разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твоё благополучие».

Спросили много вина, и левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает, — может быть, отравить с досады хотите.

— Нет, — говорит, — это не порядок: и в Польше нет хозяина больше³, — сами вперёд кушайте.

Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил.

Они заметили, что он левой рукою крестится, и спрашивают у курьера:

— Что он — лютеранец или протестантист⁴?

Курьер отвечает:

— Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры.

— А зачем же он левой рукою крестится?

Курьер сказал:

— Он — левша и всё левой рукою делает.

¹ *Публицейские* — сатирическое словообразование от слов *публичные* и *полицейские*.

² *Клеветон* — от слов *фельетон* и *клевета*.

³ *В Польше нет хозяина больше* — поговорка.

⁴ *Лютеранец, протестантист (протестант)* — слова обозначают принадлежность к разным религиям.

Англичане ещё более стали удивляться и начали накачивать вином и левшу и курьера, и так целые три дня обходились, а потом говорят: «Теперь довольно». По симфону¹ воды ерфиксом² приняли и, совсем освеживши, начали расспрашивать левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает?

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику³, а арихметики мы нимало не знаем.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

— А что же это, — спрашивают, — за книга в России Полусонник?

— Это, — говорит, — книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчёт гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчёт силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и её подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует.

Левша согласился.

— Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

¹ Симфон — сифон для воды.

² Ерфикс (фр.) — отрезвляющее средство.

³ Псалтирь (Псалтырь) — часть Библии. Полусонник, Сонник — толкователи снов.

А англичане сказывают ему:

— Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет.

Но на это левша не согласился.

— У меня, — говорит, — дома родители есть.

Англичане назвали, чтобы его родителям деньги посылать, но левша не взял.

— Мы, — говорит, — к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница — старушка и привыкли в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я ещё в холостом звании.

— Вы, — говорят, — обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим.

— Этого, — ответил левша, — никогда быть не может.

— Почему так?

— Потому, — отвечает, — что наша русская вера самая правильная и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы.

— Вы, — говорят англичане, — нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие содержим.

— Евангелие, — отвечает левша, — действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее.

— Почему вы так это можете судить?

— У нас тому, — отвечает, — есть все очевидные доказательства.

— Какие?

— А такие, — говорит, — что у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые¹ главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине — мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет.

¹ Гроботочивые — мироточивые, источающие благовонную жидкость.

— Отчего же так? — спрашивают. — Вы не пренебрегайте: наши тоже очень чисто одеваются и хозяйственные.

А левша говорит:

— Я их не знаю.

Англичане отвечают:

— Это неважно суть — узнать можете: мы вам грандеву¹ сделаем.

Левша застыдился.

— Зачем, — говорит, — напрасно девушек морочить. — И отнекался. — Грандеву, — говорит, — это дело господское, а нам нейдёт, и если об этом дома, в Туле, узнают, надо мною большую насмешку сделают.

Англичане полюбопытствовали:

— А если, — говорят, — без грандеву, то как же у вас в таких случаях поступают, чтобы приятный выбор сделать?

Левша им объяснил наше положение.

— У нас, — говорит, — когда человек хочет насчёт девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвечали, что у них разговорных женщин нет и такого обыкновения не водится, а левша говорит:

— Это тем и приятнее, потому что таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить?

Он англичанам и в этих своих суждениях понравился, так что они его опять пошли по плечам и по коленям с приятством ладошками хлопывать, а сами спрашивают:

— Мы бы, — говорят, — только через одно любопытство знать желали: какие вы порочные приметы в наших девицах приметили и за что их обегаете?

¹ Грандеву (рандеву) (фр.) — встреча, свидание.

Тут левша им уже откровенно ответил:

— Я их не порочу, а только мне то не нравится, что одежда на них как-то мащется, и не разобрать, что такое надето и для какой надобности; тут одно что-нибудь, а ниже ещё другое пришпилено, а на руках какие-то ногавочки¹. Совсем точно обезьяна сапажу — плисовая тальма².

Англичане засмеялись и говорят:

— Какое же вам в этом препятствие?

— Препятствия, — отвечает левша, — нет, а только опасаясь, что стыдно будет смотреть и дожидаться, как она из всего из этого разбираться станет.

— Неужели же, — говорят, — ваш фасон лучше?

— Наш фасон, — отвечает, — в Туле простой: всякая в своих кружевцах, и наши кружева даже и большие дамы носят.

Они его тоже и своим дамам казали, и там ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Он отвечал, что мы, говорит, очень сладко не приучены.

Тогда ему по-русски вприкуску подали.

Им показывается, что этак будто хуже, а он говорит:

— На наш вкус этак вкуснее.

Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и всё своё искусство покажут.

— А потом, — говорят, — мы его на своём корабле привезём и живого в Петербург доставим.

На это он согласился.

Глава шестнадцатая

Взяли англичане левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин

¹ *Ногавки* — носки.

² *Плисовая тальма* — пальто без рукавов из дешёвой под бархат ткани.

имел и на разные языки был учён, но они им не интересовались, а левшою интересовались, — и пошли они левшу водить и всё ему показывать. Он смотрел всё их производство: и металлические фабрики, и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчёт рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом¹, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукой стирабельная дощечка: всё, что который мастер делает, — на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цыфрях написано, то и на деле выходит. А придёт праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на всё их житьё и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколько то, как старые в каком виде состоят. Всё обойдет и хвалит, и говорит:

— Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдёт, — засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнёт:

— Это, — говорит, — против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает:

— Не могу ли, — говорит, — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

— Которые тут были, те, должно быть, глядели.

¹ С бойлом — с побоями.

— А как, — говорит, — они были: в перчатке или без перчатки?

— Ваши генералы, — говорят, — парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

— Покорно благодарствуйте на всём угощении, и я всем в вас очень доволен и всё, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

— Мы на буреметр¹, — говорят, — смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас, Финский залив, а тут настоящее Твердиземное² море.

— Это всё равно, — отвечает, — где умереть, — всё единственно, воля Божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: наплатили, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром³, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли левшу на корабль, который в Россию шёл. Тут поместили левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдёт на палубу, под презент сядет и спросит: «Где наша Россия?»

Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнёт, а он туда лицом и оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит.

Как вышли в буфты⁴ в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нель-

¹ Буремётр (искаж.) — барометр.

² Твердиземное (искаж.) — Средиземное.

³ С трепетиром (искаж.) — с репетиром (боем).

⁴ Буфта (искаж.) — бухта.

зя было успокоить. Водопление стало ужасное, а левша всё вниз в каюты нейдёт — под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

Много раз англичане приходили его в тёплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал.

— Нет, — отвечает, — мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колыхания морская свинка сделается.

Так всё время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному полшкиперу, который, на горе нашего левши, умел по-русски говорить. Этот полшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает.

— Молодец, — говорит, — рус! Выпьём!

Левша выпил.

А полшкипер говорит:

— Ещё!

Левша и ещё выпил, и напились.

Полшкипер его и спрашивает:

— Ты какой от нашего государства в Россию секрет везёшь?

Левша отвечает:

— Это моё дело.

— А если так, — отвечает полшкипер, — так давай держать с тобой аглицкое парей¹.

Левша спрашивает:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьёт, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится², — скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно, — пари держать всё-таки веселее будет.

¹ Парей — пари.

² Небо тучится, брюхо пучится — поговорка.

— Хорошо, — говорит, — идёт!
— Только чтоб честно.
— Да уж это, — говорит, — не беспокойтесь.
Согласились и по рукам ударили.

Глава семнадцатая

Началось у них пари ещё в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде¹, но шли всё наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один, глянув в море, увидел, как из воды чёрт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полшкипер видит чёрта рыжего, а левша говорит, будто он тёмный, как мурин².

Левша говорит:

— Перекрестись и отворотись — это чёрт из пучины.

А англичанин спорит, что «это морской водоглаз».

— Хочешь, — говорит, — я тебя в море швырну? Ты не бойся — он мне тебя сейчас назад подаст.

А левша отвечает:

— Если так, то швыряй.

Полшкипер его взял на закорки и понёс к борту.

Матросы это увидели, остановили их и доложили капитану, а тот велел их обоих вниз запереть и дать им рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить и есть и своё пари выдержать, — а горячего студингу с огнём им не подавать, потому что у них в нутре может спирт загореться.

Так их и привезли взаперти до Петербурга, и пари из них ни один друг у друга не выиграл; а тут расклали их на разные повозки и повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а левшу — в квартал.

Отсюда судьба их начала сильно различаться.

¹ Динаминде (Дюнамюнде) — старое название порта Даугавгрива — в устье реки Даугавы.

² Мурик — негр.

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в тёплую ванну посадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверх шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле изголовья на столик положили и ушли.

А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пёстрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повёл городской левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А левша всё это время на холодном парате¹ лежал; потом поймал городской извозчика, только без тёплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут — уши рвут, чтобы в память пришёл. Привезли в одну больницу — не принимают без тугамента, привезли в другую — и там не принимают, и так в третью, и в четвёртую — до самого утра его по всем отдалённым кривопуткам таскали и всё пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь

¹ На холодном парате — на каменном крыльце.

«Левша». Художники Кукрыниксы

сказал городовому везти его в простонародную Обухвинскую больницу¹, где неведомого сословия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридор посадить.

А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро про-

¹ Обухвинская больница — Обуховская больница для бедных в Петербурге.

глотил, на лёгкий завтрак курицу с рысью¹ съел, ерфиксом запил и говорит:

— Где мой русский камрад? Я его искать пойду. Одедся и побежал.

Глава девятнадцатая

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро левшу нашёл, только его ещё на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.

— Мне бы, — говорит, — два слова государю непременно надо сказать.

Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел:

— Разве так можно! У него, — говорит, — хоть и шуба овечкина, так душа человеческина.

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человеческину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову — он простые чувства имеет».

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про левшу вспомнил.

— Как же, братец, — говорит, — очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию² получил — теперь меня больше не уважают, — а ты беги скорее к коменданту Скобелеву³, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Полшкипер пошёл и к Скобелеву и всё рассказал: какая у левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

¹ С рысью — то есть с рисом.

² Пуплекция — апоплексический удар, паралич.

³ Скобелев Иван Никитич (1778—1849) — генерал, комендант Петропавловской крепости.

— Я эту болезнь понимаю, только немцы её лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского¹.

Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышёву² доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышёв на него закричал:

— Знай, — говорит, — своё рвотное да слабительное, а не в своё дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка всё продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышёву о левше и напомнил, а граф Чернышёв и говорит:

— Пошёл к черту, плезирная трубка³, не в своё дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слышал, — тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрётся» — так и молчал.

А доведи он левшины слова в своё время до государя, — в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

¹ Мартын-Сольский (Сольский Мартын Дмитриевич, 1798—1881) — врач при гвардейских полках.

² Чернышёв Александр Иванович (1786—1857) — князь, военный министр.

³ *Плезирная трубка* — здесь: «клизтирная».

Теперь всё это уже «дела минувших дней» и «преданья старины»¹ хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер её главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворённый народною фантазиею миф он интересен, а его происхождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвётся в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душою».

Размышляет о прочитанном

1. Почему безымянный мастер (левша) и его товарищи взялись поддержать Платова и с ним всю Россию?
2. Прочитайте сцену во дворце. Обратите внимание на портрет левши. Как он держится с царём и его окружением?

¹ «Дела минувших дней», «преданья старины» — вольная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

3. Почему «на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал», а имени левши там не оказалось?
4. Как англичанам удалось уговорить левшу погостить в Англии? Что произвело на него особое впечатление за границей?
5. Каким изобразил Н. С. Лесков генерала Платова? Что главное в его характере? Какими чертами народного героя любитесь автор, а какие отвергает?

Учимся читать выразительно

Найдите в сказе эпизоды, рисующие царское окружение, детали текста, передающие сатирическое отношение автора к его представителям. Прочитайте эти сцены так, чтобы почувствовалась авторская едкая насмешка.

В Энциклопедическом словаре есть сведения о Платове:

«Платов, Матвей Иванович (1751—1818), русский военный деятель, генерал от кавалерии, соратник А. В. Суворова и М. И. Кутузова. В 1790 году Платов командовал колонной при штурме Измаила... В Отечественной войне 1812 года Платов, командуя конным корпусом, прикрывал отход 2-й армии Багратиона, а затем 1-й и 2-й русских армий. В Бородинском сражении провёл успешный манёвр в тыл левого крыла французских войск. Платов был инициатором и организатором Донского казачьего ополчения против французских захватчиков»¹.

Чем отличается это сообщение от изображения Платова в сказе «Левша».

Сказ — жанр эпоса, опирающийся на народные предания и легенды. Повествование ведётся от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи.

¹ Энциклопедический словарь. — М., 1953—1955. — Т. 2. — С. 665.

Совершенствует свою речь

1. Жанр сказа предполагает сказителя, близкого к народу. Прочитайте фрагменты сказа, где слышен голос сказителя. Обратите внимание на его речь. К кому из героев произведения он ближе всего? Подтвердите свой ответ цитатами из текста сказа.
2. Сказ о левше очень близок к произведению устного народного творчества. Найдите в нём приёмы сказочного повествования: зачин, повторы, диалоги, концовку, — подумайте, какую роль они играют в произведении.
3. В сказе о левше много новых слов. Словообразование начинается там, где рассказчик или герой сталкивается с нерусскими названиями, непонятными малограмотному человеку. Мастеровой, рассказывая о вещах ему незнакомых и чужеземных, искажает их названия согласно своему представлению о них. Но вместе с тем рассказчик вкладывает в них юмористический смысл в духе народного понимания, например: кушетка — «укушетка», «вестовые» — «свистовые», таблица — «долбица». Продолжите эти примеры. Обратите внимание на тех, кому они принадлежат.
4. По признанию Лескова, замысел «Левши» возник из поговорки: «Англичанин сделал блоху из стали, а русский её подковал». В языке сказа много русских пословиц и поговорок, например: «У него хоть шуба овечкина, да душа человечкина», «Утро ночи мудренее» и др. Найдите ещё пословицы и поговорки.
5. Расскажите о характере левши. Можно при этом воспользоваться следующим цитатным планом:
 - а) « — Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул и за своё дело привялся»;
 - б) «Идёт в чём был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застёгиваются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится»;
 - в) «...Я мельче этих подковык работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может»;

г) «Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не запислись, но только своему отечеству верно преданные»;

д) «...А я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помещательства достать».

Подумайте, какими пунктами можно было бы дополнить этот план.

6. Лесков говорил: «...там, где стоит „левша“, надо читать „русский народ“». Имея это в виду, подумайте, почему косою левша в сказе не имеет имени и даже прозвище его пишется с маленькой буквы.

Творческое задание

Л. Н. Толстой назвал Лескова «писателем будущего». Какой, по-вашему, смысл вкладывал великий писатель в эти слова? Подготовьте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите портрет левши и иллюстрации художника Н. Кузьмина. Обратите внимание на то, как художник изобразил левшу и других героев. Каково отношение художника к изображаемому?
2. Один из критиков так выразил своё мнение о рисунках Н. Кузьмина к сказу «Левша»: «Лесковский птрих у Кузьмина... озорной, неожиданный, резкий, но по сути добрый... стиль... рождён самим текстом, в который вошёл художник, чтобы пережить „изнутри“ его событие». Согласны ли вы с этим утверждением?
3. Рассмотрите иллюстрации Кукрыниксов к «Левше». Можно ли согласиться с таким высказыванием: «Здесь художники уязвлены за левшу, так что чувствуется почти личная их обида»?
4. Интерес к «Левше» за сто с лишним лет с момента появления не уменьшается. Художники, режиссёры, композиторы обращаются к сказу Лескова. Он был поставлен на театральных сценах многих городов

(МХАТ — 1924 год, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, Московский театр Спесивцева — 1980 год и др.). Мультфильм и телефильм «Левша» с большим успехом прошли по экранам. Если вы видели один из них, ответьте на вопрос: совпали ли ваши представления от прочитанного с увиденным?

5. В старой части города Орла, рядом со зданием гимназии, где учился Н. С. Лесков, и церковью Михаила Архангела, окрестности которой стали местом действия произведений писателя, стоит памятник Н. С. Лескову авторов Ю. Г. и Ю. Ю. Ореховых. Если вы видели этот памятник или его изображение (на открытках, в Интернете), ответьте на вопросы: в чём особенность этого памятника? Узнаёте ли вы героев Н. С. Лескова?

Писатели улыбаются

Антон Павлович

Чехов

1860—1904

Антон Павлович Чехов вошёл в литературу совсем молодым. Он начал писать рассказы, когда учился в Московском университете, готовясь стать врачом. В эти годы в юмористических журналах появляется множество разнообразных рассказов, подписанных весёлым именем Антоша Чехонте. Эти рассказы короткие и очень смешны. Они поражают неистощимой выдумкой, фантазией. Чувствуется, что творческая энергия автора бьёт через край. Среди этих рассказов, как драгоценные камни, сверкают настоящие шедевры¹, такие, например, как «Хирургия», «Канитель», «Налим», «Пересолил». Иван Алексеевич Бунин утверждал, что если бы Чехов написал только два или три рассказа, подобные этим, то и тогда было бы ясно, что «сверкнул и исчез замечательный ум». Свою мысль писатель поясняет так: выдумать и сказать хорошую шутку могут только очень умные люди, те, у которых ум «по всем жилушкам переливается».

¹ *Шедевр* — исключительное по своим достоинствам произведение искусства.

Музей «Лавка Чеховых» (г. Таганрог)

Чехов очень ценил чувство юмора и тех, кто быстро улавливает шутку. «Да-с, это уж вернейший признак: не понимает человек шутки — пиши пропало!» — говаривал Антон Павлович. Он сочинял весёлые сценки, придумывал забавные прозвища, смешные имена, вовлекал всех в весёлые забавы. «Так и видишь его в это время: высокий, изящный, гибкий, очень по-

движный, со светло-кариими весёлыми глазами, магнетически влекущий всех к себе» — таким вспоминается современнику молодой Чехов.

Между тем жилось Чехову в молодости трудно. В журналах платили мало, требовали, чтобы писал часто, коротко и смешно. Семья Чехова была большой: отец, мать, сестра, младшие братья. Всё время преследовало безденежье. Но жизнелюбие, избыток творческих сил побеждали все невзгоды.

Проверьте себя

1. Что такое псевдоним?
2. Антоша Чехонте — один из псевдонимов Чехова. Как вы думаете, почему Чехов не стал сразу подписывать рассказы своим именем?
3. Вспомните псевдонимы других писателей.

Из воспоминаний об А. П. Чехове

Работать с людьми и скитаться с людьми, но больше всего он любил веселиться с людьми, озорничать, хохотать вместе с ними...

Хохот был совсем не беспричинный, потому что его причиной был Чехов.

Этого молодого, бессмертно весёлого хохота Чехову было отпущено столько, что, чуть только у него среди его тяжёлых трудов выдавался хотя бы час передышки, веселье так и било из него, и невозможно было не хохотать вместе с ним. То нарядится в бухарский халат, вымажет себе лицо сажей, наденет чалму и разыгрывает из себя «бедуина», то загримирует себя прокурором, облачится в шитый золотом великолепный мундир, принадлежащий хозяину дачи, и произносит обвинительную речь против друга Левитана, речь, которая, по словам его брата, «всех заставляла умирать от хохота».

Чехов обвинял Левитана и в уклонении от воинской повинности, и в тайном винокурении, и в содержании тайной кассы

ссуд и заранее приглашал на это шутовское судилище другого своего приятеля, архитектора Шехтеля, в качестве гражданского истца.

Сунуть московскому городовому в руки тяжёлый арбуз, обмотанный толстой бумагой, и сказать ему с деловито-озабоченным видом: «Бомба!.. неси в участок, да смотри осторожнее», или уверить наивную до святости молодую писательницу, что его голуби с перьями кофейного цвета происходят от помеси голубя с кошкой, живущей в том же дворе... — к этой проказливости его тянуло всегда...

И как это часто бывает в счастливых, молодых, сплочённых семьях, в полковых и школьных коллективах, Чехов, разговаривая с близкими, заменял обычные их имена фамильярными кличками. Многие из этих причудливых кличек прилипали к людям на всю жизнь, но он неистощимо придумывал новые, и нередко данное им прозвище оказывалось гораздо точнее, чем то случайное имя, которое у человека было в паспорте...

Себя самого Чехов величал в своих письмах то Гудияди Янос, то Бокль, то граф Черномордик, то Повсекакий, то Аркадий Тарантулов, то Дон Антонио, то академик Тото, то Шиллер Шекспирович Гёте...

И в тогдашних писаниях Чехова та же вакханалия весёлости...

Всех изумляла тогда именно эта свобода и лёгкость, с которой бьющая в нём через край могучая энергия творчества воплощалась в несметное множество бесконечно разнообразных рассказов...

К. И. Чуковский

Проверьте себя

1. Каким человеком предстаёт перед вами А. П. Чехов по воспоминаниям К. И. Чуковского?
2. Какие особенности характера писателя помогли ему стать замечательным мастером юмористического рассказа?

Творческое задание

Подготовьте развернутое сообщение об А. П. Чехове, используя дополнительную литературу и ресурсы Интернета.

Л. Н. Толстой об А. П. Чехове

Чехов — несравненный художник. Да, да, именно: несравненный... Художник жизни. И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродни не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное... Он брал из жизни то, что видел... и если брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно до последних чёрточек. Главное же — он был всегда искренен. И это великое достоинство в писателе. И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен... Как только я вчитался, так этот язык и захватил меня.

Чехов — это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам, так и в рассказах Чехова, хоть в каком-нибудь из них, читатель непременно увидит себя и свои мысли...

Проверьте себя

Что особенно высоко ценил Л. Н. Толстой в творчестве А. П. Чехова? (Предварительно выделите в тексте слова и словосочетания, которые помогут вам ответить на этот вопрос, например: «художник жизни», «передавал удивительно образно и понятно», «новые формы писания», «язык удивителен» и др.)

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

«Тослый и тонкий». Рисунок В. Бритвина

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыб-

кой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чеподаны, уалы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чиновочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы объясните название рассказа? Каким вам кажется рассказ — смешным, грустным или смешным и грустным одновременно? Над кем и над чем смеется писатель?
2. Что хочет сказать автор тем, что Порфирий (тонкий) начинает повторять рассказ о своей семье? Почему он вдруг изменился?

3. Как вы думаете, был бы рассказ смешнее, если бы в нём был мотив служебной подчинённости тонкого толстому?
4. Как показывает автор перемену в Порфирии, когда тот узнаёт о служебном положении своего знакомого (что происходит с ним, с вещами)? Почему толстый отвернулся от тонкого и ушёл? Как об этом говорит Чехов?

Учитесь читать выразительно

Подготовьте инсценированное чтение рассказа, постарайтесь при чтении передать ваше отношение к персонажам.

Фонохрестоматия ((СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ))

«Толстый и тонкий»

1. Прислушайтесь к чтению актёра и скажите, какими средствами (интонация, тембр голоса, ритм речи, эмоциональная окраска звучания) актёр выражает отношение автора к персонажам.
2. В тексте повторяются слова «приятно ошеломлены». В каком случае эта фраза у писателя и актёра передаёт реальное состояние героев, в каком — иронию автора? Почему?
3. Что случилось с голосом тонкого, когда он узнал о карьере школьного приятеля? Как это передаёт актёр?

Родная природа в стихотворениях русских поэтов XIX века

Русские поэты посвятили природе различных времён года множество стихотворений. При этом каждый видел и по-своему запечатлевал весну, лето, осень и зиму.

Евгений Абрамович
Баратынский
1800—1844

«Весна, весна! как воздух чист!..» В стихотворении Е. А. Баратынский встречает весну ликующим, восторженным гимном. Поэт радостно приветствует раннюю весну, которая со всей мощью и присущим ей блеском приходит на смену зиме. Она и в поэте пробуждает порыв к идеалу, к высоким чувствам и желание слиться в этом едином порыве с природой и раствориться в ней.

В другом стихотворении («Чудный град порой сольётся...») Баратынский пишет о том, что иногда летучие облака

могут создать таинственный «чудный град», но, навеянный образами природы, он мгновенен, хрупок и зыбок. Под напором ветра он рушится, и это прекрасное видение бесследно исчезает. В стихотворении возникает тонкое сравнение с поэтической мечтой, которая столь же мгновенна и хрупка, как и природное видение. Она тоже недолгая гостья в мире повседневной суеты.

По двум стихотворениям Баратынского уже можно судить о том, что жизнь природы сопоставлена с жизнью человека. Рассказывая о жизни природы, поэт передаёт свои чувства, мысли, свои желания и тревоги. Все изменения в природе напоминают отношения между людьми.

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Варевев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей,
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!..

* * *

Чудный град порой сольётся
Из летучих облаков;
Но лишь ветер его коснётся,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные создания
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Фонохрестоматия (« СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ »)

«Весна, весна! как воздух чист!..»

1. Меняются ли интонации актёра, когда он читает стихи о лёгких облаках, о бурной реке, о песне незримо-го жаворонка?
2. Прислушайтесь к тому, как актёр передаёт смену весенних чувств и настроений поэта.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

«Чудный град порой сольётся...»

1. Как актёр передаёт лёгкость, зыбкость, изменчивость картин, создаваемых движением облаков?
2. С каким чувством поэт говорит о быстром исчезновении «мгновенных созданий поэтической мечты»? Как эти чувства передаёт актёр?

Яков Петрович

Полонский

1819—1898

«По горам две хмурых тучи...» В стихотворении Я. П. Полонского образы двух туч и скалы напоминают детей и мать. Тучи днём блуждали вдали от матери, а к вечеру склонились на грудь скалы, но обеим места не хватило, и они повздорили. Из их ссоры родилась молния, грянул гром. Схватка туч, однако, больно отозвалась в сердце матери-скалы, потому что ей были одинаково дороги обе тучи. Она жалобно застонала, и тучи-дети вняли этому стону. Они не хотели обижать скалу-мать и, обескураженные, удивлённые своим поступком и пожалевшие скалу, мирно улеглись у её ног, смиренно признавая свою неправоту. Так наблюдение над предгрозовым пейзажем рождает лирический сюжет, в котором легко узнаются человеческие отношения родителей и детей.

* * *

По горам две хмурых тучи
Знойным вечером блуждали
И на грудь скалы горячей
К ночи медленно сползали.
Но сошлись — не уступили
Той скалы друг другу даром
И пустыню огласили
Яркой молнии ударом.
Грянул гром — по дебрям влажным
Эхо резко засмеялось,
А скала таким протяжным
Стоном жалобно сказалась,
Так вздохнула, что не смели

Алексей Константинович
Толстой
1817—1875

«Где гнутся над омутом лозы...» Современник Полонского поэт А. К. Толстой с помощью образов природы создаёт целые баллады. Весёлые стрекозы в стихотворении зовут мальчика ввысь, обещая научить его летать. Они обещают спеть ему много песен, показать отлогий берег и песчаное дно. Они рассказывают мальчику о том, как красиво вокруг, предлагают ему посмотреть на омут сверху, взлетев вместе с ними. Однако это может погубить ребёнка.

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы,
Весёлый ведут хоровод:

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно!
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!..»

Размышляет о прочитанном

1. Вы прочитали стихотворения о родной природе поэтов XIX века и размышления литературоведа о них. О каком из этих стихотворений вам хотелось бы высказать своё суждение? Какое из них хочется выучить наизусть, потому что оно передаёт ваше восприятие того или другого явления природы и связанного с ним настроения?
2. В стихотворении Е. А. Баратынского «Весна, весна! как воздух чист...» поэт подробно рассказывает о приметах наступающей весны («воздух чист», «ясен небосклон», «шумят ручьи», «жавронок поёт»). Поэт приветствует весну, которая будит и его собственные силы, веселит душу. Поэт возрождается вместе с природой. Какой литературный приём помогает сделать картину живой, а все видимые предметы очеловеченными, одухотворёнными?
3. В стихотворении Баратынского «Чудный град порой сольётся...» говорится о видении и создании града из летучих облаков. Как вы это понимаете? Отчего исчезает видение города из облаков? Почему могут исчезнуть мечтания поэта?
4. Найдите олицетворения и объясните их роль в стихотворении Полонского «По горам две хмурых тучи...». Какие образы возникают при чтении стихотворения?
5. Стихотворение А. К. Толстого «Где гнутся над омутом лозы...» — может быть, красивая пейзажная картинка, может быть, страшная сказка... О чём она? Кому и как рассказывают стрекозы о красоте летней природы? Можно ли им верить?

Проект

Подготовьте поэтический вечер и выставку репродукций русских художников-пейзажистов «Родная природа». На вечере вы расскажете о поэтах и прочитаете их стихотворения. Подберите аудиозаписи музыкальных произведений, которые будут сопровождать выступления чтецов.

Литературные места России

А. С. Пушкин

Царское Село

(Ныне город Пушкин под Санкт-Петербургом)

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село... —

писал А. С. Пушкин, отдавая дань благодарной памяти месту, где он стал поэтом.

Царское Село. Лицей

В 1811 году в Царском Селе, летней резиденции российских императоров, был открыт Лицей, привилегированное закрытое учреждение для детей из семей высшего сословия. Цель Лицея — «образование юношей, особенно предназначенных к важным частям службы государственной». Обучение было рассчитано на шесть лет. В программу Лицея входили русская словесность, история, иностранные языки, география, политико-нравственные и физико-математические науки, рисование, музыка, физические упражнения (фехтование, плавание, верховая езда). Воспитанники много читали. Библиотека Лицея получала все издававшиеся в России журналы и газеты. Лицейсты были в курсе последних литературных новинок. Живо и эмоционально обсуждали прочитанное. Лицейстов первого выпуска объединяло то высокое чувство бескорыстной, преданной дружбы, которое поэт называл «лицейским братством». Наиболее дружен Пушкин был с Иваном Пушным, Антоном Дельвигом, Вильгельмом Кюхельбекером. В Лицее получил благотворное развитие талант юного поэта. Как он сам вспоминал:

Пушкин на лицейском акте. Художник И. Репин. 1911 г.

Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Здесь Пушкин написал более 120 стихотворений, начал работу над поэмой «Руслан и Людмила».

В 1949 году во флигеле Александровского дворца (который в 1811 году был приспособлен архитектором В. П. Стасовым под Лицей) был открыт музей.

В музее создана экспозиция, воссоздающая учебные помещения на третьем этаже: Большой зал, газетную комнату, библиотеку, учебный класс, физический кабинет, классы рисования и пения. На четвёртом этаже — комнаты воспитанников.

Ежегодно 19 октября в музее проходит литературно-музыкальный вечер, посвящённый годовщине открытия музея.

Сайт музея в Интернете: <http://www.museumpushkin.ru/info/liceuminfo.php>

Ф. И. Тютчев

Овстуг

(Жуковский район Брянской области)

Овстуг — усадьба родителей Ф. И. Тютчева, Ивана Николаевича и Екатерины Львовны. Детство поэта прошло в Овстуге. Первоначальное домашнее образование Тютчев получил в родительском доме под руководством Семёна Егоровича Раича, известного литературного критика и переводчика. На всю жизнь в душе Тютчева осталась благодарная память о родной усадьбе. «Когда ты говоришь об Овстуге, прелестном, благоуханном, цветущем, безмятежном и лучезарном, — ах, какие приступы тоски по родине овладевают мною...» — писал поэт в одном из писем жене. Тютчев часто навещал родные места. Обычно летом. Один раз, 6 декабря 1852 года, поэт посетил Овстуг зимой. Именно тогда было написано знаменитое стихотворение «Чародейкою зимою...». В последний раз Тютчев навещал усадьбу в августе 1871 года. Дочь поэта Мария Фёдоровна открыла в селе школу для сельских детей. Поэт передал школе

Дом-музей Ф. И. Тютчева в Овстуге

Гостиная в Доме-музее в Овстуге

часть усадебной земли и дал указание управляющему в течение шести лет бесплатно выдавать дрова для школы.

С 1957 года в Овстуге — музей Ф. И. Тютчева. Сначала музей размещался в здании школы для крестьянских детей, построенной дочерью поэта, а с 1986 года в восстановленном главном усадебном доме.

С 1961 года в июне в Овстуге проходят ежегодные Тютчевские праздники поэзии.

Сайт музея в Интернете: <http://www.ovstug.debryansk.ru/>

Н. А. Некрасов

Село Карабиха

(Ярославская область)

Детство и юность Николая Алексеевича Некрасова прошли на берегу Волги, в родительском имении Грешнево, в Ярославской губернии. Многие годы спустя, став известным поэтом, Некрасов неоднократно навещает ставшие для него родными места, они навсегда запечатлены в его стихотворениях.

В 1861 году поэт покупает у потомков князя М. Н. Голицына усадьбу Карабиха, расположенную там же, в Ярославском крае, но на другом берегу Волги. В 1862—1875 годах Некрасов живёт в Карабихе в летнее время. Здесь им написаны поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Дедушка», главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо», многие стихотворения.

В Карабихе у Некрасова гостили великий русский драматург А. Н. Островский, выдающийся сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, другие известные писатели. Недалеко от Карабихи находится село Аббакумцево, в котором поэт открыл школу для сельских детей.

В настоящее время Карабиха является центром литературно-мемориального музея-заповедника Н. А. Некрасова. В состав музея-заповедника входят усадьба Карабиха, остатки усадьбы родителей поэта и парк в селе Грешневе, основанная поэтом школа в селе Аббакумцево.

Дом-музей Н. А. Некрасова в Карабихе

Комната в Доме-музее Н. А. Некрасова в Карабихе

Традиционно в Карабихе проводятся праздники поэзии, посвящённые памяти Н. А. Некрасова.

Сайт музея в Интернете: <http://www.museum.ru/M587>

Н. С. Лесков

Город Орёл

С орловщиной и самим губернским городом Орлом связано детство и юность Н. С. Лескова. В Орловской губернии, в селе Горохове, он родился, несколько лет его детства прошли на небольшом хуторе Панино. Затем годы учения в орловской гимназии, годы, в которые возникла и окрепла у будущего писателя страсть к чтению. Н. С. Лесков был вынужден, не закончив гимназию, поступить на службу чиновником в Орловскую

Музей Н. С. Лескова

уголовную палату. Впоследствии в произведениях писателя оживут вновь жизненные истории, судьбы людей, коллизии судебных дел, с которыми молодому чиновнику приходилось сталкиваться по долгу службы. Неслучайно в сюжетах многих его произведений звучат темы преступлений, совершённых персонажами его произведений («Леди Макбет Мценского уезда») или жертвами которых стали герои прозы Лескова («Тупейный художник»).

Посетители дома-музея Н. С. Лескова в Орле имеют возможность познакомиться с творческой биографией писателя, миром произведений и героев писателя, создавшего прекрасную галерею положительных типов русского человека. В экспозиции музея представлены рукописи писателя, прижизненные издания его произведений, многочисленные фотографии, запечатлевшие различные этапы жизни писателя, его окружение, книги из лич-

Музей Н. С. Лескова. Кабинет

ной библиотеки Н. С. Лескова с его пометами и комментариями на полях.

Гордостью музея является воссозданная (на основе подлинных мемориальных вещей) обстановка петербургского кабинета писателя. Музей является научным центром изучения творчества Н. С. Лескова. Совместно с Орловским государственным университетом Музей Н. С. Лескова регулярно проводит научные конференции, посвящённые творчеству писателя.

Сайт музея в Интернете: www.art.oryol.ru/litmuseum-leskov.htm

Содержание

Писатели — создатели, хранители и любители книги.	3
В дорогу зовущие.	—
Проверьте себя	4
Творческое задание	5
Устное народное творчество	6
Обрядовый фольклор	—
Календарно-обрядовые песни	—
Колядки	—
Масленичные песни	7
Весенние песни	8
Летние песни	9
Осенние песни	10
Проверьте себя	—
Обогащайте свою речь	11
Учимся читать выразительно	—
Литература и другие виды искусства	—
Фонохрестоматия. Слушаем музыкальные произведения	—
Проект	13
Пословицы и поговорки.	—
Пословицы	15
Поговорки	—
Обогащайте свою речь	16
Развиваем свою речь.	—
Проект	17
Древнерусская литература	18
Проверьте себя	22
Развиваем свою речь.	—

Иа «Повести временных лет»	23
«Сказание о белгородском киселе»	—
Размышляем о прочитанном	24
Развиваем свою речь	25
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
Произведения русских писателей XVIII века	26
Русская басня	—
Проверьте себя	—
И. И. Дмитриев	27
«Муха»	28
Размышляем о прочитанном	30
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
И. А. Крылов	31
Проверьте себя	34
«Осёл и Соловей»	—
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	37
«Листы и Корни»	—
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	40
«Ларчик»	—
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	43
Размышляем о прочитанном	—
Совершенствуем свою речь	44
Литература и изобразительное искусство	—
Проект	—
Произведения русских писателей XIX века	45
А. С. Пушкин	—
Лицейские годовщины	50
Лицейские профессора	—
Проверьте себя	51
Лицейская лирика	—
Творческое задание	—

«И. И. Пущину»	52
Проверьте себя	53
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
«Узник»	—
Размышляем о прочитанном	54
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
«Зимнее утро»	55
Размышляем о прочитанном	56
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	57
Совершенствуем свою речь	—
Творческое задание	—
<i>Двусложные размеры стиха</i>	58
Проверьте себя	59
О романе «Дубровский»	—
Проверьте себя	63
«Дубровский»	—
Размышляем о прочитанном	138
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	141
Литература и другие виды искусства	—
<i>Композиция</i>	142
Размышляем о прочитанном	143
О «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина»	—
Размышляем о прочитанном	144
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
Проект	145
М. Ю. Лермонтов	146
Проверьте себя	149
«Тучи»	150
Размышляем о прочитанном	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	151
«Три пальмы». Восточное сказание	152
Размышляем о прочитанном	154
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
Творческое задание	155

«Листок»	156
Размышляем о прочитанном	157
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
«Утёс»	158
Размышляем о прочитанном	—
Литература и другие виды искусства	159
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
Совершенствуем свою речь	—
Проект	160
И. С. Тургенев	161
Проверьте себя	163
«Бежин луг» вчера и сегодня	—
«Бежин луг». (Из «Записок охотника»)	164
Судьба «Записок охотника»	189
Из примечаний к «Бежину лугу»	190
Размышляем о прочитанном	—
Творческое задание	191
Литература и изобразительное искусство	—
Совершенствуем свою речь	—
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	192
Ф. И. Тютчев	193
«Неохотно и несмело...»	195
Размышляем о прочитанном	—
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	196
«С поляны коршун поднялся...»	—
Размышляем о прочитанном	197
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
Учимся читать выразительно	—
«Листья»	198
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	199
Учимся читать выразительно	—
Совершенствуем свою речь	200
А. А. Фет	201
Проверьте себя	202

«Ель рукавом мне тропинку завесила...»	203
Размышляем о прочитанном	—
Творческое задание	204
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
«Ещё майская ночь»	205
Размышляем о прочитанном	206
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
«Учись у них — у дуба, у берёзы...»	207
Размышляем о прочитанном	208
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
Проект	209
Н. А. Некрасов	210
Проверьте себя	212
«Железная дорога»	213
Размышляем о прочитанном	220
Творческое задание	—
Литература и изобразительное искусство	—
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	221
<i>Трёхсложные размеры стиха</i>	222
Проверьте себя	223
Н. С. Лесков	224
Проверьте себя	226
«Левша». Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе	—
Размышляем о прочитанном	268
Учимся читать выразительно	269
Совершенствуем свою речь	270
Творческое задание	271
Литература и другие виды искусства	—
Писатели улыбаются	273
А. П. Чехов	—
Проверьте себя	275
Из воспоминаний об А. П. Чехове	—

Проверьте себя	276
Творческое задание	277
Л. Н. Толстой об А. П. Чехове	—
Проверьте себя	—
«Толстый и тонкий»	278
Размышляем о прочитанном	280
Учимся читать выразительно	281
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
Родная природа в стихотворениях русских поэтов	
XIX века	282
Е. А. Баратынский	—
«Весна, весна! как воздух чист!..»	283
«Чудный град порой сольётся...»	284
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
Я. П. Полонский	285
«По горам две хмурых тучи...»	—
«Посмотри — какая мгла...»	286
<i>Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение</i>	—
А. К. Толстой	287
«Где гнутся над омутом лозы...»	—
Размышляем о прочитанном	288
Проект	—
Литературные места России	289
А. С. Пушкин. Царское Село	—
Ф. И. Тютчев. Овстуг	291
Н. А. Некрасов. Село Карабиха	293
Н. С. Лесков. Город Орёл	295

Учебное издание

**Полухина Валентина Павловна, Коровина Вера Яновна,
Журавлев Виктор Петрович, Коровин Валентин Иванович**

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

**Учебник для общеобразовательных учреждений
с приложением на электронном носителе**

В двух частях

Часть 1

Зав. редакцией В. П. Журавлев

Редакторы М. С. Вукколова, Е. И. Правоторова

Художественный редактор А. П. Присекина

Технический редактор и верстальщик Н. В. Лукина

Корректоры Е. Д. Светларова, Т. Ю. Дубровина

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать с оригинал-макета
16.04.12. Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать
офсетная. Уч.-изд. л. 14,15 + 0,50 фора. Доп. тираж 50 000 экз. Заказ № 32402 (П-Гр).

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1.